

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.342.5

ПОНЯТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Д.В. Покатов

Саратовский государственный университет,
кафедра прикладной социологии
E-mail: BegininalA@info.sgu.ru

В статье рассматриваются особенности современных социологических представлений о содержании понятия «политическая элита».

Определяется вклад представителей различных социологических школ и направлений в анализ сущности и характерных черт политической элиты и дается авторская интерпретация этого понятия.

Ключевые слова: политическая элита, власть, политическая деятельность.

Political Elite Concept in the Light Contemporary Sociological Representations

D.V. Pokatov

In the article the peculiarities of the contemporary sociological representations about concept «political elite» are considered.

The contribution of the representatives of different sociological schools in developing characteristic features of the concept «political elite» and the analyses of it's essence was determined. In this article the author's interpretation of the mention above concept was given.

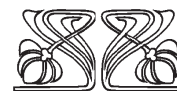
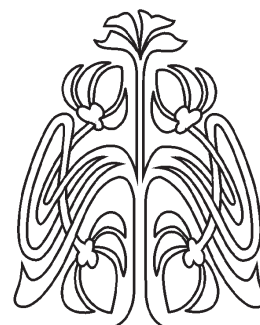
Key words: political elite, power, political activity.

Понятие элиты, как известно, вошло в научный оборот со второй половины XIX в. благодаря трудам известных итальянских социологов Г. Моска и В. Парето. Несмотря на достаточно значительный отрезок времени, прошедший с того момента, когда данная социальная группа стала объектом научного анализа, следует отметить, что ясность и методологическая четкость в определении её сущности отсутствуют до настоящего времени.

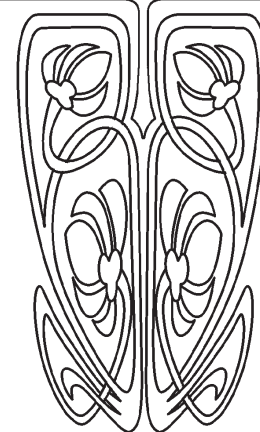
Среди исследователей продолжают споры как о границах, так и о признаках данной социальной группы.

При этом по вопросу о составе и границах политической элиты ряд отечественных социологов во многом продолжают развивать идеи многих западных элитологов, которые сформировали два ведущих направления в её изучении. Представители одного из них (В. Парето, Ч.Р. Миллс и некоторые другие) достаточно широко определяли элиту, объединяя в нее не только политико-административную, но и экономическую, военную, научную, культурную и другие элитные подгруппы. В частности, Ч.Р. Миллс отмечал, что элита – это не просто те люди, кто «имеет больше всех», но это прежде всего те, кто занимает ведущие позиции в важнейших социальных институтах, являющихся непременными основами власти, богатства, престижа и выступающими одновременно «главным орудием осуществления власти, приобретения и сохранения богатства, реализации самых высоких притязаний на престиж»¹.

Даже политическая элита рассматривалась ими достаточно широко, как социальная группа, включавшая в себя несколько уровней, различающихся по характеру и возможностям принятия политических

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

решений, а в социальном плане – объединяющая представителей нескольких иерархий, «властвующих в мире корпораций, в государственном аппарате, в военном ведомстве»².

Данный подход, как справедливо полагает ряд современных отечественных социологов, не всегда позволяет уяснить специфику именно политической элиты. Хотя эта социальная группа может включать выходцев из различных сфер деятельности, которых сам Ч.Р. Миллс называет «политическими аутсайдерами», однако основной для них является все же политическая деятельность.

Ряд западных исследователей (начиная с Г. Моска, Г. Лассуэла, А. Этциони) относят к политической элите только наиболее активных в политическом отношении лиц, которые занимают ведущие позиции в системе власти и осуществляют управленческие функции. Данный подход находит сторонников и в российской социологии и политологии³.

Действительно, трудно отрицать тот факт, что политическая элита – это прежде всего социальная группа, объединяющая лиц, основным занятием которых является участие в политической деятельности. Однако констатация этого факта не проясняет сущности явления. Возникает несколько вопросов, один из которых заключается в том, какими критериями обладает сама политическая деятельность и в чем заключаются главные качественные характеристики политического деятеля.

Данный вопрос остается пока все ещё слабо изученным в современной научной литературе. В частности, ещё М. Вебер считал, что, поскольку политика означает стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами, либо внутри государства, между группами людей, которые оно заключает, то, следовательно, «тот, кто занимается политикой, тот стремится к власти: либо к власти как средству, подчиненному другим целям (идеальным или эгоистическим), либо к власти “ради неё самой”, чтобы наслаждаться чувством престижа, которое она дает»⁴.

М. Вебер также отмечал, что политический деятель должен обладать такими важными чертами, как страсть (или ориентация на существо дела), исключительная личная ответственность за порученное ему дело, отклонить которую он не может, не имеет права, и глазомер, то есть способность «с внутренней собранностью и спокойствием поддаться воздействию реальности»⁵.

По мнению известного американского социолога Ч.Р. Миллса, политический деятель – «это человек, который все более или менее регулярно играет известную роль в политических институтах и считает эту роль, по меньшей мере, одним из основных видов деятельности»⁶.

В представлении отечественного исследователя А.А. Борисенкова, политическая дея-

тельность – это особая форма человеческой активности, содержанием которой является использование политической власти и определение в виде политических решений направлений государственной деятельности и общественного развития. По его мнению, подлинным субъектом политической деятельности может считаться только тот, кто, во-первых, владеет политической властью; во-вторых, может профессионально ей распоряжаться⁷. Само владение политической властью служит необходимой предпосылкой появления профессионального политика, или квалифицированного специалиста в этой области общественной жизни, который приобретает необходимые для политической деятельности качества, в том числе соответствующее образование и опыт, осознание стоящих перед государством и обществом задач и умение точно выражать их в политических решениях⁸.

Все перечисленные выше подходы объединяет общая трактовка политического деятеля как лица, стремящегося к власти или обладающего ей. Именно такая трактовка находится в основе позиционного (функционального) подхода, рассматривающего политическую элиту как социальную группу, включающую в себя лиц, занимающих ведущие политико-административные позиции и принимающих важнейшие стратегические решения.

В той или иной степени данный подход получил свое развитие в трудах Г. Моски, Ч.Р. Миллса, ряда российских социологов, прежде всего, представителей ортодоксального марксизма. При всех достоинствах главным его недостатком является игнорирование морально-нравственной стороны политической деятельности и участия в политике деятелей контрэлиты.

Антиподом позиционного направления в изучении политической элиты является меритократический подход, ряд положений которого можно обнаружить ещё в трудах Платона и некоторых других представителей философской мысли, считавших, что элита – это особая социальная группа, объединяющая квалифицированных специалистов с высокими моральными и интеллектуальными качествами. В рамках отечественной социологии его наиболее последовательными приверженцами были представители социологии народничества и ряда социально-философских школ, а также некоторые современные российские социологи, прежде всего Ю.А. Левада⁹. Хотя в трудах представителей данного направления идеал элиты и нашел свое наивысшее воплощение, однако применительно к политической элите, включавшей зачастую лиц, далеких от моральных идеалов, он не всегда раскрывает сущности явления.

В последние годы в ряде западных стран используется и метод экспертных оценок, в соответствии с которым политическая элита рассматривается как группа наиболее влиятельных и активных в политическом отношении индивидов.

Для их определения формируется специальная экспертная группа, состоящая из политологов, социологов и психологов, которая проводит опросы общественного мнения и определяет рейтинг политических деятелей¹⁰. В целом, при всех своих достоинствах, ни один из подходов, по причине своей категоричности и односторонности, не может быть приемлемым для определения сущности политической элиты.

Сегодня уже недостаточно одностороннее видение данной группы и её роли в обществе, даваемое представителями различных подходов. Необходим, как думается, синтез идей, учитывающий и практику существования и развития политической элиты в условиях определенного общества. Шаги в этом направлении предпринимались и ранее. Однако в условиях развития социологической науки в конце XIX – первой четверти XX вв. они носили некоторую теоретико-идеалистическую направленность. Как правило, на первом, классическом, этапе развития отечественной социологии понятие политической элиты использовалось классиками отечественной социологии в широком ценностном контексте, который не всегда позволял уяснить специфику данной группы.

В этой связи можно согласиться с авторами монографии «Проблема “элиты” в современной России. Размышления над результатами социологического исследования» Л.Д. Гудковым, Б.В. Дубинным и Ю.А. Левадой в том, что когда говорят об элите в целом, то подразумевают такую социальную группу, которая, во-первых, обладает уникальным социально-значимым ресурсом – властью, культурным потенциалом (сакральное, затем рационализированное знание, оперирование символическими структурами – «языками» культуры), профессиональным опытом; во-вторых, способностью реализовывать этот потенциал для поддержания нормативных образцов, символических структур и опорных социальных «узлов» данной общественной системы; в-третьих, обеспечивает хранение и «воспроизводство» своего ресурса из поколения в поколение¹¹.

При этом для элиты в целом важен именно культурный потенциал. Политическая элита прежде всего ориентирована на властные отношения. Для неё важны в первую очередь «функциональные требования квалификации» (если воспользоваться понятием, которым оперируют в своей монографии Л.Д. Гудков, Б.В. Дубин и Ю.А. Левада), то есть обладание профессиональным опытом, знание политики и механизмов реализации политических решений, что невозможно, конечно, и без наличия авторитета и влияния, связанных с имеющимися культурным потенциалом и особыми ресурсами влияния на общество.

В настоящее время все более заметна тенденция к анализу прикладных аспектов элитной проблематики (что наиболее ярко проявляется в работах А.В. Дуки, М.Н. Афанасьева, И.Е. Дис-

кина, О.В. Крыштановской, А.К. Магомедова, Е.В. Охотского и др.). Объединение этих аспектов позволяет сделать анализ политической элиты более целостным и системным, характерным для интегрального подхода, что невозможно без учета рассмотрения тенденций изменения её состава, специфики её рекрутирования и функционирования.

Вследствие того что политическая элита объединяет лиц, основным занятием которых является участие в политической деятельности, что может проявляться как в форме реализации политических проектов во властных институтах (при условии занятия политическим деятелем определенной должности), так и в форме участия в деятельности контрэлиты, то при определении сущности данной группы следует учитывать эти обстоятельства.

Поэтому политическую элиту нельзя сводить только к деятелям, занимающим ведущие позиции в системе власти и использующим по своему усмотрению политическую власть. На современном этапе в её состав входят и политики, не связанные напрямую с властными позициями, но имеющие авторитет и влияние в обществе, а также средства для участия в политике и реализации политических целей и программ. Учитывая это, политическую элиту можно определить как относительно небольшую социальную группу со сложной структурой, образованную выходцами из различных социальных слоев, профессионально занимающихся политической деятельностью, располагающих возможностями (как статусными, так и иными) для воздействия на социальную среду.

Примечания

¹ Миллс Ч.Р. Властвующая элита. М., 1959. С. 31.

² Там же.

³ См.: Ашин Г.К. Элитология. М., 2005. С. 215; Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М., 2005; Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России. Вехи исторической эволюции. М., 2006. С. 10.

⁴ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 646.

⁵ Там же.

⁶ Миллс Ч.Р. Властвующая элита. М., 1959. С. 312.

⁷ См.: Борисенков А.А. О критериях политической деятельности // Власть. 2002. № 9. С. 54.

⁸ Там же.

⁹ См.: Левада Ю.А. Элитарные структуры в советской и постсоветской ситуации // Общественные науки и современность. 2007. № 6. С. 5–6.

¹⁰ См.: Ашин Г.К., Лозанский Э.Д., Кравченко С.А. Социология политики. Сравнительный анализ российских и американских политических реалий. М., 2001. С. 261–262.

¹¹ См.: Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Левада Ю.А. Проблема «элиты» в современной России. Размышления над результатами социологического исследования. М., 2007. С. 26.

УДК [316.74:378] (470+571)

ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

И.Г. Малинский

Саратовский государственный университет,
кафедра теории и истории социологии
E-mail: DylnovGV@info.sgu.ru

В статье проанализирован целый ряд вопросов дальнейшего реформирования высшей школы современной России под воздействием на данный процесс новой экономической ситуации в мире.

Ключевые слова: экономический кризис, образование, высшая школа, инновационные технологии.

Problems of Reforming the Higher Education in Russia in the Conditions of Economic Crisis

I.G. Malinsky

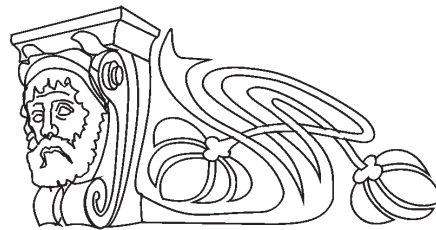
The article analyses a number of problems of further reforming the higher education in modern Russia under the influence of new economic situation in the world.

Key words: economic crisis, education, higher school, innovative technologies.

Процесс реформирования высшего образования в стране – многогранный, масштабный и продолжительный по времени, ибо он решает не только внутривузовские задачи, но непосредственно и опосредованно касается функционирования многих общественных институтов, органов власти и управления как в центре, так и на местах; затрагивает интересы по существу населения страны в целом. Вот почему так обострено внимание к протеканию реформирования со стороны всего общества.

Мировой экономический кризис, разразившийся осенью 2008 г., внес свои весьма существенные коррективы в данный процесс. Назвать эти коррективы лишь отрицательными совершенно несправедливо, поскольку в более жестких рамках функционирования приходит осознание необходимости поиска наиболее эффективных путей и средств реализации стоящих перед организацией, коллективом задач. Все это ныне наглядно проявляется в деятельности высших учебных заведений страны.

Прежде всего следует отметить, что весьма проблемными становятся вопросы финансирования науки и образования. Всех вузовских руководителей волнует далеко не праздный вопрос, что будет с бюджетом образования? Правда, по словам руководителей высшего образования страны, ситуация с финансированием вузов не выглядит драматичной и оно не будет

ниже, чем в 1998 г. Вузы уже получили годовые ассигнования, по защищенным статьям бюджета финансирование не сократилось. Сокращения приема на первый курс не ожидается, прием же в магистратуру и аспирантуру будет увеличен в несколько раз, путь туда в 2009 г. будет открыт выпускникам как бакалавриата, так и специалитета. С увеличением количества магистрантов особенно актуален вопрос жилья для иногородних. На 2009–2010 гг. предусмотрено окончание строительства сорока двух общежитий в системе высшего образования. В 2009 г. на эти цели будет выделено дополнительно более 4 млрд рублей. В то же время ассигнования на новое строительство сокращены.

В рамках национального проекта «Образование» был создан большой потенциал российской школы: укрепилась материальная база учебных заведений, изменился психологический настрой их сотрудников. Благодаря этому потенциалу, а также известной инерционности система образования способна работать в очень сложных условиях.

В заявлениях высших руководителей страны все время подчеркивается, что никаких сокращений финансов для реализации приоритетных национальных проектов, в том числе и по образованию, не будет. Тем не менее сфера образования не может быть в стороне от той системы антикризисных мероприятий, которые ныне реально складываются в обществе. Поэтому неизбежны, на наш взгляд, задержки в бюджетном финансировании вузов, что скажется на всех сторонах деятельности вузов, а также на материальном положении сотрудников и студентов.

Экономический кризис в мире, в том числе и в России, приводит неизбежно к сокращению рабочих мест и повышению уровня безработицы. В нашей стране прогнозируется появление около трех миллионов безработных. В Саратовской области процесс сокращения рабочих мест начался в 2008 г., причем формы этого процесса разнообразны: прямое сокращение численности занятых, неполная рабочая неделя, отпуска без содержания и т.д.

В вузах ситуация иная. Прямого сокращения преподавательских кадров нет и не будет. Вместе с тем во всех вузах России идет процесс оптимизации преподавательского состава, приведения его в соответствие с составом студенчества в соотношении 1 : 10 согласно законодательным актам нашей страны. Проблема эта застарелая, накопленная десятилетиями предшествующей

деятельности, ее необходимо было решать раньше, но это выпало именно на нынешний период развития высшей школы.

К сожалению, процесс оптимизации состава преподавательских кадров некоторыми работниками вузов отождествляется с процессом сокращения педагогов. При этом забывается, что нагрузка одной части преподавателей была выше нормативной, а другой – ниже, что, естественно, нарушало принцип социальной справедливости и порядок функционирования вузов.

Другой сложной проблемой функционирования вузов в современных условиях является проблема студенчества. В начале 2009 г. Президент России поставил вопрос о необходимости государственной поддержки студентов «внебюджетников». Руководителям учебных заведений настоятельно рекомендовано зафиксировать в рублях сумму, взимаемую с «платных» студентов на весь период их обучения.

Министерство науки и образования РФ обратилось к ректорам вузов страны с просьбой предоставить информацию о количестве незаполненных бюджетных мест и о количестве заявлений студентов на перевод с контрактной основы на бесплатную. Одновременно министерство изучает информацию о том, как отражена возможность перевода с внебюджетных мест на бюджетные в условиях вуза. Есть вузы, в которых для того, чтобы перевестись с внебюджетного места на бюджетное, надо шесть сессий подряд учиться «на отлично», что, по существу, является запретительной мерой.

Как неоднократно подчеркивал Президент России, необходимо, чтобы все руководители вузов страны понимали, что перевод студентов с внебюджетных мест на бюджетные является социальной поддержкой населения, которая в нынешней кризисной ситуации должна помочь учащимся, потому что вузы существуют для студентов, а не для того, чтобы зарабатывать деньги. Все документы по обеспечению финансового бремени студентов должны быть доведены до руководства всех вузов.

В марте 2009 г. совет ректоров саратовских вузов обсудил поручения Президента России в сфере высшего профессионального образования и поддержки студентов. Совет принял решение провести совместное совещание с представителями Сбербанка и ВТБ-24 для выработки механизмов по образовательному кредитованию студентов, а также продолжить работу по переводу студентов, обучающихся с полным возмещением затрат на обучение, на бюджетные места и рекомендовать вузам установить фиксированную плату за предоставление платных образовательных услуг.

Было сказано, что в вузах созданы и работают антикризисные штабы, которые реализуют предложения Президента России. К примеру, как сообщил председатель совета ректоров, ректор Ака-

демии права, депутат облдумы Сергей Суоров: «Внутривузовский антикризисный штаб работает в СГАП не первый месяц. Мы разработали комплекс мероприятий, направленных на смягчение негативного воздействия финансового кризиса. Одной из основных задач, которые решают члены штаба, является поиск оптимальных способов оплаты для студентов, обучающихся на коммерческой основе и ставших неплатежеспособными в условиях кризиса. Наш вуз, как и другие, готов участвовать в системе переподготовки кадров, на рынок труда мы выходим с конкретными предложениями. Важно и то, что в такое сложное время мы не только избежали сокращения профессорско-преподавательских кадров, но и нашли возможность повышения заработка для всех членов трудового коллектива»¹.

Совет решил рекомендовать вузам принять участие в разработке программ подготовки, переподготовки и повышения квалификации высвобождаемых работников с учетом потребностей регионального рынка труда, запросов работодателей; активизировать работу вузовских служб содействия трудоустройству и временной занятости студенческой молодежи; обеспечить их взаимодействие с городским центром занятости населения и районными службами; создать в вузах центры развития предпринимательства для формирования бизнес-инкубаторов, в которых бы оказывалась комплексная поддержка предприятиям малого бизнеса, создавались на них рабочие места для выпускников вузов.

Практически все вузы города Саратова сумели найти возможности перевода коммерческих студентов на бюджетные места: в разных вузах эти цифры различные, но в общей сумме оказывается значительная группа студентов, которые становятся бюджетниками и, следовательно, освобождаются от платы за учебу. Кроме того, ведется работа по расширению эксперимента по государственной поддержке предоставления образовательных кредитов, по созданию специальных конструкторских центров из выпускников вузов, что способно в известной мере решить проблему трудоустройства бывших студентов вузов. Руководство страны считает, что необходимо максимально снизить ставки кредитов на образование, потому что образовательные кредиты носят социальный характер и не могут обеспечиваться так, как обеспечиваются кредиты в коммерческом секторе.

Предполагается, что выпускникам вузов будет дана возможность стажировок на тех или иных предприятиях в течение трех месяцев. Государство устанавливает им гарантированную заработную плату в размере прожиточного минимума, т.е. 4,3 тыс. рублей. За этот период выпускники могут проявить себя и остаться на производстве, которое впоследствии будет оплачивать их труд.

Важное место принадлежит активизации деятельности самих студентов по решению сложных

проблем функционирования вузов в условиях кризиса. В марте 2009 г. в Саратовском государственном университете им. Н.Г. Чернышевского прошла экономическая конференция студенческой молодежи. Организатором мероприятия выступил молодежный парламент при Саратовской областной думе. В числе гостей были представители правительства области, руководители вузов Саратова. Участники предлагали различные решения проблем кризиса в вузах губернии.

Остановимся на некоторых инициативах студентов. Одним из приоритетных направлений в России всегда являлся агропромышленный комплекс. Студенты Саратовского государственного аграрного университета им. Н.И. Вавилова сделали акцент на развитие рыбного хозяйства в области. Цель программы – выведение региона на лидерские позиции в ПФО по данной отрасли. Предполагаемая прибыль от проекта превышает 110 млн рублей в год.

О деятельности «Регионального молодежного центра инновационных промышленных технологий» рассказали студенты Саратовского государственного технического университета: создается база для поддержки и стимуляции молодых ученых, развивается инновационная культура, потенциально привлекательные проекты будут доводиться до реализации, появятся дополнительные места в инновационной сфере.

Студенты Саратовской государственной академии права представили программу развития конкуренции в условиях экономического кризиса. Эффект от внедрения проекта обещает повышение конкурентоспособности и рыночного потенциала предприятий и коммерческих организаций, а также экономической активности региона.

О развитии малого бизнеса как субъекта инфраструктуры переработки мусора рассказали представители Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. Использование сырья вторичной переработки является не просто ресурсосберегающей технологией, проект позволит улучшить экологическую ситуацию в губернии, он изменит облик Саратова и повысит экологическую культуру населения, к тому же при воплощении программы в жизнь сто человек будут обеспечены рабочими местами. Ожидаемая ежегодная прибыль – более 1,5 млн рублей.

Студенты Поволжской академии государственной службы им. П.А. Столыпина представили проект «Развитие инфраструктуры по профилактике налоговых правонарушений». В результате его реализации повысится уровень правовой грамотности населения, активность в сфере предпринимательства, уменьшится число бизнесменов, уклоняющихся от уплаты налогов.

Способы решения проблем, распределения кредитных средств представили в своей программе студенты Саратовского социально-экономического университета. Инновационный проект позволит снизить социальную напряжен-

ность за счет улучшения возможностей получения займов и повысить экономическую активность, уменьшая количество посредников между государственными средствами на реализацию программ кредитования.

Представители Саратовского юридического института МВД России рассказали о развитии механизмов сдерживания уровня преступности в связи с экономическим кризисом. Задачи проекта: концентрирование внимания на группах риска, сдерживание роста преступности в условиях кризиса, реализация программы профилактических мер. Разработчики предлагают создать институт народных дружинников, благодаря чему сократятся затраты на содержание аналогичного количества сотрудников правоохранительных органов. Реализация проекта позволит снизить социальную напряженность и повысить доверие к власти.

Далее следует остановиться на тех изменениях, которые предполагаются в самой организации высшего образования в стране. В 2009 г. продолжится системная работа по оптимизации сети вузов. Половина из них сегодня не соответствует своему аккредитационному статусу. В ближайшее время аккредитационные требования станут еще более жесткими. Приоритетным направлением оптимизации является системная интеграция образовательных учреждений всех уровней прежде всего путем укрупнения «по горизонтали» или «по вертикали» в единые комплексы, многофункциональные и многопрофильные. Примеры таких комплексов уже есть – Кабардино-Балкарский госуниверситет, Орловский государственный технический университет и некоторые другие.

Продолжится и упорядочивание сети филиалов вузов страны. С 2002 г. их количество выросло на 13,7% – до 1069. Сегодня в них учатся более миллиона студентов. Проведенная Рособрнадзором в 2007 г. проверка деятельности 26 филиалов выявила в каждом втором из них серьезные нарушения лицензионных условий, организации учебного процесса, несоответствие содержания подготовки студентов требованиям государственных образовательных стандартов. В общей сложности в 2008 г. были ликвидированы 37 филиалов (в 2007 г. – 21). С начала 2009 г. закрыты 7 филиалов, подготовлены предложения о закрытии еще 9. Министр образования и науки Российской Федерации Андрей Фурсенко призвал не превращать слово «филиал» в пугало. «Закрытие филиалов, сказал он, – это не административная мера, это задача образовательного сообщества, которое защищает себя от псевдообразования»².

В конечном счете в условиях разразившегося экономического кризиса смогут не просто выжить, но и успешно развиваться те вузы, которые построили свою деятельность на инновационных программах. Как известно, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского в течение двух лет

(2007–2008 гг.) был участником федерального проекта «Образование», выиграв крупный грант на осуществление инновационной образовательной программы. В результате ее реализации в Саратовском университете удалось существенно укрепить материально-техническую базу научно-образовательных, научно-исследовательских и научно-производственных структур, подготовить и обновить методическое и программное обеспечение учебного и научного процессов, повысить квалификацию многих преподавателей вуза³.

Масштабная работа по созданию инновационного учебно-методического обеспечения образовательного процесса удерживает СГУ в числе региональных лидеров по конкурсу среди абитуриентов. Несмотря на демографические изменения число желающих поступить в Саратовский университет растет, и хотя в 2008 г. рост замедлился, конкурс остается на уровне 4–6 человек на место.

Реализация мероприятий инновационной образовательной программы позволяет решить одну из важных задач российской высшей школы – закрепление талантливой молодежи в вузах и на производстве для работы по полученной при обучении в вузе специальности.

Обновление лабораторной базы, учебно-методических ресурсов, программного обеспечения и экспериментального оборудования позволило оптимизировать систему стимулов к продолжению образовательной траектории и научному поиску в стенах родного вуза. Об этом свидетельствует резкое уменьшение количества выпускников, состоящих на учете на бирже труда, увеличение числа желающих обучаться далее в аспирантуре и поступление закончивших аспирантуру на штатные должности в университет. Укрепление материально-технической базы,

научно-образовательных лабораторий позволило вернуть ряд научных сотрудников из других городов и стран.

Инновационно-образовательная программа СГУ играет важную роль в реформировании высшего профессионального образования. Так, за два года реализации инновационной образовательной программы получены лицензии по специальностям и направлениям подготовки: среднее образование – 14, высшее – 26, дополнительное – 3; подготовлены документы для лицензирования по шести специальностям и направлениям подготовки высшего профессионального образования, по одной специальности аспирантуры. Большинство учебно-методических материалов, созданных преподавателями СГУ в рамках инновационной образовательной программы, адаптировано как к специальностям, так и к направлениям подготовки бакалавров. Разработан также пакет магистерских программ.

Реализация программы Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского прошла успешно, запланированные цели, мероприятия и эффекты достигнуты. Дальнейшая работа по окончательному завершению преобразований в Саратовском университете позволит сформировать инновационную систему СГУ и качественно, эффективно и конкурентоспособно позиционировать и реализовать ее в региональной экономике.

Примечания

- ¹ <http://news.sarbc.ru/main/2009/03/12/88660.html>
- ² См. подробнее: Поиск (газета). 2009. № 9. С. 5.
- ³ См.: Инновационно-образовательная программа Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского: итоги и перспективы: Сб. ст. Саратов, 2009.

УДК 316:1

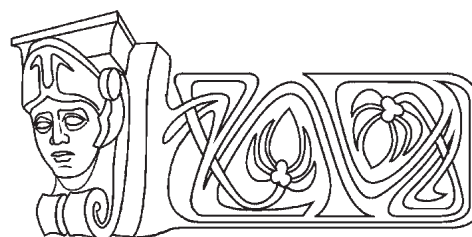
К ВОПРОСУ О ФОРМАХ ПРОЯВЛЕНИЯ ПРИНЦИПА ДЕТЕРМИНИЗМА В СОЦИОЛОГИИ

С.А. Ровнова

Саратовский государственный университет,
кафедра теории и истории социологии
E-mail: DylnovGV@info.sgu.ru

В статье рассматриваются проблемы применения принципа социального детерминизма в социологической науке. Проанализированы различные формы проявления детерминизма – географический, экологический, демографический, культурный, социальный и др. Показано значение данного принципа в современной социологической науке.

Ключевые слова: детерминизм, детерминизм социальный, детерминизм географический, детерминизм технологический, детерминизм экономический.

To the Forms of Determinism in Sociology

S.A. Rovnova

The article considers the problems of applying the principle of social determinism in social science. It analyzes various forms of determinism such as geographical, ecological, demographic, cultural, social determinism, etc. It shows the role of this principle in modern sociology.

(2007–2008 гг.) был участником федерального проекта «Образование», выиграв крупный грант на осуществление инновационной образовательной программы. В результате ее реализации в Саратовском университете удалось существенно укрепить материально-техническую базу научно-образовательных, научно-исследовательских и научно-производственных структур, подготовить и обновить методическое и программное обеспечение учебного и научного процессов, повысить квалификацию многих преподавателей вуза³.

Масштабная работа по созданию инновационного учебно-методического обеспечения образовательного процесса удерживает СГУ в числе региональных лидеров по конкурсу среди абитуриентов. Несмотря на демографические изменения число желающих поступить в Саратовский университет растет, и хотя в 2008 г. рост замедлился, конкурс остается на уровне 4–6 человек на место.

Реализация мероприятий инновационной образовательной программы позволяет решить одну из важных задач российской высшей школы – закрепление талантливой молодежи в вузах и на производстве для работы по полученной при обучении в вузе специальности.

Обновление лабораторной базы, учебно-методических ресурсов, программного обеспечения и экспериментального оборудования позволило оптимизировать систему стимулов к продолжению образовательной траектории и научному поиску в стенах родного вуза. Об этом свидетельствует резкое уменьшение количества выпускников, состоящих на учете на бирже труда, увеличение числа желающих обучаться далее в аспирантуре и поступление закончивших аспирантуру на штатные должности в университет. Укрепление материально-технической базы,

научно-образовательных лабораторий позволило вернуть ряд научных сотрудников из других городов и стран.

Инновационно-образовательная программа СГУ играет важную роль в реформировании высшего профессионального образования. Так, за два года реализации инновационной образовательной программы получены лицензии по специальностям и направлениям подготовки: среднее образование – 14, высшее – 26, дополнительное – 3; подготовлены документы для лицензирования по шести специальностям и направлениям подготовки высшего профессионального образования, по одной специальности аспирантуры. Большинство учебно-методических материалов, созданных преподавателями СГУ в рамках инновационной образовательной программы, адаптировано как к специальностям, так и к направлениям подготовки бакалавров. Разработан также пакет магистерских программ.

Реализация программы Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского прошла успешно, запланированные цели, мероприятия и эффекты достигнуты. Дальнейшая работа по окончательному завершению преобразований в Саратовском университете позволит сформировать инновационную систему СГУ и качественно, эффективно и конкурентоспособно позиционировать и реализовать ее в региональной экономике.

Примечания

- ¹ <http://news.sarbc.ru/main/2009/03/12/88660.html>
- ² См. подробнее: Поиск (газета). 2009. № 9. С. 5.
- ³ См.: Инновационно-образовательная программа Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского: итоги и перспективы: Сб. ст. Саратов, 2009.

УДК 316:1

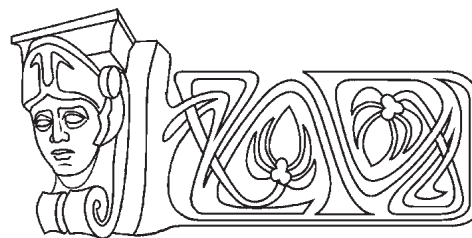
К ВОПРОСУ О ФОРМАХ ПРОЯВЛЕНИЯ ПРИНЦИПА ДЕТЕРМИНИЗМА В СОЦИОЛОГИИ

С.А. Ровнова

Саратовский государственный университет,
кафедра теории и истории социологии
E-mail: DylnovGV@info.sgu.ru

В статье рассматриваются проблемы применения принципа социального детерминизма в социологической науке. Проанализированы различные формы проявления детерминизма – географический, экологический, демографический, культурный, социальный и др. Показано значение данного принципа в современной социологической науке.

Ключевые слова: детерминизм, детерминизм социальный, детерминизм географический, детерминизм технологический, детерминизм экономический.

To the Forms of Determinism in Sociology

S.A. Rovnova

The article considers the problems of applying the principle of social determinism in social science. It analyzes various forms of determinism such as geographical, ecological, demographic, cultural, social determinism, etc. It shows the role of this principle in modern sociology.

Key words: determinism, social determinism, geographic determinism, technological determinism, economic determinism.

Принцип детерминизма нашел широкое распространение в ряде наук, в том числе и социологии. При этом отметим, что данный принцип имеет множество форм проявления, что соответствует конкретным историческим условиям. Проследим это применительно к социологии.

Анализ различных форм и направлений детерминизма начнем с его натуралистических форм. Географический детерминизм – это одна из разновидностей натуралистических учений, в которых первостепенная роль в развитии обществ и народов приписывается их географическому положению и природным условиям. Географический детерминизм базируется на тезисе о почти полной обусловленности деятельности человека естественной средой. При этом абсолютизируется значение географической среды – климата, рек, флоры, фауны, минеральных богатств, не учитывается сложность взаимодействия человеческой деятельности со средой обитания. Наиболее ярким представителем географического детерминизма в истории отечественной социологии является Л.М. Мечников.

К данному направлению детерминизма тесно примыкает органическая школа в социологии. Это направление в социологии нашло свое распространение в конце XIX – начале XX в., оно отождествляет общество с организмом и строит объяснение социальной жизни на биологических закономерностях. Общество сравнивалось с организмом многими учеными (Платон, Т. Гоббс, О. Конт, Г. Спенсер). Но в отличие от своих предшественников П.Ф. Лилиенфельд, А.И. Стронин (Россия), А. Шеффле (Германия), Р. Вормс (Франция) утверждали, что общество и есть организм. Они подыскивали все новые аналогии, доказывая тождество общества и организма. Например, Лилиенфельд приписывал обществу все черты организма: единство, целесообразность, специализацию органов (роль кровообращения, например, выполняет торговля, функцию головного мозга – правительство). Шеффле рассматривал экономическую жизнь общества как обмен веществ в организме. В начале XX в. концепции органицизма утратили популярность на фоне новых подходов. Концепции органицизма в принципе не научны, их порок в том, что конкретно-историческое изучение социальных явлений заменялось произвольными аналогиями; вводимые понятия были расплывчатыми, социологические закономерности подменялись биологическими; целый ряд явлений общественной жизни (конфликт и т.д.) игнорировался или объявлялся «болезнями организма».

В истории социальной мысли определенное место занимает демографический детерминизм. Наряду с экологическим фактором важнейшим условием жизнедеятельности общества является

здоровое население. Здоровое население – это важный фактор социального развития. Именно эти проблемы составляют предмет социальной демографии – науки, изучающей закономерности взаимодействия социальных и демографических процессов. Социальные теории, объявляющие численность и качество народонаселения важнейшей проблемой социального развития, обозначаются как концепции демографического детерминизма.

Современные сторонники демографического детерминизма правомерно ставят вопрос о необходимости сбалансированного роста народонаселения и соответствующих материальных ресурсов, значительного улучшения качества народонаселения при надлежащем социальном и медицинском контроле. Иначе «демографический взрыв», сопровождаемый резким ухудшением качества народонаселения (необратимые психические и физические заболевания, возможность нарушения генетического кода человека под воздействием стихийно измененной экологии и пр.), может привести к таким же непредвиденным последствиям для общества, как и нарушение экологического равновесия.

Правомерно вести речь и об экологическом детерминизме. Географическая среда является необходимым условием и всеобщим средством труда, а также сырьевой основой общественного производства. Без сырьевых ресурсов, которые человек получает в процессе познания и использования бесконечного разнообразия свойств географической среды, никакое хозяйство – ни общественное, ни индивидуальное – не было бы возможно.

Взаимодействуя с географической средой, человек не только оказывает воздействие на климат и почву, реки и моря, на растительный и животный мир, на рельеф местности, полезные ископаемые, атмосферу, космос, но и сам испытывает на себе их постоянное влияние. Если человек не считается с требованиями объективных законов экологии (природной среды), не учитывает возможного влияния своей общественно-производственной деятельности на географическую среду, нарушает экологическое равновесие, то все эти его «социальные» действия могут привести не только к непредсказуемым, но и к необратимым последствиям для человека и общества.

Экологический детерминизм – это предупреждение о реальной угрозе, нависшей над человеком и обществом. Социальные экологи, т.е. ученые, изучающие закономерности взаимодействия естественно сложившейся и искусственно создаваемой среды, справедливо отмечают, что если вследствие волюнтаристских действий человека нарушается экологическое равновесие, то угроза экологического возмездия может обрушиться на общество и привести человечество к экологической катастрофе.

Вместе с этим можно говорить о детерминизме культурном. Это концепция, согласно которой явления духовной культуры играют определяющую роль в развитии общества; культура рассматривается как относительно автономное образование, независимое от других сфер общественной жизни.

Культурный детерминизм характеризуется чрезмерно широким толкованием понятия культуры, под которой понимается совокупность общеразделяемых символов и значений, включающих в свое содержание фундаментальные общественные идеи и ценности, обычаи и традиции и т.д. В новейших версиях культурного детерминизма общеразделяемые символы и ценности рассматриваются как культурный код, аналогичный генетическому коду, предопределяющему программу поведения организма.

Культурный детерминизм ведет свое начало от работ М. Вебера по социологии религии, в которых он рассматривал развитие общества в зависимости от господствующих в нем религиозных ценностей. На формирование современного культурного детерминизма оказала влияние школа культурной антропологии (А. Кардинер, М. Мид, Л. Уайт и др.). Ее представители изучали примитивные общества как культурные системы, жизнедеятельность которых целиком регулируется обычаями и традициями.

Перейдем теперь к характеристике детерминизма технологического. Технологический детерминизм – это методологическая установка, приписывающая решающую роль в общественно-экономическом развитии технологическим изменениям современного крупнокорпоративного производства. Технологический детерминизм предполагает, что любое достаточно масштабное технико-технологическое изменение влечет за собой определенное социальное изменение.

В большей или меньшей степени технологический детерминизм присущ теориям социальных изменений, теориям культурного отставания, объясняющим конфликты, противоречия реальности тем, что социокультурные организации не успевают за технологическими изменениями. Это концепция индустриального, постиндустриального, технократического и технотронного обществ, в которых центром проблемы социального развития становятся управление, регулирование, контроль над технологическими изменениями.

Социальная роль техники состоит в том, что она опосредует взаимодействие природы и общества, природы и человека, является важнейшим элементом процесса труда. В непосредственный процесс труда в качестве его необходимого составного элемента включается и система научных знаний, овеществленная в виде технических и материальных средств труда.

Фетишизация роли и места техники и науки в современном социальном развитии является теоретической основой технологического детер-

минизма (У. Огборн, Л. Мэмформ, Л. Котрелл и др.) и сциентизма (Д. Белл и др.). И первые, и вторые считают, что в наше время главными детерминантами социального развития выступают техника и наука.

Односторонне преувеличивая одно (хотя и наиболее существенное) из условий общественного производства – технику и технологию, сторонники технологического детерминизма в то же время обращают внимание на образовавшийся разрыв между прогрессом техники и современным моральным уровнем общества (cultural lag), следствием чего становится рост числа и усложнение конфликтов между личностью и обществом, обществом и природой.

Действительно, аморальное использование достижений современной техники как следствие погони за прибылью, незнание или игнорирование закономерностей воздействий техники на естественные условия жизнедеятельности общества могут привести к катастрофическим последствиям. Техника без учета ее возможного воздействия на социальные, экологические и демографические процессы может превратиться в разрушительную для общества силу.

Экономический детерминизм – это экономическая интерпретация истории, вульгарно-материалистическая концепция, согласно которой общественно-историческое развитие всецело определяется действием экономического фактора. Политическая, идеологическая, моральная и другие сферы социальной жизни предстают лишь как следствие действия экономического фактора, лишенные своей самостоятельности и способности активно воздействовать на ход истории.

В экономическом детерминизме из производительных сил и производственных отношений механически выводятся все остальные явления общественной жизни, при этом люди выступают лишь как персонификаторы экономических категорий.

Экономический детерминизм возник в конце XIX века. В условиях научно-технической революции традиции экономического детерминизма в своеобразной форме продолжают представлять собой технологический детерминизм, в концепциях индустриального, постиндустриального, технологического обществ.

Каковы бы ни были формы общественного производства, естественные и исторические условия жизнедеятельности общества всегда остаются его факторами. Но, будучи отделенными друг от друга, эти факторы (экологический, демографический и технологический) остаются факторами производства лишь в возможности.

Экономический детерминизм основывается на абсолютизации роли экономического фактора в функционировании и развитии общества. Согласно этой концепции политическая, идеологическая, моральная и другие сферы общества всецело зависят от экономического фактора, по существу

лишены своей самостоятельности и способности воздействовать на ход истории.

Перейдем теперь к анализу социального детерминизма, использованию принципа детерминизма в анализе социальной жизни. Признание принципа детерминизма в социальных науках означает признание объективного характера детерминированности социальных процессов, наличие исторической необходимости, т.е. такой связи явлений, в которой проявляется доминирующая тенденция. В процессе исторического развития каждое последующее поколение людей действует в условиях, унаследованных от прошлого. Преемственность поколений определяет общее направление истории, которое не может быть произвольно изменено.

Идеи, вдохновляющие людей на социальное действие, порождаются условиями общественного бытия, и от степени их соответствия этим условиям зависит возможность их реализации. Детерминированность общественной жизни является основой научного предвидения социальных явлений. Историческая необходимость не исчерпывает всего богатства явлений, а выражает только самые общие направления их развития. Индивидуальный характер и многогранность каждого конкретного социального явления – результат множества действующих факторов.

В социальных науках детерминизм в рамках системного подхода означает признание целостности образующих социальную систему элементов, а в рамках подхода статистического наполняется иным содержанием: в совокупностях социальных явлений отыскивается статистическая закономерность, или тенденция развития, подчеркивается значение случайности и выявляются причины отклонений от предполагаемого хода событий на основе анализа статистических распределений.

Ни одно из пониманий детерминизма не отрицает значение сознательной, целенаправленной человеческой деятельности, поскольку социальные законы – это законы деятельности людей. Поэтому так важна субъективная сторона этой реальности – те цели, которые ставит перед собой общество и каждый отдельный индивид. Многообразие форм социальной детерминации, сложный характер взаимодействия различных тенденций в обществе, наличие многих альтернатив и случайных поворотов событий, а также тот факт, что историческая закономерность дает о себе знать только на длительном историческом отрезке времени, не означают признания индетерминизма или отрицания ответственности личности за результаты своей общественной деятельности.

Детерминизм означает, что все события, совершающиеся в мире, происходят при определенных условиях, что вне этих условий они произойти не могут. Исходный принцип детерминизма звучит так: все вещи и события окружающего мира находятся в самых различных связях и отношениях. Вследствие этого детерминизм не сво-

дится только к причинно-следственным связям. Причинный детерминизм приводит к искаженному представлению о человеке как о пассивной игрушке, отданной во власть непреодолимых сил – или природы, или общества.

Согласно этой версии детерминизма, свобода в значительной степени иллюзорна, поскольку она понимается только как отрицательная величина, т.е. как отсутствие связей. Это «свобода от», а не «свобода для», активная и, в конечном счете, сознательно планируемая самодетерминация. Однако как только принимается во внимание самодетерминация, как только люди начинают понимать, что ничто не является исключительным следствием внешних условий, какими бы важными они ни были, появляется элемент волюнтаризма.

Свобода в этом случае рассматривается как положительная величина, т.е. как активное стремление достичь самодетерминации. Фатализм оказывается «дурным сном, ибо ничто не может рассматриваться как неизбежное следствие или прошлых явлений, направляющих события по определенным путям, или существующих причин, действующих *ab extrinseco*, вне досягаемости материальной и духовной деятельности человека»¹.

Помимо причинно-следственных связей есть и другие формы детерминации – связи случайные и необходимые, возможные и действительные, прямые и косвенные, связи функционирования и связи развития.

Социально-исторический детерминизм выражает специфику конкретно-исторического бытия общества. Общество представляет собой такую социальную целостность, которая существует, функционирует и развивается через посредство человека и его деятельности.

Социальная детерминированность деятельности и поведения людей может быть двоякого рода. Во-первых, это строгая детерминация одного социального явления другим, например, детерминация экономических отношений производительными силами, структуры гражданского общества – экономическими отношениями и т.д. Конечно, реализация названных закономерностей социально-экономического развития общества осуществляется посредством деятельности людей. Однако здесь на первый план выдвигается детерминированность, связанная с принципом причинности и соответственно с причинными динамическими законами, определяющими переход от одного его состояния к другому.

Во-вторых, понятие детерминизма относится к характеристике некоторых свойств или качеств, присущих не отдельному объекту, а классу объектов в целом. Причем содержание и характер поведения данного класса объектов рассматриваются не как случайные, а как детерминированные определенной системой условий, свойств и качеств, включенных в эту систему объектов. Так, в качестве каузального фактора и источника развития могут выступать системные

качества данного класса объектов, их организация, структура и т.д.

Признание законов, по существу, означает возможность научного познания природы и общества, возможностей науки в ее классическом понимании, научно-ориентированной адаптации человека к различным процессам. Отрицание законов стимулировало взгляд на природу и общество как на полностью неуправляемые и непредсказуемые процессы. Применительно к обществу такой взгляд часто возникал из попыток выявить специфику социальных процессов сравнительно с природными.

К проблеме социальных, в частности, социологических законов в контексте принципа социального детерминизма обращались многие отечественные ученые. В 70-е гг. XX в. А.К. Уледов выпустил книгу², в которой предложил свое видение проблемы. Этой проблемой также касаются в той или иной мере все авторы, пишущие о социологии, ее объекте и предмете³.

УДК 316.013

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ РЕКЛАМЫ В ПРОЦЕССЕ ТРАНСФОРМАЦИИ РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

А.А. Кошелев

Саратовский государственный университет,
кафедра социологии молодежи
E-mail:koshelev76@mail.ru

Статья затрагивает вопросы развития рекламы в современном обществе. В процессе исследования автор делает акцент на изучение социально-экономической функции рекламы, рассматривая данный социальный феномен на локальном и глобальном уровнях.

Ключевые слова: социально-экономическая функция рекламы, конкуренция, безработица, маркетинг.

Social-Economic Function of Advertising in the Process of Market Relations Transformation in Modern Russian Social Community

A.A. Koshelev

This article touches upon questions of development of advertising in modern society. In his study the author investigates the social-economic function of advertising taking the phenomenon up both locally and globally.

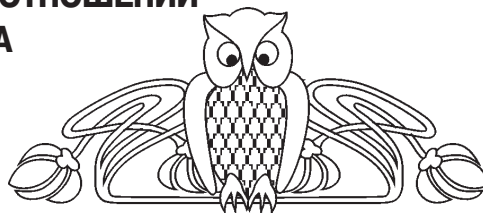
Key words: the social-economic function of advertising, rivalry, unemployment, marketing.

Анализируя рекламу с точки зрения ее функциональных характеристик, прежде всего следует отметить, что данный социальный феномен выступает как форма коммуникации, призванная обеспечить доступность информации не только

Еще раз подчеркнем, что учение о детерминизме формировалось в течение многих столетий в рамках различных наук и с появлением в середине XIX столетия социологии оно заняло и в ней свое особое место. Это в полной мере относится и к русской социологии, которая возникла во второй половине XIX века.

Примечания

- ¹ Бунге М. Причинность. М., 1962. С.225.
- ² См.: Уледов А.К. Социологические законы. М., 1975. Гл.2.
- ³ См., напр.: Добренков В.И., Кравченко А.И. Фундаментальная социология: В 15 т. Т. 1. Теория и методология. М., 2003. С. 183 и след.; Общая социология. Систематический курс / Под ред. Г.В. Дыльнова. Саратов, 1999. С. 125 и след.; Социология. Основы общей теории / Под ред. Г.В. Осипова и Л.Н. Москвичева. М., 2002. С. 79 и след.; Голенкова З.Т., Акулич М.М., Кузнецов В.Н. Общая социология. М., 2005.

для внешнего потребителя, но и для различных сегментов рынка, имеющих существенное значение для эффективности конечного результата. Главная мысль, положенная в основу этого утверждения, состоит в том, что информационная деятельность организации имеет дифференцированную структуру и представлена заинтересованными сторонами, оказывающими влияние на рыночную деятельность фирмы. Рассмотрим данную структуру более подробно. Во-первых, существующие и потенциальные потребители должны быть оповещены о предлагаемых товарах и услугах. Во-вторых, поставщики и дистрибьюторы также требуют необходимые сведения о продукте. В-третьих, служащим необходимо осознавать, что их организация обладает высоким уровнем известности и что работать в ней действительно престижно. В-четвертых, все подразделения организации обязаны видеть направления развития фирмы в целом, чтобы предпринимать необходимые действия по достижению общих целей. И наконец, общественность подвергается информационному воздействию с целью формирования социального доверия как необходимого фактора рыночной стабильности компании.

качества данного класса объектов, их организация, структура и т.д.

Признание законов, по существу, означает возможность научного познания природы и общества, возможностей науки в ее классическом понимании, научно-ориентированной адаптации человека к различным процессам. Отрицание законов стимулировало взгляд на природу и общество как на полностью неуправляемые и непредсказуемые процессы. Применительно к обществу такой взгляд часто возникал из попыток выявить специфику социальных процессов сравнительно с природными.

К проблеме социальных, в частности, социологических законов в контексте принципа социального детерминизма обращались многие отечественные ученые. В 70-е гг. XX в. А.К. Уледов выпустил книгу², в которой предложил свое видение проблемы. Этой проблемой также касаются в той или иной мере все авторы, пишущие о социологии, ее объекте и предмете³.

УДК 316.013

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ РЕКЛАМЫ В ПРОЦЕССЕ ТРАНСФОРМАЦИИ РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

А.А. Кошелев

Саратовский государственный университет,
кафедра социологии молодежи
E-mail:koshelev76@mail.ru

Статья затрагивает вопросы развития рекламы в современном обществе. В процессе исследования автор делает акцент на изучение социально-экономической функции рекламы, рассматривая данный социальный феномен на локальном и глобальном уровнях.

Ключевые слова: социально-экономическая функция рекламы, конкуренция, безработица, маркетинг.

Social-Economic Function of Advertising in the Process of Market Relations Transformation in Modern Russian Social Community

A.A. Koshelev

This article touches upon questions of development of advertising in modern society. In his study the author investigates the social-economic function of advertising taking the phenomenon up both locally and globally.

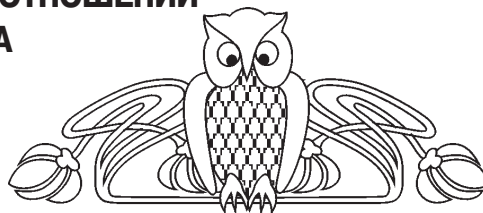
Key words: the social-economic function of advertising, rivalry, unemployment, marketing.

Анализируя рекламу с точки зрения ее функциональных характеристик, прежде всего следует отметить, что данный социальный феномен выступает как форма коммуникации, призванная обеспечить доступность информации не только

Еще раз подчеркнем, что учение о детерминизме формировалось в течение многих столетий в рамках различных наук и с появлением в середине XIX столетия социологии оно заняло и в ней свое особое место. Это в полной мере относится и к русской социологии, которая возникла во второй половине XIX века.

Примечания

- ¹ Бунге М. Причинность. М., 1962. С.225.
- ² См.: Уледов А.К. Социологические законы. М., 1975. Гл.2.
- ³ См., напр.: Добренков В.И., Кравченко А.И. Фундаментальная социология: В 15 т. Т. 1. Теория и методология. М., 2003. С. 183 и след.; Общая социология. Систематический курс / Под ред. Г.В. Дыльнова. Саратов, 1999. С. 125 и след.; Социология. Основы общей теории / Под ред. Г.В. Осипова и Л.Н. Москвичева. М., 2002. С. 79 и след.; Голенкова З.Т., Акулич М.М., Кузнецов В.Н. Общая социология. М., 2005.

для внешнего потребителя, но и для различных сегментов рынка, имеющих существенное значение для эффективности конечного результата. Главная мысль, положенная в основу этого утверждения, состоит в том, что информационная деятельность организации имеет дифференцированную структуру и представлена заинтересованными сторонами, оказывающими влияние на рыночную деятельность фирмы. Рассмотрим данную структуру более подробно. Во-первых, существующие и потенциальные потребители должны быть оповещены о предлагаемых товарах и услугах. Во-вторых, поставщики и дистрибьюторы также требуют необходимые сведения о продукте. В-третьих, служащим необходимо осознавать, что их организация обладает высоким уровнем известности и что работать в ней действительно престижно. В-четвертых, все подразделения организации обязаны видеть направления развития фирмы в целом, чтобы предпринимать необходимые действия по достижению общих целей. И наконец, общественность подвергается информационному воздействию с целью формирования социального доверия как необходимого фактора рыночной стабильности компании.

Размышляя о желаемом эффекте этих коммуникаций, можно увидеть спектр задач, стоящих перед компанией в организационно-хозяйственной деятельности. Среди них наиболее актуальны следующие:

- увеличение объемов продаж;
- улучшение имиджа;
- позиционирование бренда;
- влияние на покупательские привычки;
- отчеты по результатам деятельности;
- выражение заботы о потребителях (внутренних и внешних);
- убеждение в правильности выбранного решения.

Несмотря на огромное влияние рекламы на все стороны общественной жизни, коммерческая функция, или функция достижения реального экономического эффекта, представленная прямо или косвенно во всех отмеченных задачах, является наиболее важной как для отдельно взятой организации, так и для всей системы рыночных отношений современной России. Для анализа социально-экономических показателей рекламной деятельности важно рассматривать рекламу в общей системе маркетинга, неотъемлемым компонентом которого она является.

В научных публикациях имеется более ста определений понятия «маркетинг». Наиболее распространенное принадлежит Ф. Котлеру. По мнению данного специалиста, маркетинг – это вид человеческой деятельности, направленной на удовлетворение нужд и потребностей посредством обмена¹.

Однако, как отмечает О.А. Третьяк, все еще не сформулирована более или менее устойчивая концепция, объясняющая зарождение и развитие маркетинга как социально-экономического явления². Экономисты и социологи отмечают, что потребность на развитии маркетинга появилась в связи с переходом капитализма в стадию монополистического развития. По мнению Н.Е. Капустиной, в числе социально-экономических предпосылок, вызвавших к жизни теорию и практику маркетинга, особое значение имеют следующие:

- высокий уровень концентрации производства и капитала, рост степени монополизации рынков сбыта, обострение проблем монополизации и конкуренции;
- крупносерийный и массовый характер производства, повышение темпов обновления товарной номенклатуры на важнейших рынках;
- обеспечение управленческого спроса принципиально новыми техническими средствами сбора и оперативной обработки информации³.

Следовательно, с социально-экономической точки зрения роль маркетинга и рекламы в обществе заключается в поиске возможностей, которые устранили бы кризисные явления и придали бы новые импульсы развитию высококонцентрированного и комбинированного производства. Это в итоге могло оказать определенное влияние

на формирование, прогнозирование и контроль сбыта товара, поэтому коммерческую функцию актуально рассматривать на двух уровнях: на уровне отдельно взятого предприятия и в контексте общего развития социально-экономических отношений на рынке товаров и услуг.

На уровне отдельно взятого предприятия реклама все более ориентируется на внешнюю среду организации. Для обеспечения эффективного функционирования предприятия на рынке необходима четкая программа взаимодействия со всеми структурами, формирующими сбытовые цепи (целевой рынок, посредники, поставщики, органы государственного управления, посредники).

В этом случае увеличивается значение рекламной информации для формирования спроса и стимулирования сбыта. Существенными чертами рекламной политики современного предприятия является взаимосвязь рекламы, потребительского спроса и производства. Предпосылкой повышения роли рекламы в функционировании предприятия стал переход к маркетинговой концепции рынка, где определяющую роль играют мотивации и потребности индивидов. Это позволяет контролировать продвижение товара на рынке, закреплять у потребителя устойчивую систему предпочтений к товару, а при необходимости корректировать процесс сбытовой и рекламной деятельности.

Помимо регулирования спроса, посредством рекламы регулируется объем сбыта, достаточный для полной загрузки производственных возможностей предприятия. В результате себестоимость единицы продукции становится меньше, а прибыль предприятия увеличится.

Таким образом, на уровне предприятия динамика экономической функции современной рекламы заключается в возрастающем значении рекламы в процессе управления производственно-сбытовой деятельностью промышленных и сервисных фирм.

На уровне общественной системы экономическая роль рекламы реализуется в том, что, формируя спрос, она способствует росту общественного производства, объема капиталовложений. Параллельно происходит повышение качественных сторон товара. «Как только потребитель, – пишет Дж. Хэмилтон, – осознает, что у него есть выбор, производитель вынужден поднять свои стандарты, чтобы конкурировать за деньги покупателей»⁴. Производители оказываются перед необходимостью не только предлагать товар лучшего качества, но и обеспечивать его эффективным маркетингом и рекламой. Тем самым реклама способствует развитию такого неотъемлемого компонента рыночных отношений, как конкуренция. Кроме того, развитие данного социально-экономического феномена способствует появлению новых рабочих мест, что является реальным вкладом в борьбу с безработицей.

Что касается ситуации в российском обществе, то, по мнению профессора Крылова, реклама

здесь была призвана выполнять не свойственную ей функцию⁵. Речь идет о формировании новых сбытовых цепочек, то есть построении систем прохождения товаров от производителей или оптового поставщика в мелкий опт, а затем в розничную торговлю. Выйдя на разрушенный оптовый и мелкооптовый рынок, российские предприниматели просто вынуждены были искать друг друга посредством рекламных объявлений. Таким образом, реклама, выполняющая роль формирования оптового и мелкооптового рынка (функция, свойственная ей в развитых странах в конце XIX в.), оказалась в больших объемах в российских СМИ. Данная ситуация характеризует специфику начального периода развития рекламы в России начала 90-х гг. прошлого столетия. Подобная информационная стратегия не формировала спрос на товар должным образом, она добивалась лишь одного – сформировать систему сбыта, свести оптовика с мелким оптовиком и розничным торговцем. Причем именно за счет прямой рекламы в СМИ при абсолютной неразвитости остальных каналов маркетинговой коммуникации, игнорировании выставок отечественные предприниматели пытались решить все без исключения коммерческие задачи. И здесь ничего удивительного: все это издержки переходного периода. Чтобы заняться производством косвенной рекламы, PR, прямым маркетингом, необходимо четко понимать и обосновывать данные механизмы, что требует специалистов высокого уровня квалификации.

Кроме того, современная российская реклама призвана сформировать новые социально-экономические образы российского рекламодателя (предпринимателя) и потребителя, легально действующего в условиях рыночной среды. Прежде всего, речь идет о представителях нового класса собственников, так называемых «новых русских». Анализ современных рекламных текстов дает возможность утверждать, что существует несколько социально-экономических персонажей, через которые можно идентифицировать этот класс. В наибольшем количестве рекламной продукции российский предприниматель ассоциируется с бизнесменом западного образца. Средства выражения этого, по мнению известного исследователя Е. Кара-Мурзы, могут быть как вербальными, словесными (стиль текста, его основные аргументы), так и невербальными. Среди последних и подбор актеров, дикторов с внешностью, одеждой, манерой поведения, напоминающей западных телеведущих, звезд эстрады и кино. В образе европеизированного промышленника обнаруживаются такие черты, как профессионализм, рациональная организация труда, благотворительная деятельность.

Следующий социально-экономический персонаж «новых русских» представлен в образе традиционного русского промышленника и коммерсанта. Это проявляется в визуальном

знаке названии фирмы («Довгань», «Быстровь»), рекламном слогане.

Крайне редко, по сравнению с начальным этапом рыночных реформ, на экране появляются представители класса предпринимателей с типичными чертами бывшего советского руководителя. Хотя иногда в газетах встречаются объявления, которые отражают основные характеристики этого персонажа и создают образ постсоветской фирмы. При этом следует отметить, что популярность прессы как канала распространения информации характеризуется снижением популярности.

В рекламных сообщениях присутствует и третье лицо – потребитель. Каковы же социально-экономические персонажи российского потребителя на рынке отечественной рекламы? Прежде всего это простые граждане, которые еще не смогли приспособиться к новым рыночным условиям. Данная категория людей характеризуется относительно низким уровнем дохода, поэтому рекламные обращения имеют соответствующую аргументацию, направленную, как правило, на оптимальное сочетание цены и качества. Вторая социально-экономическая группа российского потребителя, к которому обращаются рекламисты, – это новые русские в роли покупателя. Именно на них рассчитана реклама элементов роскоши, гламура, престижа⁶.

Наиболее четко процесс развития рекламы, ее социально-экономическое значение отражены в работе выдающегося отечественного исследователя О. Феофанова «Реклама. Новые технологии в России». «То прыжками, то ползком, – пишет О. Феофанов, – мы движемся к цивилизованному рынку. Сформировать его сегодня невозможно без развитой рекламы. Она порождается рынком, и сама является огромной составной частью нашей новой, пока еще хромающей, экономики, индикатором нашего движения по пути реформ. Уровень и темпы развития рекламы в России свидетельствуют об уровне и темпах нашей интеграции в международную экономику. Не может такая великая страна, как Россия, стоять на обочине столбовой дороги, по которой идет мировая общественная система»⁷.

Примечания

- 1 См.: Котлер Ф. Основы маркетинга. М., 1990. С. 47.
- 2 См.: Третьяк О.А. Маркетинг: взаимосвязь производства, торговли и потребления. СПб., 1992. С. 13.
- 3 См.: Капустина Н.Е. Теория и практика маркетинга в США. М., 1981. С. 121.
- 4 Хэмилтон Дж. Маркетинговые исследования // Социс. 1994. № 5. С. 73.
- 5 См.: Крылов И. Маркетинг. М., 1998. С. 31.
- 6 См.: Кара-Мурза Е. Массовая реклама в постсоветском обществе // МЭиМО. 1994. № 7. С. 173.
- 7 Феофанов О. Реклама: новые технологии в России. СПб., 2002. С. 17.

УДК 316.334.3

ПОТРЕБНОСТЬ В ТРАНСПАРЕНТНОСТИ ВЛАСТИ КАК ОСНОВА МОДЕЛЕЙ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И НАСЕЛЕНИЯ

И.А. Бегинина

Саратовский государственный университет,
кафедра социологии регионов
E-mail: BegininalA@info.sgu.ru

В статье на базе результатов социологического опроса выявляются уровни потребности населения Саратовской области в открытости российских органов власти, анализируются влияние социально-демографических, образовательных, экономических факторов на степень сформированности данных потребностей. Особый акцент делается на выявлении моделей отношения населения Саратовского региона к транспарентности власти.

Ключевые слова: транспарентность, открытость власти, потребность в информации, интерес к деятельности органов власти.

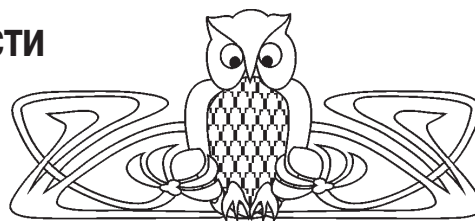
The Need for Power Transparency as the Foundation of State and Population Interaction Models

I.A. Beginina

On the basis of sociological polls the demands levels of Saratv region population are revealed. The impact of socio – demographic, educational and economic factors on the level of formation of the above – mentioned demands is analyzed. A special stress is made on revealing of Saratov region population attitude to power transparency.

Key words: transparency, power accessibility, the interest in power bodies activity.

Становление гражданского общества предполагает транспарентность органов власти. По мнению ряда российских ученых, прямой открытый диалог власти и населения – это одно из важнейших требований властного управления в демократическом обществе¹. Открытость власти – это шанс для России успеть к «информационно открытому» обществу, как наиболее эффективно со всех точек зрения², минимизация рисков, связанных с подготовкой и реализацией властных управленческих решений большого социального масштаба, возможность спрогнозировать вероятные последствия их принятия; предоставление гражданам возможности успешно подготовиться к ожидаемым переменам, не чрезвычайная, а инициативная мобилизация общественных сил на решение проблем самого общества; синхронизация процессов, протекающих в центре и на местах. Но на сегодняшний день право рядовых граждан на доступ к неопубликованной официальной информации так и остается вторичным, опосредованным.

Анализ открытости власти в современной России предполагает уточнение степени сформированности у населения этой потребности. Эмпирически это выявляется через индикаторы интереса различных социальных категорий населения к деятельности органов государственной власти, желания получать эту информацию, уровня и характера информированности населения о деятельности органов власти, оценки степени их желаемой и реальной открытости (закрытости).

В ходе социологического опроса «Транспарентность власти в условиях Саратовской области», проведенного ЦРСИ СГУ в 2008 г., выяснилось, что более половины населения периодически интересуются происходящим (54,7%). Не интересуются, но информацию получают 24,8%. Постоянно находятся в курсе событий 15,2% опрошенных. У этой категории населения, вероятно, особенно развита потребность в транспарентности власти. Доля лиц, совсем не заинтересованных в информации такого рода – 5,3%. Эта категория населения предельно дистанцировалась от органов власти, видимо, ощущая свою полную отчужденность от ее институтов.

Данные опроса саратовцев позволяют увидеть, что эта потребность в открытости власти в наибольшей степени сформирована у представителей старшего поколения. Возможно, это связано с традициями, оставшимися с советских времен, когда политическая активность была обязательной для каждого. Однако, думается, что это может быть связано с более сильной зависимостью старшего поколения (пенсионеров) от государственной помощи. Чем моложе население, тем более оно дистанцировано от органов власти и тем менее им ощущается потребность в информации о деятельности властных структур. Анализ гендерного среза демонстрирует, что у мужчин потребность в информации о деятельности властных структур несколько выше, чем у женщин. Последние в большей степени ощущают свою отчужденность от власти, их потребность в большей степени носит вынужденный характер.

Постоянная заинтересованность в информации о деятельности органов власти особенно свойственна людям с высоким уровнем образования. Среди этих категорий населения данная потребность выражена у каждого третьего саратовца. При этом среди тех, у кого интерес к органам власти постоянен, доминируют горожане с высшим образованием (35%). На втором месте – население

со средним специальным образованием (20%), на третьем – со средним образованием (16,7%), на четвертом – люди, окончившие ПТУ (15%). Доля лиц с неоконченным средним образованием здесь составляет 8,3%, с незаконченным высшим образованием – 3,3%. Доля тех, кто имеет научную степень или учится в аспирантуре – 1,7%. Иными словами, степень развитости потребности в транспарентности власти прямо коррелирует с уровнем образования населения.

Самый высокий уровень интереса к деятельности властных структур одинаково присущ как самым бедным категориям населения, «едва сводящим концы с концами», так и самым богатым, которые «ни в чем себе не отказывают» – по 33,3%. На втором месте – те, кому денег хватает только на питание (19%). На третьем месте – те, кому денег хватает на одежду и питание, но на крупные вещи приходится брать кредиты (15,1%). Близка по величине к ним и доля тех, кому затруднительно покупать только действительно дорогие вещи, такие как, например, машина (13,8%). Самую малую группу среди лиц, стабильно интересующихся политикой, образуют те, кто может без труда покупать вещи длительного пользования (8,8%). Среди всех категорий благосостояния доминирует нестабильный (периодический) интерес к деятельности органов власти. Каждый четвертый представитель всех этих категорий указал на вынужденный характер получаемой информации. Среди лиц, которые совсем не интересуются деятельностью органов власти, 11% – самых бедных, 2 – малоимущих, 5,6 – околобедных, 10,3 – средних, 3,5% – богатых слоев населения. Достаточно неопределенный характер различий показывает, что степень развитости потребности в транспарентности власти практически не зависит от уровня материального благосостояния.

Другим критерием оценки степени развитости потребности в транспарентности власти выступало желание беспрепятственно и бесплатно получать информацию о деятельности всех органов власти. Развитие свободы слова и открытости деятельности органов государственной власти необходимо в российских реалиях, по мнению 84,6% и 84,3% соответственно. При этом 52,3% всех опрошенных хотели бы беспрепятственно получать достоверную информацию о деятельности органов государственной власти, треть опрошенных (31,1%) не имеет подобного желания, а 16,7% респондентов затруднились ответить. Таким образом, подтверждается тезис о том, что более половины населения Саратова обладают (в разной степени развитой) потребностью в сведениях такого рода.

Данные показывают, что желание получать информацию о деятельности всех органов государственной власти напрямую коррелирует с интересом к их деятельности. Иными словами,

чем более развита потребность в транспарентности власти, тем больше населению необходима информация о ее деятельности. Дальнейший анализ данных подтвердил, что чем моложе саратовцы, тем меньше у них выражено желание получать информацию о деятельности всех органов государственной власти. Если среди старшего поколения эта потребность присутствует у 65%, то среди среднего поколения доля таковых – 51, а среди молодежи – только 43%. Это подтверждает вывод об обратной зависимости степени развитости потребности в транспарентности власти от возраста населения. Анализ гендерных различий по критерию желания получать информацию о деятельности всех органов государственной власти также подтверждает, что среди мужчин уровень данной потребности несколько выше, чем у женщин.

Средства массовой информации представляют собой один из важных институтов общества и каналов транспарентности органов власти, государства. СМИ позволяют «охватить» информацией практически все население и за очень короткий промежуток времени. В общественном мнении среди основных источников информации о деятельности властных институтов выделяется телевидение. Именно оно выступает основным инструментом транспарентности власти для большинства населения. Однако, по мере перехода на региональный и муниципальный уровни власти, увеличивается значимость печатных СМИ (газет). Чем ниже уровень властных структур, тем больше доля тех, кто в своих оценках полагается только на свой собственный опыт. Слабо выраженный индекс значимости Интернета как источника информации, видимо, объясняется низким уровнем компьютеризации региона. Еще ниже оцениваются населением журналы как источник политической информации. Возможно, это объясняется тем, что многие такие издания ориентированы не на политику, а на иные сферы жизнедеятельности. Кроме того, их ориентация на размещение рекламы снижает степень доверия к ним со стороны читателей. Молодежь, которая составляет самую значительную часть журнальной аудитории, меньше ориентирована на политику, что предопределяет редакционные стратегии. И наконец, достаточно высокая стоимость журналов исключает из числа потенциальных читателей лиц с наиболее выраженной потребностью в транспарентности власти – старшее поколение, пенсионеров.

Большинство саратовцев считают информацию, получаемую по телевидению, полностью (7,8%) или в значительной степени достоверной (49,9%). Недостоверной в той или иной степени считают ее 11,9%. Однако каждый третий не смог оценить степень достоверности информации из данного источника. Степень достоверности информации, получаемой по радио, оценивается населением несколько ниже, затруднений при оценке

достоверности опрошенные испытывают больше. Однако различия здесь не слишком велики. По отношению к печатным СМИ различия в оценках более значительны. Только каждый третий саратовец (30,7%) полагает, что этой информации можно доверять в той или иной степени. 22,9% больше склоняются к недоверию. Это в 2 раза больше, чем недоверие к телевидению. Степень доверия к информации, получаемой из Интернета, еще ниже, а затруднений с оценкой степени этой достоверности намного выше.

О существовании закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» знают лишь 10% респондентов, 57% не знают о таком законопроекте. Что-то слышали о законопроекте 33% опрошенных. При этом уровень информированности мужчин несколько выше, чем у женщин. В силу недостаточной информированности населения о самом законопроекте большинство опрошенных саратовцев не смогли оценить его влияние на ситуацию с доступностью информации (почти 60% опрошенных). Среди тех, кто смог это сделать, доминирует осторожное мнение о том, что информация о деятельности властных структур стала частично доступнее (25% опрошенных). Это мнение распространено примерно одинаково среди представителей всех поколений. Менее 8% опрошенных представителей всех возрастных категорий позитивно отметили, что информация о деятельности органов государственной власти с принятием закона стала действительно более доступной. Хотя среди старшего поколения доля таких «оптимистов» в 2 раза ниже, чем среди представителей среднего поколения. 14% населения считают, что с принятием этого документа появилась возможность скрыть информацию. И только среди пожилых людей такая оценка распространена в 2 раза реже, чем среди других генераций.

Принятием Федерального законопроекта «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», который вступил в силу с 1 июля 2007 г. были, по мнению политической элиты нашей страны, созданы все условия для транспарентности государственной власти в России. Однако на практике, как считает опрошенное население Саратова, у него мало возможности получать полную и правдивую информацию о деятельности институтов власти. Только 40% опрошенных полагают, что имеют возможность получить полную и правдивую информацию о деятельности Президента РФ. Еще меньше доля тех, кто считает возможным получить такую информацию о деятельности федерального правительства, министерств и Государственной думы (по 30%), Совета Федерации (28%), губернатора (28,5%), городской администрации (28,7%), областной Думы (26%). Противоположной точки зрения придерживается примерно 5–9% опрошенных и почти

каждый второй опрошенный саратовец полагает, что не вполне может получить информацию о деятельности данных структур.

Косвенным образом об уровне сформированности у населения потребности в транспарентности власти можно судить по реакции на закрытость информации о деятельности органов власти. Наибольшее понимание встретило закрытие информации в целях сохранения государственной безопасности. С этим согласны 44,4% опрошенных. На втором месте – для предотвращения социальной напряженности в обществе (39,2%). 9,7% посчитали, что закрытость информации предотвратит шпионаж. Для 6,2% опрошенных закрытость информации оправдана заботой о сохранении экономической безопасности.

По мнению подавляющего большинства населения, практически все институты власти не должны быть открытыми для населения. Чуть меньше это касается местных органов управления. 35,5% согласны с тем, что они должны быть более открытыми. Примерно каждый четвертый хотел бы видеть более открытыми органы регионального управления, правосудия, каждый пятый высказал такое пожелание применительно к прокуратуре, институту президентства. По отношению к другим структурам уровень потребности в транспарентности власти еще ниже. При этом чем ниже уровень власти, тем, видимо, в большей степени ее решения касаются повседневной жизнедеятельности горожан, и тем более выражена потребность в информации о ее деятельности.

Большинство населения (52,4%) затруднились оценить реальную степень открытости органов власти. Однако среди тех, кто попытался сделать это, безусловной доминантой является мнение о том, что все перечисленные институты в данный момент времени не являются открытыми и доступными (97,2%). Лишь 2,8% заявили об открытости и доступности органов власти. Наиболее открытыми из всех являются суды (так ответили 13,9% респондентов), Президент России (13,6%), Федеральная служба безопасности (12,1%), прокуратура (11,3%). Реальную открытость остальных органов власти саратовцы оценили еще ниже. При этом выявились различия в степени потребности в транспарентности и реальной степени открытости практически всех органов власти.

Наибольший разрыв между уровнем потребности в информационной открытости и степенью ее удовлетворенности среди населения зафиксирован по отношению к органам управления городов и районов Саратовской области (в 6,7 раза), к областным институтам власти – в 5,6 раза. Уровень открытости Администрации Президента РФ также в 2,2 раза ниже, чем это хотелось бы населению. По отношению к другим политическим институтам этот разрыв меньше. Наиболее адекватны в соотношении уровней открытости и потребности власти такие институты, как местные органы самоуправления (разрыв – 1,1), Президент РФ (1,4).

И лишь о деятельности Федеральной службы безопасности (ФСБ) население знает больше, чем хотело бы знать.

Среди мер, которые необходимо предпринять (по мнению населения) для повышения уровня открытости власти, наиболее популярными оказались ужесточение ответственности представителей власти за выполнение своих полномочий (49%) и усиление борьбы с коррупцией (41%). При этом и мужчины и женщины одинаково ориентированы на усиление народного контроля за деятельностью представителей власти, омоложение кадров, обеспечение открытости и честности выборов. Однако мужчины более ориентированы на повышение заработной платы представителей власти (62,5% мужчин), привлечение во власть успешных бизнесменов (60%), повышение уровня профессиональной подготовки, образования и культуры представителей власти (55,7%), активное привлечение во власть ученых, представителей науки и культуры (55,1%). Женщины более ориентированы на ужесточение ответственности представителей власти за выполнение своих полномочий (50,5% женщин) и борьбу с коррупцией (54,3%).

Анализ поколенческого среза таких предложений показал, что представители старшего поколения в большей мере ратуют за ужесточение ответственности представителей власти за выполнение своих полномочий (53,5% пожилых людей). Представители среднего поколения больше других ориентированы на борьбу с коррупцией (42,9%), на усиление народного контроля за деятельностью представителей власти (28,6%) и активное привлечение во власть ученых, представителей науки и культуры (14,8%) и повышение заработной платы представителей власти (2,8% мужчин). Молодежь чаще других предлагает повысить уровень профессиональной подготовки, образования и культуры представителей власти (21,8% молодежи), обеспечить открытость и честность выборов (19%), провести омоложение кадров представителей власти (13,6%), активно привлекать во власть успешных бизнесменов (5,5%). Иными словами, большинство предложений, по сути, направлены не на усиление открытости власти, а на наведение порядка в обществе, что еще раз подтверждает невысокий уровень сформированности потребности населения в транспарентности власти.

Таким образом, низкий уровень транспарентности органов власти в современной России и, в частности, Саратовской области соотносится с невысоким уровнем потребности населения в этой информации. Исключение здесь составляют лишь властные структуры регионального и муниципального уровней. Здесь выявлен наиболее значительный разрыв между желаемой и реальной открытостью перед населением. На уровне региона желаемая открытость в 5,6 раза меньше, чем реальная. На уровне муниципалитетов этот

разрыв составляет 6,7%. Для иных уровней власти разрыв не превышает 1–2 раз. Это можно расценить как проявление взаимной дистанцированности власти и социума. Эта дистанция коррелирует с различными моделями отношения населения к транспарентности власти, потребности в ней, проявляющимися через категории интереса к информации о деятельности органов власти, желания получать такую информацию, степени реальной информированности различных социальных категорий.

Анализ позволил выявить четыре модели такого отношения. 1. «Активные граждане», составляющие примерно 15% населения, которые в значительной мере доверяют властным структурам, постоянно интересуются их деятельностью, полностью одобряя или противодействуя им. Среди них больше представителей старшего поколения и высокообразованных людей. 2. «Неустойчивые» граждане, которых немного больше 50% населения и которых политика интересует только периодически. Среди них большинство – достаточно образованные представители среднего поколения, которые чаще всего вынуждены приспособляться к действиям властей. 3. «Вынужденные» граждане, которые не имеют потребности в транспарентности власти, но вынуждены получать эту информацию (около 24%). Это преимущественно молодежь, которая менее образованна или учится, старается либо приспособляться к действиям властных структур, либо держаться от них на расстоянии. 4. «Абсентеисты», у которых потребность в транспарентности власти отсутствует совсем. Их немного – примерно 4–5%. Они также предпочитают держать дистанцию от властных институтов и никак не реагировать на действия последних, предпочитая мнимую изоляцию. Возможно, это связано с низким уровнем оценки населением своих возможностей влиять на решения органов власти.

Таким образом, чем выше уровень образования и старше возраст, тем более развита потребность в транспарентности власти. Открытость власти коррелирует не столько с действиями самих институтов, сколько с уровнем потребности самого населения, его субъективными характеристиками, представлениями и ценностными ориентациями.

Примечание

- 1 См.: Буренко В.И. Политическая власть как объект социального регулирования. Автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2000.
- 2 См.: Казаков Ю. Право знать как система взаимных обязательств // Свобода доступа к информации в России: правовые, организационные, профессиональные проблемы // Комиссия по свободе доступа к информации. 1997 // <http://www.ksdi.ru/p-readhall-svoboda-97.shtml>

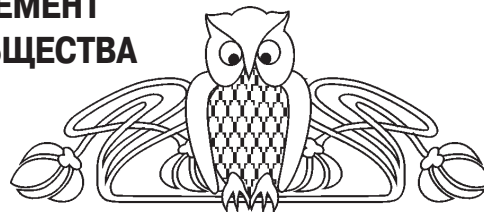

УДК [316.334.2+316.334.3] (470+571)

СИСТЕМА СТРАХОВАНИЯ ВКЛАДОВ КАК ЭЛЕМЕНТ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

А.А. Воронов

Саратовский государственный университет,
кафедра теории и истории социологии
E-mail: DylnovGV@info.sgu.ru

В статье предпринят анализ места и роли страхования вкладов населения как социального явления гражданского общества современной России. Прослеживается процесс становления системы страхования вкладов в нашей стране на рубеже XX и XXI столетий, ее специфика в сравнении с другими странами.

Ключевые слова: гражданское общество, страхование вкладов, финансовая стабильность, коммерческий банк.

Deposit Insurance System as an Element of Civil Society Activity

А.А. Voronov

The article analyses the role of private deposit insurance as a social phenomenon within the framework of civil society in modern Russia. The emergence of deposit insurance system in Russia at the turn of the 21st century is retraced as well as its special features compared to those of other countries.

Key words: civil society, deposits insurance, financial stability, commercial bank.

В современной России идет сложный и противоречивый процесс формирования гражданского общества, обусловленный целым рядом специфических особенностей российской действительности, ее транзитивностью и трансформацией всего общественного уклада.

Гражданское общество – открытое социальное образование. В нем обеспечиваются свобода слова, включая свободу критики, гласность, доступ к различного рода информации, право свободного въезда и выезда, широкий и постоянный обмен информационными, образовательными технологиями с другими странами, культурное и научное сотрудничество с зарубежными государственными и общественными организациями, содействие деятельности международных и иностранных объединений в соответствии с принципами и нормами международного права. Оно привержено общегуманистическим принципам и открыто для взаимодействия с аналогичными образованиями в планетарном масштабе¹.

Многие исследователи сходятся в том, что гражданское общество – это совокупность всех негосударственных общественных отношений и институтов, выражающая разнообразные ценности, интересы и потребности людей. В качестве структурных элементов в гражданское общество обычно включают добровольно сформировавшиеся первичные самоуправляемые общности людей

(семьи, ассоциации, хозяйствующие субъекты, общественные организации, профессиональные, творческие, конфессиональные и другие неформальные объединения), взаимодействующие на основе согласия и партнерства; совокупность негосударственных и неполитических отношений (экономических, духовных, нравственных); частная жизнь людей, их обычаи, традиции, нравы, семейные отношения; сфера самоуправления свободных индивидов и их организаций, огражденная законом от прямого вмешательства в нее со стороны государства и политической власти.

Гражданское общество включает, с одной стороны, общественную сферу – различные общественные ассоциации и движения, формирующие общественное мнение и вырабатывающие альтернативный стиль поведения, а с другой – частную сферу – семью и другие организации, связанные с воспитанием подрастающего поколения, коллективным потреблением и удовлетворением потребностей. Гражданское общество понимается как форма самоорганизации жизненного мира, конституирующая разнообразные институты и объединения в процессе взаимодействия с экономикой и государством.

Вместе с тем в современном российском обществе многие уже заявившие о себе в том или ином виде структуры и элементы гражданского общества существуют лишь формально и не наполнены реальным содержанием.

Формирование гражданского общества в стране, согласно традициям которой все социальные преобразования производятся сверху, находится в прямой зависимости от тех противоречий и слабостей, которыми характеризуется политический режим современной России с его сочетанием авторитарных и демократических тенденций, с бессилием государства в одних отношениях и с всемогуществом его, точнее, тех или иных бюрократических или силовых институтов, в других.

Но дело не только в этом. Дело в не меньшей степени и в психологической, культурной, профессиональной неготовности широких слоев населения к принятию новых принципов и форм жизни при одновременном сохранении традиционных этических норм. Отсюда массовая подмена ценностей подлинного гражданского общества примитивно-хапужническими представлениями о рыночной экономике, безразлично, оценивается

ли она со знаком плюс или минус, и понимание свободы как беспредела. Между тем возрождение или создание гражданского общества невозможно без питательного слоя, у нас он тонок и в отличие от технологий не может быть завезен из-за границы.

Не менее важно и другое обстоятельство. Россия сегодня одним скачком пытается одолеть путь, который Запад проходил постепенно, в течение по крайней мере трех веков, стремится в одночасье решить задачи, которые решались исторически на разных этапах развития гражданского общества. Неразумно поэтому возлагать всю вину за неудачи, отступления и шатания на этом пути на чей-то злой умысел или простую глупость, хотя стечение исторических обстоятельств предоставляет последним широкий оперативный простор.

Так или иначе, но процесс, принимаемый у нас за формирование гражданского общества, является таковым лишь отчасти, осуществляясь не как логическое продолжение предшествующего развития, не на основе накопленного исторического опыта и на устойчивом фундаменте упрочившихся островков гражданской жизни, но как возвращение вспять путем ломки монопольных в недавнем прошлом экономических, политических, социальных структур. Он протекает не просто стихийно, что само по себе достаточно естественно, но еще и хаотически, через спады, отступления и катаклизмы. Его внутренняя противоречивость постоянно становится источником конфликтных и тупиковых ситуаций, почвой для возникновения лжегражданских институтов, перерождения или самоликвидации действительно гражданских по их первоначальному объективному целям общественных объединений.

При несовпадении интересов различных сил из числа поделивших власть и собственность при неготовности многих слоев населения к свободе хозяйствования на современном уровне и к ассоциативной жизни, при общем падении нравов, несовершенстве законодательства, беспомощности юстиции и колебаниях государственной политики в России сегодня тенденции развития гражданских институтов противостоят тенденции блокирования этого процесса.

В итоге в качестве формирующегося гражданского общества выступает странный конгломерат, состоящий из подлинно гражданских структур, далеко не охватывающих основные сферы социальной жизни, однако уже довольно глубоко проникших в поры общественного организма; из полугосударственных экономических структур, возникших вследствие номенклатурной приватизации; из организаций, размещающихся на пограничной полосе между законностью и незаконностью, и, наконец, из псевдогражданских образований, на деле преследующих чисто политические или криминальные цели.

Таким образом, гражданское общество в России лишь начинает формироваться, ему пред-

стоит долгий и очень нелегкий путь к зрелости. Продвижение по этому пути составляет часть более широкого процесса постсоветской трансформации российского общества.

По мнению ряда ученых, Россия ныне претерпевает запаздывающую модернизацию, для которой необходимы определенные условия, включающие экономические ресурсы, удержание социального контроля в обществе, развитие среднего класса, наличие солидаризирующей и мобилизующей идеологии и др.

Все эти особенности общества в нашей стране помогают понять место и роль коммерческих банков в его жизнедеятельности. Являясь, несомненно, элементом рыночной экономики, банки вместе с тем выступают и институтом гражданского общества. Здесь мы остановимся лишь на одном аспекте этой большой и сложной проблемы, а именно на вопросе страхования вкладов населения и специфике его проявления в современных условиях.

В настоящее время в России все больше внимания обращается на практически не задействованный ранее ресурс и потенциал сбережений населения. Поскольку именно банки играют роль основного посредника между инвестором и производственным сектором, то объем финансовых ресурсов, направляемых банками в реальную экономику, сильно ограничен. При этом коммерческие банки являются преимущественно частными предпринимательскими структурами, они не берут на себя решение общегосударственных или региональных экономических и социальных задач, если это не приносит им прибыль.

По мнению большинства отечественных экспертов, занимающихся данной проблемой, главным фактором, препятствующим решению этой задачи, является низкий уровень доверия граждан к коммерческим банкам, который связан с последствиями финансовых кризисов последних лет. Таким образом, чтобы повысить доверие населения к банковской системе страны, развивать рынок банковских услуг, необходимо введение различных способов обеспечения исполнения банками обязательств перед гражданами-вкладчиками.

Именно с этой целью Банком России и Правительством РФ была внедрена система страхования вкладов населения. Подготовка к созданию такой системы началась еще с 90-х гг. XX в., практически сразу после того как банковская и финансовая системы страны столкнулись со случаями массовых банкротств финансовых институтов. Банковский кризис 1998 г. показал, что отсутствие системы гарантирования вкладов, к которой граждане испытывали бы доверие, обернулось серьезной социально-политической проблемой. Массовое изъятие средств из банков происходило, как правило, из-за социально-психологических проблем, в том числе из-за отсутствия механизмов компенсации.

Система страхования средств третьих лиц на счетах и во вкладах в кредитных учреждениях широко известна современному международному банковскому праву и признается одним из существенных моментов поддержания стабильности банковской системы. В основе действия каждой системы страхования вкладов лежит задача защиты интересов массового вкладчика, то есть неквалифицированных инвесторов, не имеющих необходимых знаний и возможности для самостоятельной оценки рисков при размещении средств. Реализация данной задачи осуществляется через гарантированную выплату вкладчикам определенной денежной компенсации в виде страхового возмещения при неплатежеспособности банка. Определение размера страховых выплат напрямую связано со способностью системы страхования вкладов эффективно выполнять свою базовую функцию: обеспечение защиты владельцев небольших и средних депозитов, не обладающих достаточными экономическими знаниями для оценки банковских рисков.

Защита финансовых интересов граждан является одной из важных социальных задач во многих странах мира. По данным Международного валютного фонда, страхование банковских вкладов принято более чем в семидесяти странах: Канаде и США, всех европейских, 10 африканских, 12 латиноамериканских и 8 азиатских государствах, на Украине, в Казахстане и Армении. По мнению экспертов Всемирного банка, страхование вкладов направлено на защиту интересов мелких вкладчиков и укрепление стабильности банковской системы: гарантируя сохранение сбережений вкладчиков, механизм страхования вкладов поощряет их доверять свои сбережения банкам и предотвращает массовое изъятие вкладов в случае кризиса².

По степени государственного участия системы страхования депозитов могут быть государственными, частными и смешанными. Государственные системы чаще всего формируются при введении обязательного страхования вкладов. В этом случае страховая организация создается как государственная, которая действует на некоммерческой основе. Ресурсы этой организации образуются из государственных средств и взносов банков. В такой форме организованы страховые системы в США («Федеральная корпорация страхования депозитов»), в Великобритании («Фонд защиты депозитов»).

В частных системах страхования вкладов осуществляется специальными организациями, финансирование деятельности которых осуществляется за счет взносов банков-участников, а государство не вмешивается в эти процессы. Такие системы созданы в Германии – «Фонд страхования депозитов частных банков», во Франции – «Фонд депозитного страхования», в Люксембурге – «Ассоциация страхования депозитов».

В смешанных системах страхования вкладов государство и банки в равной степени участвуют в формировании ресурсов страховой организации. Примером является страховая система Японии, где уставный капитал «Корпорации по страхованию депозитов», действующей с 1971 г., сформирован правительством, Банком Японии и частными банками равными долями.

В целом страхование банковских вкладов можно определить как правоотношения по защите интересов физических лиц, заключивших с банком договор банковского вклада или банковского счета, при наступлении определенных страховых случаев за счет фонда обязательного страхования вкладов, формируемого агентством по страхованию вкладов из уплаченных банками страховых взносов, а также за счет иных средств.

В современной России создание системы обязательного страхования банковских вкладов населения является специальной государственной программой, реализуемой в соответствии с Федеральным законом 177-ФЗ «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации». Российский закон о страховании банковских вкладов в качестве целей создания системы страхования называет цели, которые отвечают интересам населения, банков и государства: защита прав и законных интересов вкладчиков банков; укрепление доверия к банковской системе; стимулирование привлечения сбережений населения в банковскую систему Российской Федерации.

Система страхования вкладов работает следующим образом. Если банк прекращает работу и у него отзывается лицензия на осуществление банковских операций, его вкладчикам незамедлительно производятся фиксированные денежные выплаты. Для страхования вкладов вкладчику не требуется заключения какого-либо договора: оно осуществляется в силу закона. Специально созданная государством организация – «Агентство по страхованию вкладов» – за банк возвращает вкладчику основную сумму его накоплений, вместо вкладчика занимает его место в очереди кредиторов и в дальнейшем сама выясняет отношения с банком по возврату задолженности.

В соответствии с законом о страховании вкладов с конца 2008 г. возмещение по вкладам выплачивается в размере 100 процентов суммы вкладов в банке, не превышающей 700 000 рублей. Валютные вклады пересчитываются по курсу Центрального Банка на дату наступления страхового случая. Сумма компенсации не может превышать 700 000 рублей, даже если вкладчик хранит деньги в одном банке на нескольких счетах. Однако если он имеет вклады в разных банках, в каждом из них ему гарантируются равные выплаты.

Выплата возмещения по вкладам производится Агентством в соответствии с реестром обязательств банка перед вкладчиками, формируемым банком, в отношении которого наступил страховой

случай, в течение трех дней со дня представления вкладчиком в Агентство документов, но не ранее 14 дней со дня наступления страхового случая (этот период необходим для получения от банка информации о вкладах и организации расчетов). В настоящее время участие в системе страхования обязательно для всех банков, имеющих право на работу с частными вкладами. При этом вклады считаются застрахованными со дня включения банка в реестр банков – участников системы.

Таким образом, система страхования вкладов по своей сути имеет не только экономическую, но и большую социальную направленность. Она представляет собой комплекс мер, направленных на защиту вкладов и обеспечивающих их гарантированный возврат в полном объеме (или частично) в случае банкротства финансового учреждения.

Именно поэтому для Российского государства, перед которым стоят сложные задачи формирования гражданского общества, правового государства и обеспечения экономического роста, очень важно вернуть доверие населения к банкам, чтобы аккумулировать сбережения физических лиц в банковской системе и впоследствии инвестировать привлеченные средства в реальный сектор экономики.

УДК 316.334.2

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В СИСТЕМЕ ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ

А.А. Хасиев

Чеченский государственный университет, Грозный
кафедра теоретической экономики
E-mail: khassiev@mail.ru

В статье рассматривается сущность социально-трудовых отношений в системе теневой экономической деятельности и факторы, обуславливающие их развитие, масштабы теневой экономики и методы ее измерения, а также обобщается зарубежный опыт профилактики теневой экономики и возможности ее использования в России.

Ключевые слова: труд, отношения социальные, теневая экономика.

Sociological Study Socially-Working Relations in the System of the Shadow Economy

A.A. Khasiev

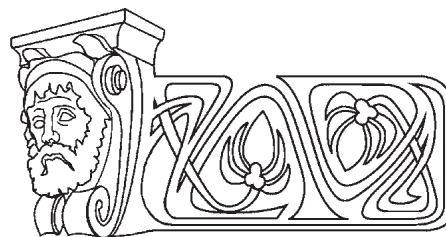
In the article is examined the essence socially-working relations in the system of shady economic activity and the factors, which specify their development, the scales of shadow economy and the methods of its measurement, and the foreign experience of the preventive maintenance of shadow economy and possibility of its use in Russia also is summarized.

Key words: labour, social relations, shadow economy.

Конечно, только страхование вкладов не может обеспечить уверенности в том, что финансовая система будет здоровой. Задача обеспечения финансовой стабильности в стране должна решаться совместными усилиями всех заинтересованных органов: Банка России, органа банковского надзора и Агентства по страхованию вкладов. Стремление только за счет создания системы страхования вкладов разрешить проблему недоверия общества к государству и банкам, обеспечить финансовую стабильность в стране невозможно без реформирования всей правовой, финансовой и институциональной базы государства.

Примечания

- ¹ См. подробнее: *Осинов Г.В.* Социология и общество. М., 2007; *Свобода, неравенство, братство. Социологический портрет современной России / Под ред. М.К. Горшкова.* М., 2007; *Федотов А.Э.* Гражданское общество: проблемы развития и современные формы. Саратов, 2004.
- ² *Сокол П.* Новое в страховании банковских вкладов граждан // *Право и экономика.* 2004. № 7. С. 22; *Россия: укрепление доверия: Развитие финансового сектора в России.* М., 2002. С. 173.

Важной особенностью социально-трудовых отношений, связанных с реализацией способностей к труду отдельного человека и всего населения на основе рыночных принципов (спроса и предложения, купли-продажи, конкуренции), является наличие в них так называемой ненаблюдаемой (нерегистрируемой) части этих отношений, состоящей из теневого и неформального секторов экономики (например, сектора домашних хозяйств). Качество оценки социально-трудовой сферы в значительной мере зависит от того, насколько полно удастся оценить сферу ненаблюдаемой экономической деятельности, а также разработать пути минимизации ее негативных последствий.

Термин «ненаблюдаемая экономика» применяется в отношении определенных сфер экономической деятельности, противопоставляемых официальной (регистраемой) экономике¹. В отечественной литературе в последние годы использовалось много терминов в отношении ненаблюдаемой экономики, прежде всего такие, как «теневая экономика», «неформальная экономика», «подпольная экономика», «скрытая эко-

случай, в течение трех дней со дня представления вкладчиком в Агентство документов, но не ранее 14 дней со дня наступления страхового случая (этот период необходим для получения от банка информации о вкладах и организации расчетов). В настоящее время участие в системе страхования обязательно для всех банков, имеющих право на работу с частными вкладами. При этом вклады считаются застрахованными со дня включения банка в реестр банков – участников системы.

Таким образом, система страхования вкладов по своей сути имеет не только экономическую, но и большую социальную направленность. Она представляет собой комплекс мер, направленных на защиту вкладов и обеспечивающих их гарантированный возврат в полном объеме (или частично) в случае банкротства финансового учреждения.

Именно поэтому для Российского государства, перед которым стоят сложные задачи формирования гражданского общества, правового государства и обеспечения экономического роста, очень важно вернуть доверие населения к банкам, чтобы аккумулировать сбережения физических лиц в банковской системе и впоследствии инвестировать привлеченные средства в реальный сектор экономики.

УДК 316.334.2

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В СИСТЕМЕ ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ

А.А. Хасиев

Чеченский государственный университет, Грозный
кафедра теоретической экономики
E-mail: khassiev@mail.ru

В статье рассматривается сущность социально-трудовых отношений в системе теневой экономической деятельности и факторы, обуславливающие их развитие, масштабы теневой экономики и методы ее измерения, а также обобщается зарубежный опыт профилактики теневой экономики и возможности ее использования в России.

Ключевые слова: труд, отношения социальные, теневая экономика.

Sociological Study Socially-Working Relations in the System of the Shadow Economy

A.A. Khasiev

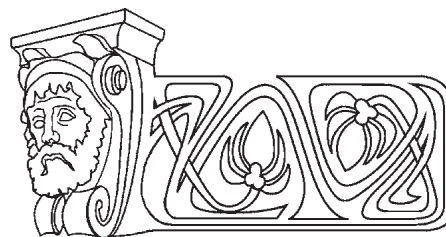
In the article is examined the essence socially-working relations in the system of shady economic activity and the factors, which specify their development, the scales of shadow economy and the methods of its measurement, and the foreign experience of the preventive maintenance of shadow economy and possibility of its use in Russia also is summarized.

Key words: labour, social relations, shadow economy.

Конечно, только страхование вкладов не может обеспечить уверенности в том, что финансовая система будет здоровой. Задача обеспечения финансовой стабильности в стране должна решаться совместными усилиями всех заинтересованных органов: Банка России, органа банковского надзора и Агентства по страхованию вкладов. Стремление только за счет создания системы страхования вкладов разрешить проблему недоверия общества к государству и банкам, обеспечить финансовую стабильность в стране невозможно без реформирования всей правовой, финансовой и институциональной базы государства.

Примечания

- ¹ См. подробнее: *Осинов Г.В.* Социология и общество. М., 2007; *Свобода, неравенство, братство. Социологический портрет современной России / Под ред. М.К. Горшкова.* М., 2007; *Федотов А.Э.* Гражданское общество: проблемы развития и современные формы. Саратов, 2004.
- ² *Сокол П.* Новое в страховании банковских вкладов граждан // *Право и экономика.* 2004. № 7. С. 22; *Россия: укрепление доверия: Развитие финансового сектора в России.* М., 2002. С. 173.

Важной особенностью социально-трудовых отношений, связанных с реализацией способностей к труду отдельного человека и всего населения на основе рыночных принципов (спроса и предложения, купли-продажи, конкуренции), является наличие в них так называемой ненаблюдаемой (нерегистрируемой) части этих отношений, состоящей из теневого и неформального секторов экономики (например, сектора домашних хозяйств). Качество оценки социально-трудовой сферы в значительной мере зависит от того, насколько полно удастся оценить сферу ненаблюдаемой экономической деятельности, а также разработать пути минимизации ее негативных последствий.

Термин «ненаблюдаемая экономика» применяется в отношении определенных сфер экономической деятельности, противопоставляемых официальной (регистраемой) экономике¹. В отечественной литературе в последние годы использовалось много терминов в отношении ненаблюдаемой экономики, прежде всего такие, как «теневая экономика», «неформальная экономика», «подпольная экономика», «скрытая эко-

номика», «криминальная экономика»². Наиболее актуальной в настоящее время выступает та часть ненаблюдаемой экономики, которая именуется теневой.

Отсутствие в современной экономической теории единого толкования понятия теневой экономики, четких границ между подходами к ее определению, а также точности в выделении объекта изучения обусловлено различиями в характере решаемых теоретических и прикладных задач, а также в методологии и методике исследований. Такое разнообразие и неоднозначность закономерны, так как теневая экономика сама по себе – явление сложное, состоящее из ряда элементов и охватывающее различные сферы общественной жизни, в том числе и в социально-трудовых отношениях.

Для операционного (прикладного) подхода, свойственного зарубежным исследователям, характерно определение теневой экономики через формы и методы ее измерения. Данный подход применяется при решении конкретно-практических статистических задач. При изучении феномена теневой экономики специалисты в сфере обеспечения экономической безопасности весь спектр негативных явлений в экономике условно разделяют на два блока: теневую и криминальную.

В контексте вышеизложенного под теневой экономикой необходимо понимать всю экономическую деятельность, которая по разным причинам не учитывается официальной статистикой, скрыта от налогообложения и соответственно не включается в ВВП. Основными системными признаками теневой экономики являются: целостность, открытость, приспособляемость, воспроизводимость, структурированность и иерархичность. Система теневой экономики состоит из неофициальной, административной, фиктивной и криминальной составляющих.

Таким образом, теневая составляющая экономики представляет такой уклад экономических отношений, обеспечивающих денежные доходы, который складывается в обществе вопреки законам, правовым нормам, другим формальным правилам хозяйственной жизни и находится вне рамок правового поля.

За основу анализа понятий теневой экономики целесообразно взять методологию международной статистики. Версия национальных счетов, рекомендованная в 1993 г. ООН и другими международными организациями, практически целиком учитывает теневую экономику в составе производственной деятельности. Методология системы национальных счетов (СНС-93) вводит в этой связи основные понятия, довольно близкие по смыслу, а в каких-то отношениях даже пересекающиеся между собой, но одновременно обозначающие каждое свой, отличный от других, круг явлений: «скрытая» (или «теневая»), «неформальная» (или «неофициальная») и «нелегальная» деятельность.

Раскрытие понятия «теневая экономика» затруднено нехваткой информации для анализа и концептуальными сложностями. Нередко теневая экономика отождествляется с неформальной и криминальной. Различают внутреннюю и параллельную теневую экономику. Под внутренней экономикой понимаются «встроенные» в официальную экономику теневые отношения, связанные с официальным статусом их участников³. Другими словами, внутренняя теневая экономика трактуется как нерегистрируемая деятельность тех же самых агентов, которые действуют в регистрируемой части экономики.

Негативные последствия, порождаемые теневой экономикой, очевидны. Вместе с тем в условиях нестабильной хозяйственной системы теневой сектор, в своей некриминальной части, является своеобразным экономическим и социальным «амортизатором» по доходам для части населения, предоставляя ему возможность трудовой деятельности и заработка, не являясь при этом критически опасным для общества.

Следует согласиться с мнениями многих авторов о том, что распространенность теневой экономической деятельности в решающей степени зависит от общего состояния экономики, уровня жизни населения и исходящих от государства ограничений⁴.

В основу дестимулирующего механизма в России изначально была заложена масштабная приватизация, которая обернулась закрытием предприятий и массовыми банкротствами. Сегодня из 707 промышленных предприятий, расположенных на территории некоторых областей, только 26 остались в федеральной и региональной собственности, эффективность управления некоторыми остается исключительно низкой.

Пик развития теневой экономики пришелся на 1994 г., когда был осуществлен первичный передел государственной собственности. В этом же году отмечался более чем четырехкратный рост доли теневого сектора в ВВП и почти 100-кратный рост абсолютных его объемов. По мнению ряда экспертов, в промышленности по теновому обороту лидирующее положение заняли отрасли топливно-энергетического и сырьевого комплексов, а в экономике в целом доминировала в этом плане сфера обслуживания: в 1994–1995 гг. на нее приходилось до 70–75% теневого ВВП⁵.

В 2001 г. до 40% ВВП российской экономики создавалось в теневом секторе, а нелегальный вывоз капитала из страны ежегодно составлял около 20 млрд долларов. За прошедшие годы ситуация с теновым сектором экономики в России коренным образом не изменилась и, по данным правоохранительных органов и отдельных экспертов, теневой сектор на конец 2006 г. составлял 45–50%⁶.

К числу факторов, определяющих масштабы и динамику теневой экономики, относятся деградация материального положения основной массы населения и резкое ухудшение условий его жизнедеятельности. Серьезным фактором развития теневой экономики все более становится безработица. По статистическим данным по состоянию на начало 2007 г., на территории Чеченской Республики доля безработных составила 18,5% экономически активного населения.

Одной из особенностей экономики является широкое распространение неофициальной вторичной занятости. Согласно исследованиям 27% трудоспособных россиян имеют официально не учтенную вторую работу, причем около половины из них заняты в «посреднической деятельности», треть – в розничной торговле.

В условиях экономической нестабильности теневой сектор экономики России имеет устойчивую тенденцию к росту. Подобная ситуация будет оставаться стабильной, пока в России сохраняются условия и предпосылки масштабного развития теневого сектора.

Представляет интерес зарубежный опыт профилактики теневой экономики и возможности его использования в России. На сессии Генеральной Ассамблеи ООН (Вена, 2002 г.) был создан специальный Комитет по разработке международной конвенции против коррупции и «отмывания» незаконных денежных средств. В борьбе с легализацией доходов, полученных от преступной деятельности, активно участвуют такие организации, как Интерпол, Мировой банк, Европейский совет, Оффшорная группа банковских инспекторов, Базельский комитет по надзору за банковской деятельностью и другие международные организации, действует также международная программа ООН по борьбе с наркоманией.

Во многих странах приняты законодательные акты, предусматривающие жесткие меры борьбы с отмыванием незаконно добытых денег. В законодательстве большинства развитых государств предусмотрена уголовная ответственность должностных лиц банков за несоблюдение этих мер и за содействие в проведении сомнительных и подозрительных банковских операций. Практический интерес для нашей страны имеет, в частности, опыт Китая по контролю за движением теневого капитала и предотвращению незаконных экономических операций.

В развитых рыночных странах государство борется с теневым сектором, уделяя приоритетное внимание прежде всего усилению ответственности за налоговые преступления. Так, важнейшим законодательным актом, определяющим ответственность за налоговые преступления и проступки, в Германии является Положение о налоговых правонарушениях. Во Франции основным законодательным актом, регламентирующим ответственность за совершение налоговых преступлений, является Общий кодекс о налогах.

Здесь к правонарушениям относятся и действия, направленные на сокрытие бухгалтерских данных путем обмана.

В Великобритании ответственность за налоговые преступления и проступки установлена в специальных законодательных актах. При этом виды правонарушений подразделяются на несколько групп: проступки, связанные с нарушением сбора налогов; преступления, связанные с мошенничеством и подделкой в сфере налогообложения; таможенные правонарушения. В США все налоговые преступления квалифицируются по степени их тяжести на тяжкие и менее тяжкие. Налоговое законодательство этой страны предусматривает уголовную ответственность не только лиц, уклоняющихся от уплаты налогов, но и должностных лиц и работников налоговой службы. Нормы, регулирующие порядок взывания налогов, контроль за неуплатой и правонарушениями, в отдельных штатах США являются более детальными.

Особо интересен опыт борьбы с теневой экономикой Восточных государств. К примеру, в ОАЭ отсутствует налогообложение как таковое, что изначально заставляет государство изыскивать иные способы поддержания государственной казны. Кроме того, возможность получения полной прибыли без вычета налогов позволяет снизить себестоимость продукции и максимально использовать прибыль для развития производства. При этом государство экономит огромные денежные средства ввиду отсутствия необходимости содержания налогового аппарата. Отсутствие подоходного налога в этой стране делает ее привлекательной для вложения в нее инвестиций как физических, так и юридических лиц, а также способствует высокой конкуренции на рынке рабочей силы.

Следует заметить, что многие приемы борьбы с теневой экономикой не имеют должного эффекта, а лишь затрудняют деятельность субъектов экономических отношений (так, например, запрет для юридических лиц использовать жилые помещения в качестве юридического адреса с целью борьбы с компаниями-однодневками привел к усложнению процедуры регистрации для многих учредителей).

Представляется, что вышеизложенный опыт законодательного закрепления воздействия на теневую экономику, накопленный разными странами, вполне может быть адаптирован к современным российским реалиям.

Примечания

- ¹ См.: *Абалкин Л.И.* Российская школа экономической мысли: поиск самоопределения / Ин-т экономики РАН. М., 2000. С. 50.
- ² См.: *Барсукова С.Ю.* Неформальная экономика и сетевая организация пространства в России // Мир России. 2000. Т. 9, № 1. С. 52–68.

- ³ См.: Драпкин Л.Я., Злоченко Я.М. Теневая экономика России: понятие, структура, основные направления противодействия // Организованная преступность и коррупция: Исследования, обзоры, информация. 2000. № 2. С. 32–38.
- ⁴ См.: Львов Д.С. Какая экономика нужна России? // Рос. экон. журн. 2002. № 11–12.
- ⁵ См.: Рябушкин Б.Т., Чурилова Э.Ю. Методы оценки теневого и неформального секторов экономики. М.: Финансы и статистика, 2003. С. 60.
- ⁶ См.: Черемисина Н.В. К вопросу о статистическом измерении теневой экономики на региональном уровне // Вопросы статистики. 2007. № 1. С. 64–67.

Слово молодым социологам

УДК 316.334.55 (470) (09)

ГЕНЕЗИС АГРАРНОЙ СОЦИОЛОГИИ В РОССИИ

В.Б. Антонов

Саратовский государственный университет,
кафедра социологии регионов
E-mail: DylnovGV@info.sgu.ru

В статье рассматриваются особенности возникновения отечественной аграрной социологии, этапы ее развития и современное состояние.

Ключевые слова: аграрная социология, этапы ее развития, сельская община, аграрные преобразования.

Genesis of Agrarian Sociology in Russia

V.B. Antonov

The article examines the history of Russian agrarian sociology, stages of its development and its present-day state.

Key words: agrarian sociology, stages of its development, rural community, agrarian transformations.

Формирование аграрной социологии проходило в рамках процесса возникновения и становления отечественной социологии в целом во второй половине XIX столетия. Как известно, появление социологии как науки было социально обусловлено. Главными предпосылками и условиями ее возникновения являлись реформы Петра I, реформы 1861 г., вступление России на капиталистический путь развития, сохранение долгое время пережитков крепостного права, появление новых классов и слоёв, зарождение рабочего движения, расширение масштабов эмпирических исследований социальных проблем русского общества того времени¹.

Одной из наиболее острых и актуальных проблем российской действительности XIX в. было крепостное право. Закономерно поэтому, что задолго до 1861 г. русская общественная мысль обращалась к вопросу о месте и роли русской общины в жизнедеятельности общества. Здесь достаточно указать на многолетнюю дискуссию славянофилов по данному вопросу.

Определенным итогом предсоциологического этапа социальной мысли по этой проблеме явились идеи К.Д. Кавелина, которого не без осно-

ваний считают одним из основателей аграрной социологии в России.

Большой интерес представляют взгляды Кавелина на сельскую общину. Предпринятый Кавелиным анализ русской сельской общины как специфического социального института имеет завершенный социологический характер. В связи с этим прослеживается эволюция взглядов Кавелина на роль общины в будущем развитии России. Споры вокруг общины, которые велись в 40-е гг. XIX в., не имели ничего общего, по мнению Кавелина, с конкретным обсуждением проблемы. Это были всего лишь рассуждения по ее поводу на общеполитические темы. В конце 50-х гг. научная полемика отражает уже более отчетливо черты практических рекомендаций в преддверии аграрной реформы. В 70-е гг. уже можно было говорить о некоторых итогах и сформулировать оценки тех новых социальных процессов, которые имели место в деревне после отмены крепостного права.

Кавелин подчеркивал, что сложность понятия общины, как на уровне общественного сознания, так и в научном обиходе создавала трудности в ее определении. Каждый исследователь выделял в ней какую-нибудь одну сторону и, абсолютизируя ее, невольно умалял значимость других сторон. Кроме того, большинство исследователей считали общину запоздалым остатком варварских времен.

В трактовке вопроса о сельской общине в России Кавелин занимал своеобразную позицию, в которой сочетались идеи государственной школы, представлявшей общину как институт, созданный государством, и славянофильские верования в великую роль общины как реальной альтернативы развитию капитализма в России. Ученый считал наиболее правильным путь разумного сочетания общинного землевладения с личной поземельной собственностью крестьянина, позволяющей избежать пролетаризации и нищеты крестьянских масс.

- ³ См.: Драпкин Л.Я., Злоченко Я.М. Теневая экономика России: понятие, структура, основные направления противодействия // Организованная преступность и коррупция: Исследования, обзоры, информация. 2000. № 2. С. 32–38.
- ⁴ См.: Львов Д.С. Какая экономика нужна России? // Рос. экон. журн. 2002. № 11–12.
- ⁵ См.: Рябушкин Б.Т., Чурилова Э.Ю. Методы оценки теневого и неформального секторов экономики. М.: Финансы и статистика, 2003. С. 60.
- ⁶ См.: Черемисина Н.В. К вопросу о статистическом измерении теневой экономики на региональном уровне // Вопросы статистики. 2007. № 1. С. 64–67.

Слово молодым социологам

УДК 316.334.55 (470) (09)

ГЕНЕЗИС АГРАРНОЙ СОЦИОЛОГИИ В РОССИИ

В.Б. Антонов

Саратовский государственный университет,
кафедра социологии регионов
E-mail: DylnovGV@info.sgu.ru

В статье рассматриваются особенности возникновения отечественной аграрной социологии, этапы ее развития и современное состояние.

Ключевые слова: аграрная социология, этапы ее развития, сельская община, аграрные преобразования.

Genesis of Agrarian Sociology in Russia

V.B. Antonov

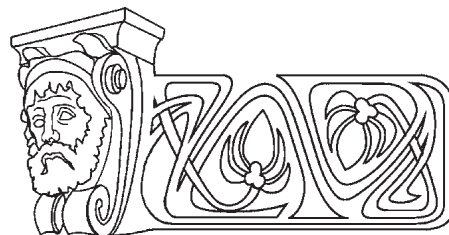
The article examines the history of Russian agrarian sociology, stages of its development and its present-day state.

Key words: agrarian sociology, stages of its development, rural community, agrarian transformations.

Формирование аграрной социологии проходило в рамках процесса возникновения и становления отечественной социологии в целом во второй половине XIX столетия. Как известно, появление социологии как науки было социально обусловлено. Главными предпосылками и условиями ее возникновения являлись реформы Петра I, реформы 1861 г., вступление России на капиталистический путь развития, сохранение долгое время пережитков крепостного права, появление новых классов и слоёв, зарождение рабочего движения, расширение масштабов эмпирических исследований социальных проблем русского общества того времени¹.

Одной из наиболее острых и актуальных проблем российской действительности XIX в. было крепостное право. Закономерно поэтому, что задолго до 1861 г. русская общественная мысль обращалась к вопросу о месте и роли русской общины в жизнедеятельности общества. Здесь достаточно указать на многолетнюю дискуссию славянофилов по данному вопросу.

Определенным итогом предсоциологического этапа социальной мысли по этой проблеме явились идеи К.Д. Кавелина, которого не без осно-

ваний считают одним из основателей аграрной социологии в России.

Большой интерес представляют взгляды Кавелина на сельскую общину. Предпринятый Кавелиным анализ русской сельской общины как специфического социального института имеет завершенный социологический характер. В связи с этим прослеживается эволюция взглядов Кавелина на роль общины в будущем развитии России. Споры вокруг общины, которые велись в 40-е гг. XIX в., не имели ничего общего, по мнению Кавелина, с конкретным обсуждением проблемы. Это были всего лишь рассуждения по ее поводу на общеполитические темы. В конце 50-х гг. научная полемика отражает уже более отчетливо черты практических рекомендаций в преддверии аграрной реформы. В 70-е гг. уже можно было говорить о некоторых итогах и сформулировать оценки тех новых социальных процессов, которые имели место в деревне после отмены крепостного права.

Кавелин подчеркивал, что сложность понятия общины, как на уровне общественного сознания, так и в научном обиходе создавала трудности в ее определении. Каждый исследователь выделял в ней какую-нибудь одну сторону и, абсолютизируя ее, невольно умалял значимость других сторон. Кроме того, большинство исследователей считали общину запоздалым остатком варварских времен.

В трактовке вопроса о сельской общине в России Кавелин занимал своеобразную позицию, в которой сочетались идеи государственной школы, представлявшей общину как институт, созданный государством, и славянофильские верования в великую роль общины как реальной альтернативы развитию капитализма в России. Ученый считал наиболее правильным путь разумного сочетания общинного землевладения с личной поземельной собственностью крестьянина, позволяющей избежать пролетаризации и нищеты крестьянских масс.

Кавелин исходит из того, что с течением времени наиболее богатая часть населения будет выходить из общины и переселяться в города, а беднейшая, неимущая, останется в общине, которая оградит ее от бродяжничества и нищеты, даст работу. Обращаясь к истории общины, Кавелин подчеркивал постепенность ее возникновения, естественный характер развития, а также внутренний демократизм. Он отмечал хозяйственное значение общины в Русском государстве и подчеркивал, что она не является в принципе чисто славянским институтом, а представляет собой известную стадию развития всех народов.

Прикрепление к земле и введение подушной подати придали древнерусскому общинному владению ее теперешний вид и имели своим последствием введение общинного владения даже в тех общинах, где прежде земля находилась в личном владении и пользовании крестьян. Кавелин придает большое значение общинному устройству крестьянства, но в то же время он далек от той идеализации общины, которая была свойственна славянофилам и Герцену.

Свое понимание термина «община» Кавелин излагает в работе «Взгляд на русскую сельскую общину» (1859). Он выделял прежде всего присущие общине административные, принудительные функции (административная община) и обычай совместного владения землей (поземельная община). Ученый предлагает рассматривать эти две социальные функции раздельно. Именно обычай совместного владения землей выделен Кавелиным в качестве главного объекта исследования. Выстраивая доказательства в пользу утверждения о необходимости сохранения общины, Кавелин выявляет основные характеристики поземельной общины и, скрупулезно их проанализировав, приходит к выводу, что ни одна из них не противоречит земельным законодательствам европейских стран.

В научной литературе отмечается, что участие Кавелина в реформах 60-х гг. не ограничивалось научной и публицистической деятельностью. Он внес свой вклад в разработку ряда законодательных проектов, вел практическую деятельность в своем имении, имел обширную переписку по этим проблемам с общественными деятелями и учеными. Кавелин собирал различный законодательный материал о положении таких категорий крестьянского населения, как казенные и удельные, оброчные, вольные хлебопашцы, о различных сторонах экономического положения городского и сельского населения, в том числе об организации акциза, доходах и расходах крестьян в городах, о вопросах местного и центрального управления, в том числе о правах волостных и сельских управлений, ведомств государственных имуществ, земстве, подготовке законодательных изменений и их положений.

К.Д. Кавелин предложил план освобождения крестьян от крепостной зависимости. На основе личных наблюдений и анализа статистических

данных Кавелин выявил экономический, финансовый, общественно-политический, демографический и правовой аспекты влияния крепостного права на развитие государства и показал одновременно, что все сколько-нибудь значительные внутренние преобразования в России, без изъятия, так неразрывно связаны с упразднением крепостного права, что одно невозможно без другого.

Знаменитая «Записка об освобождении крестьян» Кавелина содержала предложения, которые касались помещичьих крестьян, государственных крестьян, а также общих принципов военной реформы, в части призыва на срочную службу, срока службы солдат и реорганизации института военных поселений. Методологической основой этих предложений был системный подход, который учитывал интересы всех социальных субъектов, затронутых процессом предстоявших реформ. Кавелин сформулировал интересы помещиков, крестьян и государства, исходя из их социальной значимости.

Именно данные идеи К.Д. Кавелина, работы других отечественных ученых второй половины XIX и начала XX в. и составляют содержание первого этапа в развитии отечественной аграрной социологии.

Второй этап развития этой отрасли социологического знания связан с научными исследованиями 20–80-х гг. XX столетия, главным образом, с 60–80-ми годами. В поле зрения ученых оказался обширный спектр явлений и процессов, протекающих в аграрном секторе и на селе: коллективизация, развитие трудовых отношений на селе, агропромышленная кооперация, колхозная собственность, культурные особенности сельского населения, национально-психологические традиции в крестьянской среде, социальная структура сельского населения, миграция сельского населения в города, образ жизни сельчан, уровень их².

Среди многих сотен исследователей села нельзя не назвать таких ученых, как Ю.В. Арутюнян, Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина, В.И. Старовров. Отметим, что в Саратове сложилась мощная школа ученых, среди которых, в частности, назовем П.П. Великого, В.Г. Виноградского, В.А. Зубкова, В.Б. Островского, В.Б. Самсонова и др.

С конца 80-х гг. XX в. можно вести речь о начале третьего этапа развития аграрной социологии в нашей стране. Он обусловлен коренными изменениями устоев жизни всего бывшего советского общества, в том числе и села. Следует упомянуть при этом о неготовности сельского работника к рыночным отношениям и об отсутствии особого социального слоя – сельского бизнесмена. Земельная реформа не проведена, частный собственник в деревне не состоялся – эти и другие обстоятельства отразились и на состоянии аграрной социологии. Старая проблематика исторически ушла, а новая не актуализировалась.

Правда, в первой половине 90-х гг. советские традиции исследования села еще поддерживались;

продолжаются они и ныне в меньших масштабах и по более узкой тематике в ряде регионов страны. Можно констатировать потерю интереса социологов к осуществлению новых научных проектов в сельском пространстве, по сельской тематике мало защищается диссертаций³. Развитие аграрной социологии, ее своеобразное возрождение правомерно связывать с оживлением деревни, оздоровлением ее экономики.

УДК 316.334:37

ИНТЕГРАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В ОБЩЕЕВРОПЕЙСКУЮ ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ СИСТЕМУ

М. С. Перминова

Саратовский государственный университет,
кафедра прикладной социологии
E-mail: m_andriyanova@mail.ru

Одним из важнейших глобализационных процессов является вхождение России в общеевропейское образовательное пространство. В статье рассмотрен важнейший элемент комплексного реформирования высшего профессионального образования – многоступенчатая система подготовки специалистов.

Ключевые слова: глобализация, болонский процесс, информатизация, многоуровневое образование в России.

The Integration of the Russian High School in European Education System

M. S. Perminova

One of major processes of globalization is the entry of Russia in the all-European educational space. In clause the major element of complex reforming of maximum vocational training – multistage system of preparation of the experts is considered.

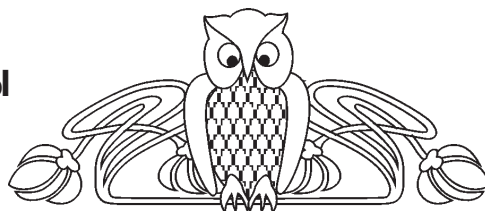
Key words: globalization, the Bologna process, information, multi-level education in Russia.

Глобализация представляет собой процесс интеграции человечества в единое целое, характеризует новую эпоху развития человечества – эпоху глобального мира. Под глобализацией в социологии понимается все более усиливающееся влияние и воздействие общечеловеческих, мировых (глобальных) процессов на судьбы отдельных стран и народов, а также всего человечества в целом¹. В понятии «глобализация» отражается реальная взаимозависимость мира, стран и народов друг от друга.

В целом можно сказать, что современная цивилизация вступила в принципиально новую стадию развития – информационную. Информатизацию общества принято связывать с тремя основными аспектами развития: ускоренным накоплением информации, созданием новых

Примечания

- 1 См. об этом: Новикова С.С. Социология: история, основы, институционализация в России. М., 2000. Гл. 1.
- 2 См.: Рывкина Р.В. Социология села // Социология в России. 2-е изд. М., 1998. С. 160 и след.
- 3 Великий П.П. Российская аграрная социология: этапы, имена, идеи // Социс. 2008. № 7. С. 106–107.

технологий и развитием средств информации и вычислительной техники, инновации на уровне общества и личности. Анализ этих составляющих информатизации показывает, что эффективно развивающееся государство вкладывает средства в образование, стремится к максимальному развитию и использованию человеческого потенциала. Современное общество нуждается в человеке, обладающем знаниями, подготовленном к жизни, ориентирующемся в социокультурном пространстве и способном понять и определить свое место в мире. Антропологические основания образования в современном мире состоят в том, что акцент смещается с «человека знающего» на «человека, подготовленного к жизни». В условиях глобализации социальные процессы становятся все более взаимозависимы и универсальны. Так, по мнению В. И. Добренькова, глобализация выступает как многоуровневая и многосторонняя система различных интеграционных проявлений, таких как глобальная коммуникация, экономика, политика, культура, наука, язык, образ жизни².

В 90-х гг. XX в. наиболее передовые в технико-технологическом отношении страны мира взяли курс на обеспечение высокого образования практически всем молодым людям, окончившим среднюю школу. В принятых пакетах документов по правам человека образование рассматривается как одно из неотъемлемых прав, получение которого гарантируется в первую очередь правовыми и социокультурными институтами общества, а не уровнем благосостояния семьи. В этот период ведущие страны мира вступили на путь реформирования своих образовательных систем. Общая тенденция – придание образованию свойств открытости. Широкомасштабные изменения происходят в Европе, где в сфере образования рушатся государственные границы и формируется общеевропейская интегральная система образования.

продолжаются они и ныне в меньших масштабах и по более узкой тематике в ряде регионов страны. Можно констатировать потерю интереса социологов к осуществлению новых научных проектов в сельском пространстве, по сельской тематике мало защищается диссертаций³. Развитие аграрной социологии, ее своеобразное возрождение правомерно связывать с оживлением деревни, оздоровлением ее экономики.

УДК 316.334:37

ИНТЕГРАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В ОБЩЕЕВРОПЕЙСКУЮ ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ СИСТЕМУ

М. С. Перминова

Саратовский государственный университет,
кафедра прикладной социологии
E-mail: m_andriyanova@mail.ru

Одним из важнейших глобализационных процессов является вхождение России в общеевропейское образовательное пространство. В статье рассмотрен важнейший элемент комплексного реформирования высшего профессионального образования – многоступенчатая система подготовки специалистов.

Ключевые слова: глобализация, болонский процесс, информатизация, многоуровневое образование в России.

The Integration of the Russian High School in European Education System

M. S. Perminova

One of major processes of globalization is the entry of Russia in the all-European educational space. In clause the major element of complex reforming of maximum vocational training – multistage system of preparation of the experts is considered.

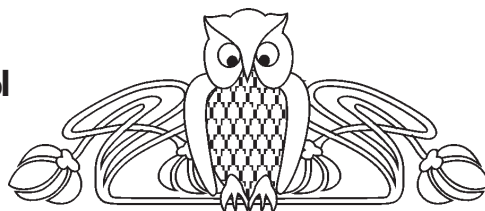
Key words: globalization, the Bologne proccers, information, multi-level education in Russia.

Глобализация представляет собой процесс интеграции человечества в единое целое, характеризует новую эпоху развития человечества – эпоху глобального мира. Под глобализацией в социологии понимается все более усиливающиеся влияние и воздействие общечеловеческих, мировых (глобальных) процессов на судьбы отдельных стран и народов, а также всего человечества в целом¹. В понятии «глобализация» отражается реальная взаимозависимость мира, стран и народов друг от друга.

В целом можно сказать, что современная цивилизация вступила в принципиально новую стадию развития – информационную. Информатизацию общества принято связывать с тремя основными аспектами развития: ускоренным накоплением информации, созданием новых

Примечания

- 1 См. об этом: Новикова С.С. Социология: история, основы, институционализация в России. М., 2000. Гл. 1.
- 2 См.: Рывкина Р.В. Социология села // Социология в России. 2-е изд. М., 1998. С. 160 и след.
- 3 Великий П.П. Российская аграрная социология: этапы, имена, идеи // Социс. 2008. № 7. С. 106–107.

технологий и развитием средств информации и вычислительной техники, инновации на уровне общества и личности. Анализ этих составляющих информатизации показывает, что эффективно развивающееся государство вкладывает средства в образование, стремится к максимальному развитию и использованию человеческого потенциала. Современное общество нуждается в человеке, обладающем знаниями, подготовленном к жизни, ориентирующемся в социокультурном пространстве и способном понять и определить свое место в мире. Антропологические основания образования в современном мире состоят в том, что акцент смещается с «человека знающего» на «человека, подготовленного к жизни». В условиях глобализации социальные процессы становятся все более взаимозависимы и универсальны. Так, по мнению В. И. Добренькова, глобализация выступает как многоуровневая и многосторонняя система различных интеграционных проявлений, таких как глобальная коммуникация, экономика, политика, культура, наука, язык, образ жизни².

В 90-х гг. XX в. наиболее передовые в технико-технологическом отношении страны мира взяли курс на обеспечение высокого образования практически всем молодым людям, окончившим среднюю школу. В принятых пакетах документов по правам человека образование рассматривается как одно из неотъемлемых прав, получение которого гарантируется в первую очередь правовыми и социокультурными институтами общества, а не уровнем благосостояния семьи. В этот период ведущие страны мира вступили на путь реформирования своих образовательных систем. Общая тенденция – придание образованию свойств открытости. Широкомасштабные изменения происходят в Европе, где в сфере образования рушатся государственные границы и формируется общеевропейская интегральная система образования.

Этот процесс получил отражение в ряде документов. Например, Маастрихтский договор, действующий с ноября 1993 г., установил, что европейское сообщество намерено развивать «европейское измерение в образовании», которое ставит своей целью формирование гражданина и профессионала европейского типа: человека, исповедующего терпимость, плюрализм. Практически с момента опубликования Декларации Болонский процесс оказывал значительное влияние на направление проводимых в российском образовании реформ.

Одним из важнейших глобализационных процессов является вхождение России в общеевропейское образовательное пространство. В сентябре 2003 г. Россия официально закрепила свое участие в Болонском процессе. Для России это означает, что она обязуется до 2010 г. воплотить в жизнь основные принципы Болонского процесса.

Болонский процесс можно представить в трех ипостасях. Во-первых, это процесс, начало которому было положено подписанием министрами образования ряда европейских государств декларации по интеграции европейских университетов, по созданию архитектуры университетского образования. Официальное начало и место старта данного процесса – 1998 г., Сорбонна. Во-вторых, Болонский процесс имеет гораздо более длительную историю – почти восемьсот пятьдесят лет. 1158 г. признан годом основания Болонского университета. Именно тогда было положено начало университетскому образованию. Этот процесс универсализации человеческой культуры, всей цивилизации продолжается и приобретает на каждом витке человеческой истории новые очертания. В-третьих, Болонский процесс уже стал идеологемой, парадигмой, предметом дискуссий не только о тенденциях развития и интеграции образования, но и об особом видении процессов глобализации³.

Болонский процесс – многоплановое явление. Частое употребление этого термина со временем может сделать восприятие стоящих за ним событий обыденным и упрощенным. Уже сейчас нередко бытует представление о том, что «присоединение» к этому процессу нашей страны чуть ли не автоматически сделает «европейским» наше образование. Однако ни членство, ни формальный акт «присоединения» ничего сами по себе не решают и не меняют. Болонский процесс для России – это возможность осмыслить и предпринять попытку сделать национальную систему высшего образования соответствующей новому облику нашего общества. Принято думать, что даже в стационарном состоянии общества обновление высшего образования должно происходить через 25–30 лет. Международная практика подобного реформирования предполагает, что обновление должно быть сконцентрировано на модерниза-

ции содержания, структуры образования, его технологии и ресурсного обеспечения.

Присоединение России осенью 2003 г. к Болонскому процессу делает необходимым и дает возможность сделать реформу отечественного образования последовательной и содержательной. Вместе с тем опыт участия в проведении «болонских» реформ в России показывает, что существуют две крайние точки зрения по данному вопросу. Согласно первой точке зрения, российское высшее образование лучшее в мире, любые серьезные реформы имеют целью «развалить» его и важно сохранить его в как можно большей неприкосновенности. Сторонники второй точки зрения предполагают, что наше высшее образование подлежит тотальному реформированию. Однако существует и «мягкий» путь болонских реформ, представленный ограничением радикальных реформ по всем направлениям, если таковые действительно требуются, прагматической задачи обеспечения соответствия российских вузов гармонизированной архитектуре европейского высшего образования.

В самых общих чертах, благодаря болонским нововведениям, российское образование станет адекватнее реальным вызовам глобализации. Вместе с остальными европейскими странами Россия будет полноправно участвовать в создании транснациональной европейской системы образования. Появится возможность поновому решить общие вопросы о роли и месте высшего образования в современном обществе, о его рациональных масштабах, о желательной пропорции граждан с высшим образованием в населении страны, о реальных потребностях общества в выпускниках вузов с дипломами бакалавра и магистра.

При введении многоуровневого высшего образования в России первый его цикл будет удовлетворять массовый социальный спрос на высшее образование, а второй – способствовать формированию профессиональной элиты и научно-образовательных кадров высшего уровня. Такая система высшего образования более всего отвечает потребностям рыночной экономики, в которой рынок труда предъявляет особые требования к гибкости рабочей силы. Необходимо гибкое сочетание и сближение процессов обучения и работы, повышение мобильности рабочей силы, гибкие подходы к продолжительности и сочетанию рабочего времени и времени обучения, формам обучения и занятости.

Еще одним аргументом в пользу многоуровневой системы образования в России станет возросшая привлекательность его для работодателей, а значит и готовность материально поддержать профессиональную подготовку. Сегодня многие программы профессионального обучения находятся вне системы высшего образования, хотя могли бы быть его наиболее востребованными программами⁴.

Высшее образование в России станет более мобильным, поскольку степень бакалавра – это по-своему самодостаточный диплом. Для определенного сегмента российских студентов по их желанию срок получения высшего образования сократится до трех-четырех лет. Выпускники-бакалавры станут быстрее включаться в активную жизнь, в российскую экономику.

Немаловажный аспект, выделяемый во многих документах международного масштаба, связан с обеспечением трудоустройства выпускников. Все академические степени и другие квалификации должны быть востребованы европейским рынком труда, а профессиональное признание квалификации должно быть облегчено. Многоступенчатая система высшего образования только тогда имеет смысл, когда выпускники любой ступени пользуются полноценным спросом у работодателей.

Одной из проблем в окончательном освоении многоступенчатой системы подготовки специалистов в России является поиск и принятие соответствующих решений относительно признания квалификации бакалавра на рынке труда. Тем не менее положительные сдвиги в этом направлении имеются, в частности, в плане принятия ряда законодательных инициатив. Так, существует приказ Министерства Российской Федерации по налогам и сборам «Об утверждении квалификационных требований по государственным должностям федеральной государственной службы в территориальных органах». В документе дан перечень должностей по Министерству, которые может занимать выпускник с квалификацией «бакалавр», причем в документе подразумевается, что это квалификация высшего профессионального образования.

Результаты экспериментального исследования востребованности специалистов с квалификацией «бакалавр» на рынке труда, проведенного среди магистрантов Тульского государственного университета, показали, что для 33% опрошенных при трудоустройстве имел значение диплом бакалавра, и они были приняты как специалисты с высшим образованием. Место работы некоторых респондентов не связано с будущей специальностью, они рассматривают этот вид деятельности как временную подработку для улучшения своего материального положения. Среди тех, кто работает по профилю будущей специальности (но их пока не считают специалистами с высшим образованием), практически все подчеркнули, что имеют перспективу остаться в этой организации после окончания обучения и получения диплома магистра. При этом подразумевается продвижение по службе и увеличение заработной платы. Другими словами, в этом случае можно говорить о косвенном признании квалификации «бакалавр» на рынке труда⁵.

На основании анкетного опроса, проанализированных нормативных документов, отече-

ственных публикаций можно сделать вывод, что квалификация «бакалавр» постепенно, зачастую с оговорками, но все же признается на рынке труда России как квалификация специалиста с высшим образованием.

Таким образом, важнейшим элементом комплексного реформирования высшего профессионального образования является переход на многоуровневую систему обучения. Очень важную роль в снижении негативных последствий структурных несоответствий спроса на рабочую силу и профессиональных предпочтений будущих студентов должны играть системы профессионального отбора и профессионально-ценностных ориентации для выпускников средних образовательных школ. Именно в этот период можно сформировать мотивацию молодого человека на получение такой профессии, которая бы отвечала его способностям и возможностям, не входя при этом в противоречие с потребностями рынка труда.

Рынок труда нуждается в новом типе специалистов, способных работать на новых местах, которые появляются в современной экономике, особенно в сфере услуг, где на первый план выходит коммуникативная компетентность человека. Именно традиционная фундаментальность российского образования позволяет развивать те качества, которые так важны современному работодателю: кругозор, способность мыслить творчески и аналитически и т.д. В то же время необходима подготовка студентов к реалиям современного рынка труда: обучение их методам поиска работы (в том числе, и в виде отдельных учебных курсов); правилам поведения в деловой среде; привитие навыков публичной презентации себя и результатов своего труда; воспитание коммуникативных навыков; формирование навыков командной и проектной работы.

В настоящее время перед Россией стоит задача формирования системы образования, которая воспроизводила бы культурный и интеллектуальный потенциал, способный вывести общество из кризиса и придать ему необходимый запас прочности для вхождения в общемировое пространство, в том числе и образовательное. Участие России в Болонском процессе оценивать можно по-разному. Положительной стороной этого процесса в России является интеграция образования, что упростит международные взаимодействия в системе образования, будет положительно влиять на развитие мирового рынка труда. Негативные стороны рассматриваемых инноваций состоят в том, что происходит ломка сложившейся, традиционной системы российского образования. Россия оказалась в условиях выбора новых социально-образовательных ценностей и установок, а это сложный, противоречивый процесс. В России накоплен мощный образовательный потенциал, сложились собственные, достаточно эффективные традиции в подготовке профес-

сиональных кадров, в воспитании и культурно-образовательном развитии населения. Поэтому перед высшей школой и российским образованием в целом стоит чрезвычайно сложная задача сохранения накопленного опыта и определения своего достойного места в системе мировых образовательных образцов.

В заключение можно отметить, что процесс глобализации необратим, и Россия неизбежно должна интегрировать в мировое образовательное пространство. Диалектический принцип, который здесь важно реализовать, состоит в том, что отрицание старого новым необходимо осуществить не через уничтожение, как это нередко бывало в России, а через преемственность.

Примечания

¹ См.: Социологическая энциклопедия / Науч. ред. В. Н. Иванов и др.: В 2 т. М., 2003. Т. 1. С. 212.

- ² См.: Добренков В. И. Вызовы глобализации и перспективы человечества // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Социология. 2004. № 4. С. 3–21.
- ³ См.: Акулич М. М. Образование в условиях глобализации // Глобализация и университет. 2005. № 3. С. 51; Кочетков В. В. Глобализация в образовании: информационная война и промывание мозгов» или доступ к мировым знаниям и благам цивилизации? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Социология. 2005. № 1. С. 144–158.
- ⁴ См.: Добрынин М. А. Болонская декларация как фактор формирования европейского образовательного пространства // Педагогика. 2006. № 9; Сенашенко В., Ткач Т. Болонский процесс: о сопоставимости квалификации // Высшее образование в России. 2003. № 3. С. 25–34; Нечаев В. Я. Параметры глобализации и факторы Болонского процесса // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Социология. 2004. № 4. С. 27–34.
- ⁵ См.: Иванова В. И. Болонский процесс и российское высшее образование // Педагогика. 2006. № 1. С. 103–105.

УДК 378.4 (470+571)

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

О. Г. Петрович

Саратовский государственный университет,
кафедра социологии регионов
E-mail: Petrovich-Olga-G@yandex.ru

В статье рассматриваются основные подходы к определению глобализации образования: процессы интернационализации, интеграции, информатизации и вестернизации, а также краткий анализ их необходимости, реализации и эффективности в условиях постепенной глобализации системы российского высшего образования.

Ключевые слова: глобализация, образование, процесс

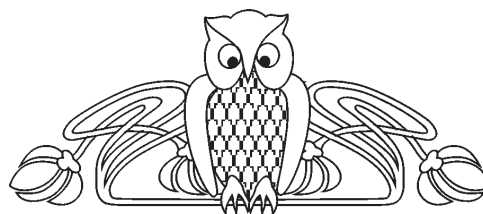
Globalization of the Russian System of Higher Education: Main Directions

O.G. Petrovich

The paper analyzes various ways of definition what globalization of education is – internationalization, integration, informatization or westernization. Moreover it briefly analyzes necessity, implementation and efficiency of these processes in conditions of gradual globalization of Russian system of higher education.

Key words: globalization, education, processes.

В современной научной литературе тема глобализации в последние годы поднимается все чаще и чаще. Актуальность этого вопроса возросла настолько, что ему уделяется много внимания во всех сферах, так как глобализация коснулась большинства самых важных направлений деятельности че-

ловека. Исследования влияния и последствий этого процесса ведутся главным образом в сфере политики и экономики, но не менее значимы, интересны и злободневны эти исследования и в сфере высшего образования, которое претерпевает в последние десятилетия значительные системные изменения. У большинства ученых, занимающихся разработкой вопроса о последствиях глобализации для российской высшей школы, основным является мнение о пагубном влиянии этого процесса на будущее отечественной системы высшего образования. Однако существуют также мнения, что лучшим и естественным выходом для России является как раз принятие этого процесса как данности и подстраивание под него, так как в противном случае наша страна потеряет последние шансы на вхождение на паритетных началах в число высокоразвитых стран. Так есть ли единственно верное мнение по этому вопросу или все исследователи по-своему правы? Прежде чем анализировать этот вопрос, стоит определиться, что же такое глобализация образования.

Четкого определения понятия «глобализация образования» в научной литературе пока не существует, как не существует и единого признанного определения самой глобализации, поскольку этот процесс еще достаточно молод. По словам Генерального секретаря ООН, глобализация является общим термином, обозначающим все более сложный комплекс трансграничных

сиональных кадров, в воспитании и культурно-образовательном развитии населения. Поэтому перед высшей школой и российским образованием в целом стоит чрезвычайно сложная задача сохранения накопленного опыта и определения своего достойного места в системе мировых образовательных образцов.

В заключение можно отметить, что процесс глобализации необратим, и Россия неизбежно должна интегрировать в мировое образовательное пространство. Диалектический принцип, который здесь важно реализовать, состоит в том, что отрицание старого новым необходимо осуществить не через уничтожение, как это нередко бывало в России, а через преемственность.

Примечания

¹ См.: Социологическая энциклопедия / Науч. ред. В. Н. Иванов и др.: В 2 т. М., 2003. Т. 1. С. 212.

- ² См.: Добренков В. И. Вызовы глобализации и перспективы человечества // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Социология. 2004. № 4. С. 3–21.
- ³ См.: Акулич М. М. Образование в условиях глобализации // Глобализация и университет. 2005. № 3. С. 51; Кочетков В. В. Глобализация в образовании: информационная война и промывание мозгов» или доступ к мировым знаниям и благам цивилизации? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Социология. 2005. № 1. С. 144–158.
- ⁴ См.: Добрынин М. А. Болонская декларация как фактор формирования европейского образовательного пространства // Педагогика. 2006. № 9; Сенашенко В., Ткач Т. Болонский процесс: о сопоставимости квалификации // Высшее образование в России. 2003. № 3. С. 25–34; Нечаев В. Я. Параметры глобализации и факторы Болонского процесса // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Социология. 2004. № 4. С. 27–34.
- ⁵ См.: Иванова В. И. Болонский процесс и российское высшее образование // Педагогика. 2006. № 1. С. 103–105.

УДК 378.4 (470+571)

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

О. Г. Петрович

Саратовский государственный университет,
кафедра социологии регионов
E-mail: Petrovich-Olga-G@yandex.ru

В статье рассматриваются основные подходы к определению глобализации образования: процессы интернационализации, интеграции, информатизации и вестернизации, а также краткий анализ их необходимости, реализации и эффективности в условиях постепенной глобализации системы российского высшего образования.

Ключевые слова: глобализация, образование, процесс

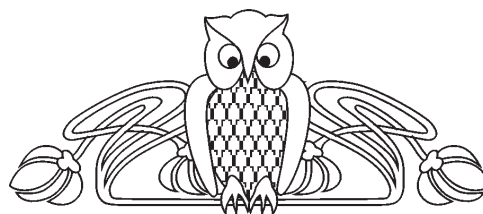
Globalization of the Russian System of Higher Education: Main Directions

O.G. Petrovich

The paper analyzes various ways of definition what globalization of education is – internationalization, integration, informatization or westernization. Moreover it briefly analyzes necessity, implementation and efficiency of these processes in conditions of gradual globalization of Russian system of higher education.

Key words: globalization, education, processes.

В современной научной литературе тема глобализации в последние годы поднимается все чаще и чаще. Актуальность этого вопроса возросла настолько, что ему уделяется много внимания во всех сферах, так как глобализация коснулась большинства самых важных направлений деятельности че-

ловека. Исследования влияния и последствий этого процесса ведутся главным образом в сфере политики и экономики, но не менее значимы, интересны и злободневны эти исследования и в сфере высшего образования, которое претерпевает в последние десятилетия значительные системные изменения. У большинства ученых, занимающихся разработкой вопроса о последствиях глобализации для российской высшей школы, основным является мнение о пагубном влиянии этого процесса на будущее отечественной системы высшего образования. Однако существуют также мнения, что лучшим и естественным выходом для России является как раз принятие этого процесса как данности и подстраивание под него, так как в противном случае наша страна потеряет последние шансы на вхождение на паритетных началах в число высокоразвитых стран. Так есть ли единственно верное мнение по этому вопросу или все исследователи по-своему правы? Прежде чем анализировать этот вопрос, стоит определиться, что же такое глобализация образования.

Четкого определения понятия «глобализация образования» в научной литературе пока не существует, как не существует и единого признанного определения самой глобализации, поскольку этот процесс еще достаточно молод. По словам Генерального секретаря ООН, глобализация является общим термином, обозначающим все более сложный комплекс трансграничных

взаимодействий не только между физическими лицами, предприятиями, институтами и рынками, но и между государствами¹. Это, пожалуй, единственное определение понятия глобализации, но оно очень обобщенное, и для каждой сферы и науки, скорее всего, будет предложено свое понимание данного термина, но пока никто из исследователей не берется его полностью раскрыть, так как это не материальный объект, а некий эфемерный идеальный процесс, который не имеет четких границ, правил, сфер деятельности и прочих признаков, по которым можно бы было его распознавать и классифицировать. Несмотря на это, попытки расшифровки глобализации как таковой и глобализации образования, что нас как раз и интересует, все-таки есть.

В научной литературе существует несколько подходов к раскрытию понятия процесса глобализации образования – это интернационализация, интеграция, информатизация и вестернизация. Следует сразу оговориться, что это не синонимы процесса глобализации, а, скорее, аспекты, из которых состоит этот процесс или аспекты, которые прикрываются этим определением. Ни одним из вышеперечисленных слов нельзя полностью и адекватно заменить словосочетание «глобализация образования», с их помощью совершается попытка более четкого, системного и, что немало важно, понятного описания этого процесса.

Понятие интернационализации высшего образования существует очень давно, практически с того момента, как стали открываться высшие учебные заведения в Европе и в европейских колониях. Необходимым условием существования процесса интернационализации является наличие национального государства², поскольку интернационализация предполагает коммуникацию и обмен знаниями и традициями именно с точки зрения различия народов, их культуры и подходов к образованию и науке. Процесс интернационализации высшей школы существовал и в Советском Союзе, который принимал иностранных студентов из дружеских стран. Нельзя забывать и то, что в рамках СССР абитуриенты могли достаточно свободно перемещаться из одной союзной республики в другую и получать образование в том университете, в котором они считали нужным.

С распадом Советского Союза процесс интернационализации отечественного образования несколько приостановился, поскольку государство на некоторое время ушло не только из мировой политической борьбы, в которой привлечение иностранных студентов и, как следствие, создание благоприятного образа страны в глазах иностранцев являлось одним из самых важных аспектов, но и отстранилось от государственного регулирования национального высшего образования. Это позже и явилось одной из причин возобновления процесса интернационализации, когда управляющие университетами поняли, что они сами должны налаживать отношения с другими

университетами, так как это и поднимает престиж высшего учебного заведения, и позволяет ему участвовать в важных международных конференциях и в международном обмене знаниями и научными исследованиями, что всегда являлось жизненно необходимым для любого университета высокого уровня. Кроме того, возросший престиж высшего учебного заведения привлекает к себе не только абитуриентов своей страны, но и иностранных студентов, что также несет в себе повышение престижа вуза и заметные финансовые поступления, что сейчас очень важно для любого российского университета. В современных условиях все большего проникновения рынка в систему высшего образования интернационализация является одним из важных факторов, по которым потенциальные студенты выбирают место учебы. Стажировка за рубежом несет в себе не только обмен знаниями с коллегами из других стран, но и параллельное изучение иностранного языка, что в наше время является крайне важным для любого профессионала.

Таким образом, интернационализация высшего образования – процесс хоть и не новый, но и не потерявший своей необходимости и актуальности. Он помогает современным университетам войти в мировое университетское образовательное пространство и активно развиваться в его рамках. Это позволяет высшим учебным заведениям более динамично развиваться, так как они могут воспринимать знания развитых университетов и таким образом не только не отставать от них, но и догонять, а через какое-то время опережать их по своему развитию. Даже если глобализация и не является высшей формой интернационализации, то последняя просто необходима для ее развития и становления. Хотя эти два процесса, по сути, не совпадают и в некоторых аспектах даже противостоят друг другу³, без интернационализации образования глобализация была бы невозможна, поскольку это два взаимосвязанных процесса.

Следующим аспектом глобализации и в то же время последствием интернационализации является интеграция образовательных сфер различных стран. Интеграция – это более глубокий процесс, чем интернационализация, так как в его рамках происходит не просто сотрудничество и обмен знаниями, а углубление и развитие академических связей, как правило, на государственном уровне и доведение их до уровня интеграции национальных систем образования. Если интернационализация может осуществляться самим университетом и участие государства не требуется, то при интеграции взаимодействия в образовательной сфере переходят на более высокий уровень. Хотя при этом и остается возможность для университетов самим осуществлять интеграционные процессы. Так, в рамках интеграции можно не только участвовать в грантах и международных проектах, но и, например, создавать объединенные диссертационные советы, объединенные университеты

в рамках национальных университетов и так далее. Эта тенденция имеет намного меньшее распространение в России. Как правило, этим могут похвастаться только столичные вузы и то далеко не все⁴, так как подобные интеграционные формы требуют, во-первых, больших финансовых затрат и, во-вторых, больших усилий по созданию подобных объединений, координации их работы, контролю обеих сторон и так далее. Для большинства университетов России это все еще дело очень далекого будущего, так как государство, которое могло бы помочь в решении финансовых проблем, постепенно уходит из сферы образования.

Тем не менее государство участвует в интеграции образовательных систем путем принятия общеевропейских и общемировых принципов построения системы высшего образования, подписав Болонское соглашение и пытаясь вступить в ВТО. На государственном уровне осуществление этого аспекта глобализации выглядит намного более близким к стандарту процесса интеграции. То есть благодаря вхождению в этот процесс, характерным становится согласование международной политики в сфере образования, сближение, взаимодополняемость и взаимозависимость национальных образовательных систем, «синхронизация действий, достигаемая на основе регулирования их наднациональными институтами, постепенное перерастание национальными образовательными системами своих государственных рамок и зарождение тенденций к формированию единого образовательного пространства как наиболее эффективной формы реализации задач будущего»⁵.

Обобщая, можно отметить, что интеграция является одним из самых близких к глобализации понятий, если исходить из их характеристик. И тем не менее интеграция и глобализация все-таки не считаются абсолютными синонимами, тем более если рассматривать интеграцию как более высокий уровень интернационализации, поскольку, как мы выяснили, у интернационализации и глобализации много существенных различий, вследствие чего глобализация не считается последствием интернационализации. Интеграционные процессы в высшем образовании крайне важны, особенно на государственном уровне, поскольку университетам в одиночку достаточно трудно переходить на более высокие уровни взаимодействия с другими образовательными системами.

Информатизация, пожалуй, самый общепризнанный и объективный процесс, происходящий в рамках всеобщей глобализации. Более того, развитие средств коммуникации и информационное обеспечение – это те сферы, в которых развитые страны достигли большого прогресса. Информационная революция поставила перед людьми необходимость совершенствования форм трансляции знаний, поскольку в условиях информационного общества главным является знание. На каком уровне будет находиться информатиза-

ция общества, на таком уровне будет находиться и вся страна. В современных условиях главной задачей образования является применение новых информационных технологий распространения знаний, в связи с чем получило распространение дистанционное образование, являющееся неотъемлемой частью процесса глобализации наряду с возрастанием академической мобильности и унификации учебных систем и планов.

Информатизация образования должна способствовать ликвидации отставания стран, так как знания и образование становятся легко доступны. На деле и в России, и в других странах декларируемая информатизация пока не привела к высоким результатам, поскольку сам уровень информатизации достаточно низок, а кроме того, большинство людей не пользуется имеющимися ресурсами, так как никто не научил их, как это делать. Интернетом как основным источником информации в свободном доступе пользуются далеко не все, а в основном молодые люди, более того, молодые люди, которые имеют к нему доступ⁶.

Несмотря на все государственные программы в сфере информатизации образования, которые пытается реализовать наше государство, на достойном уровне они начнут функционировать еще не скоро. Это объясняется не столько отсутствием материальной базы и финансовыми трудностями, сколько тем, что люди должны привыкнуть к мысли, что в информационном обществе процесс образования длится всю жизнь и самым важным является самообразование, для чего и должна быть развита сеть со свободным доступом к знаниям. Если этого не произойдет, то сфера информатизации станет еще одним аспектом расслоения не только общества внутри страны, но и отдаления нашего государства от возможности конкурировать на международном уровне и, как следствие, перехода его в разряд развивающихся стран.

Информатизация на данный момент самая динамично развивающаяся сфера глобализации. Нашей стране нужно как можно больше внимания уделять этому вопросу. Особенно много внимания требует периферия, поскольку высокоразвитые центральные территории часто сами в состоянии обеспечить себе достойный уровень информатизации. Нельзя забывать, что скорость и массивность глобализации напрямую зависит от скорости информационного обмена.

И последний, пожалуй, самый радикальный подход к понятию глобализации – это подмена понятия и процесса вестернизации понятием глобализации. Исследователи, которые настаивают на подобной трактовке этих понятий, доказывают свою правоту тем, что, как уже отмечалось выше, у термина «глобализация» нет четкого определения. По их мнению, эта подмена также произошла как раз из-за того, что непонятное до конца слово «глобализация» имеет некое магическое значение и с его помощью объясняют все процессы и изменения, которые происходят в современном мире.

Абсолютизация этого понятия привела к тому, что исследователи стали меньше внимания обращать на причины и источники всех трансформаций современного мира, которые можно более легко и просто объяснить, если не подстраивать их под процесс глобализации. По мнению ученых, современная глобализация есть не что иное, как «вестернизация», то есть экспансия «западной» модели общества и приспособление мира к потребностям этой модели⁷.

По большому счету отказать в определенной истине этому подходу нельзя, так как все исследователи глобализации мирового сообщества источником и основной глобализирующей силой считают страны Запада, то есть Европу и в меньшей степени Америку, развитые страны, которые активно осуществляют создание глобального государства и для которых глобализация как можно большего мирового пространства несет огромные преимущества и перспективы. С другой стороны, нельзя также забывать, что для всех остальных стран перспектива участия в процессе глобализации не является настолько же радужной, по крайней мере в ближайшие годы. Скорее, наоборот, всем остальным странам, в том числе и России, предстоит не очень большой выбор – или подчиненное положение, если принимаются условия глобализации-вестернизации, или определенная изоляция от развитых стран, если процесс глобализации-вестернизации не будет принят. А учитывая тот момент, что Россия не будет изолировать себя от европейских стран, а, наоборот, при помощи Болонского процесса хочет облегчить свое вхождение в общеевропейское образовательное пространство, некоторой вестернизации нам не избежать. Многие авторы, анализирующие глобализационные процессы в системе высшего образования нашей страны, не приветствуют эту тенденцию, хотя, как правило, и соглашаются, что это неизбежный процесс. Такое негативное отношение ко всем планируемым изменениям высшей школы, скорее всего, объясняется как раз тем, что под глобализацией большинство авторов понимают вестернизацию, что рассматривается ими как уничтожение национальной системы образования, которая общепризнанно является одной из самых эффективных. Если четко разграничить глобализацию и вестернизацию, то, возможно, исследователи намного более лояльно станут относиться именно к процессам глобализации – это и интернационализация, и информатизация, и интеграция и пр., так как это те процессы, против которых практически нет нареканий, скорее, даже наоборот, к ним постоянно побуждают все учебные заведения, не только высшие. С процессом вестернизации, конечно, все намного сложнее, но не стоит также забывать, что и Болонский процесс, и вхождение во Всемирную торговую организацию (вестернизирующие факторы) – это договорные процессы, и если российское руководство проведет пере-

говоры по этим соглашениям исходя в первую очередь из интересов страны и ее будущего, то присоединение к этим организациям не приведет к настолько фатальным последствиям, насколько это декларируется противниками глобализации российского высшего образования.

Подводя итог, нужно отметить, что исследователи глобализации образования далеко не всегда делают четкое разграничение между такими понятиями, как глобализация, интернационализация, интеграция, информатизация и вестернизация. Это оправдано тем, что все эти определения почти одинаково описывают один и тот же процесс, являясь разными аспектами одного и того же явления. Все они тесно связаны между собой и могут быть употреблены как синонимы в некоторых контекстах, но по существу нести различные значения и отношение исследователей к ним абсолютно разное. В условиях глобализации ни один из этих процессов не может быть расценен как основной, так как они все должны развиваться более менее органично. Конечно, для каждой страны существуют свои предпочтения среди этих процессов, причем они не всегда реализуются. Так, для России, да и для большинства других не западных стран, предпочтительно развитие интеграции, поскольку в ее рамках сохраняется национальная составляющая образования. Мировые тенденции не могут не влиять на те решения, которые принимаются в каждой стране, поэтому интеграция чаще всего переходит в глобализацию или даже вестернизацию. Несмотря на это, каждая страна должна продолжать отстаивать свою национальную идентичность сферы образования и интеллектуальную независимость, так как объединительные процессы в Европейском Союзе показывают, что сохранение национального сектора в образовании все равно возможно. К этому и должна стремиться Россия в условиях глобализации системы высшего образования.

Примечания

- ¹ См.: Карпенко М. П. Глобализация образования: возможности и перспективы. 22 декабря 2004 года. Персональная страница Карпенко Михаила Петровича // <http://viperson.ru/wind.php?ID=216088&soch=1>.
- ² См.: Скотт П. Глобализация и университет // *Alma mater*. 2000. № 4. С. 4.
- ³ Там же. С. 3.
- ⁴ См.: Карпенко М. П. Указ. соч.
- ⁵ Данильченко В. М. Проблема развития образования в России в контексте глобального образования // *Полемика*. 2002. № 13 // <http://www.irex.ru/press/pub/polemika/13/dan/>
- ⁶ См.: Ракитянский Н. М. Россия и вызовы глобализации // *Социс*. 2002. № 4. С. 61.
- ⁷ См.: Гранин Ю. Что такое «глобализация»? // *Высшее образование в России*. 2007. № 10. С. 116–117.

УДК 316.4.066 (355.01)

ОСНОВНЫЕ ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ И ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ АРМИИ

С.В. Бесараб

Вольское высшее военное училище тыла

E-mail: BegininalA@info.sgu.ru

В статье выявляются основные направления трансформации современной Российской армии, анализируются объективные (экономические, политические и социокультурные) факторы, детерминирующие этот процесс. Особый акцент делается на социальных проблемах, которые тормозят развитие военного потенциала современной России.

Ключевые слова: трансформация Российской армии, социальные факторы, профессионализация армии, реформа армии.

The Main Objective Factors and Problems of Modern Russian Army Transpormabion

S.V. Besarab

The article points out the main trends of modern Russian army transformation. The objective factors (economic, political and sociocultural) are analused. The social problems hindering the development of military potential of modern Russia are specifically seressed.

Key words: the Russian army transformation, social factors, the army professionalization, the army reformation,

Современное общество находится в состоянии трансформации от своей индустриальной стадии развития к построению качественно новой цивилизации, которая базируется на новейших технологиях, индустрии информации и услуг. Происходящие трансформационные процессы в обществе получают соответствующее преломление в таком важном институте обеспечения безопасности личности, гражданского общества, государства, как армия. Здесь мы также имеем два потока трансформации: глобальный, связанный с революцией в военном деле, которая проявляется в деятельности армий всех индустриально развитых стран¹, и локальный, который характеризуется особенностями трансформационных процессов, происходящих в каждой конкретной стране².

Сущность современной революции в военном деле проявляется в следующих аспектах: лидером военно-технического развития становится высокоточное оружие (ВТО); системообразующим элементом военно-технической системы являются средства управления; в качестве энергии, на использовании которой основано действие средств боевого поражения, выступают энергия химического взрыва и энергия радиоэлектронного излучения (СВЧ-оружие); появляются новые виды боевых действий – электронно-лучевой бой, роботизированный бой, радиоэлектронный удар;

ведущими боевыми характеристиками оружия выступают адресность и точность поражения; объектами поражения выступают центры политического, государственного управления, центры управления войсками, пусковые установки МБР, аэродромы, склады оружия, техногенные объекты; в качестве технических средств связи и управления выступают компьютеры четвертого-пятого поколений, системы искусственного интеллекта, информационные сети, космическая связь; ведущей военно-технологической парадигмой военного производства становятся гибкие информационные немеханические технологии; место лидирующих промышленных технологий смещается из военного производства в гражданское; ведущей функцией вооруженной борьбы становится боевое управление; базовыми направлениями технологической основы вооружений являются микроэлектроника, информатика, робототехника, биотехнологии и др.³.

Вместе с тем в армии, которая является неотъемлемым элементом российской государственности и общества, в ходе трансформационных процессов не обошлось и без возникновения, обострения ряда проблем. От их решения зависит обеспечение обороноспособности страны. Подрыв основ безопасности личности, гражданского общества, государства имеет более трагичные последствия для всех субъектов социальной действительности, чем нерешенные проблемы в некоторых других сферах социума.

Эффективное функционирование Российской армии в условиях современной трансформации сдерживает ряд факторов. Первый из них экономический. Мировой опыт свидетельствует, что каждое европейское государство, которое имеет регулярные вооруженные силы, выделяет на их содержание от 3 до 6% ВВП⁴. Например, Россия, по данным Лондонского института стратегических исследований, расходует 5,2%. Однако реальные расходы на армию за 10 лет уменьшились более чем в 20 раз⁵. Нет денег – нет возможности закупать современную военную технику, обеспечивать боевую подготовку на соответствующем уровне, достойно оплачивать воинский труд. По информации пресс-службы департамента Федеральной службы занятости населения, предстоящее в ближайшие годы сокращение в рядах Российской армии затронет не только самих военнослужащих,

но и их семьи, а также гражданский персонал, подлежащий увольнению. В то же время уровень трудоустройства бывших военнослужащих в целом составляет 46,3%, а уровень трудоустройства членов их семей – всего 12%⁶.

Армия, ее характер и боевая мощь находятся в прямой зависимости от политического строя в государстве⁷. Парадигма политического развития, официально провозглашенная в стране, должна соответствующим образом реализоваться во взаимодействии общества с армией. Прежде всего это создание действенного механизма гражданского контроля над армией, который так и не сложился до сих пор. Армия заинтересована в эффективной системе гражданского контроля, понимаемого в самом широком смысле, то есть не только как действия по констатации проблем, но и как система мер по их разрешению. Если парадигмой развития социума провозглашается демократия, то нужно формировать и соответствующий военно-демократический потенциал в системе военной мощи государства.

В условиях трансформации военного социума особое звучание приобретает социальный капитал. Ибо если дело защиты государства – дело всех граждан, то и в воинском коллективе должны быть представлены все социальные группы населения. Если же в результате социоструктурных изменений в армию приходят служить только отдельные группы населения, с соответствующим менталитетом, то армия начинает воспринимать этот этос, впитывать и ретранслировать его на всех своих членов. Более того, невключенность отдельных социальных групп в процесс защиты государства от эвентуального противника ведет к формированию у них соответствующего отношения к армии. Отвечая последовательно на вопросы: кто приходит служить в армию и кто уклоняется от службы в ней, какое место в социальной иерархии в обществе они занимают, каково влияние данной социальной общности на принятие политических

решений по вопросам обороноспособности, мы строим логическую цепочку, которая позволяет увидеть нам многие беды армии.

Например, проблемы неуставных отношений, которые, по мнению главного военного прокурора РФ Александра Савенкова, зарегистрированы в каждой 10-й войсковой части России, а в 90% российских частей «дедовщины» нет. Факты гибели военнослужащих прокурор объясняет различными правонарушениями, по каждому факту которых возбуждается уголовное дело, однако они не связаны с неуставными отношениями. По жалобам военнослужащих в 2002 г. проведено 43 тыс. прокурорских проверок, выявлено 80 тыс. нарушений, 7 тыс. незаконных приказов опротестовано. Уровень правонарушений в войсках в 2–2,5 раза ниже, чем в целом по стране. По его словам, за год только в Вооруженных силах РФ восстановлены нарушенные права более 150 тыс. военнослужащих⁸. Однако ответственный секретарь Союза комитетов солдатских матерей России Валентина Мельникова данные главного военного прокурора страны опровергла. По ее словам, основное количество преступлений остается скрытым прежде всего офицерами, поскольку они сами являются их участниками. Нет ни одной воинской части, в которой бы солдат так или иначе не ощутил на себе унижение или оскорбление⁹.

Проблема может иметь свое решение в профессионализации армии, в формировании более гомогенной социальной общности, в отличие от той, которая реально существует сегодня. Поэтому один из важнейших аспектов реформы армии – ее переход на контрактную основу (таблица). Однако, по данным военных социологов, которыми располагает Генштаб, денежное довольствие будущего профессионала, а также бытовые условия, которые предлагаются по условиям эксперимента, далеки от того, что желают для себя даже самые непритязательные.

Мнение населения об основных направлениях реформы армии

Мнение населения	1997	2000	2002	2003	2004	2005
Сохранить формирование армии за счет лиц, проходящих службу по призыву	33	34	27	23	23	39
Перейти к формированию армии на контрактных началах, а молодежь призывать только на курсы подготовки военного резерва (до 2003 г. и в 2005г. формулировка – перейти к формированию армии на контрактных началах, из тех, кто идет служить в армию за плату)	55	56	64	71	69	52
Затруднились ответить	12	10	9	6	8	9

Примечание. Сост. по: Армейские преобразования в отражении общественного мнения. ВЦИОМ // <http://www.tvzvezda.ru/?id=107360>.

Согласно данным, треть опрошенных заявила о том, что они, возможно, станут контрактниками, если им будут платить в месяц не менее 6–7 тыс. рублей, а две трети респондентов выставили еще большие материальные претензии, оценив буду-

щий ратный труд в 12–15 тыс. рублей. Однако, например, оклад рядового контрактника, набранного в Псковскую дивизию, с учетом министерской надбавки (1200 руб.) ежемесячно составляет лишь 4 тыс. руб. в месяц.

Поэтому не случайно в последнее время произошел резкий спад настроений в пользу ключевого звена военной реформы – контрактного принципа формирования профессиональной армии. В Москве (часть общероссийской выборки) за контрактную систему высказываются 54%, за призыв – 26% и затрудняются – 20%. Для сравнения: в апреле 2003 г. в отдельном московском опросе было получено 86% ответов за контракт, 9% – против и 5% – затруднились.

Уровень духовной культуры общества является основой для подготовки высококвалифицированных офицеров и высокопрофессиональных солдат и сержантов. Если образовательный уровень отдельных категорий населения падает, а эти социальные общности являются полем рекрутирования для армии, то и процесс обеспечения обороноспособности испытывает на себе эти негативные последствия. Снижение уровня образования общества¹⁰ соответствующим образом проявляет себя и в армейской среде. В настоящий момент особенно актуальными считаются проблемы в области организации профессионального обучения военных, увольняемых с правом на пенсионное обеспечение. Эта категория людей не может быть обучена за счет службы занятости. Между тем, по данным социологического опроса, в переподготовке нуждаются до 30% военных пенсионеров. Пока в центрах занятости им могут предложить только информацию и консультационную помощь.

Отсюда вытекает специфическое отношение населения к армии. По данным социологов¹¹, в настоящий момент 29,8% призывников полагают, что армейская служба – это бессмысленное и опасное занятие, которого следует избегать. Еще 31,2% думают, что служба – это их долг, но не видят в его исполнении ничего героического. И только 33,9% опрошенных считают, что каждый мужчина должен пройти армию, потому что это школа мужества и все такое. Родители относятся к армии прохладнее самих призывников: более 46% матерей послали бы своих детей на службу с ожиданием самого плохого, еще 35,8% – с крайним нежеланием, 10,6% – без особого желания. И только 3,2% с охотой отдали бы сыновей в армию. Столь негативное отношение к Вооруженным силам объясняется опасением родителей за жизнь призываемых в армию юношей, а также неуставными отношениями, о которых все чаще официально заявляется в прессе. Также люди считают, что Российская армия ни в коем случае не должна вмешиваться в политические конфликты и внутренние дела других государств, как можно скорее должна перейти на контрактную систему, к тому же не мешало бы улучшить условия жизни солдат.

В ходе опроса общественного мнения выяснилось, что большинство опрошенных (41%) нейтрально относятся к службе женщин в армии, 30% – положительно и 28% – отрицательно,

1% раждан вообще затруднились что-либо ответить. Респонденты, проживающие в сельской местности, чаще давали положительные оценки, нежели россияне из крупных мегаполисов (с населением свыше 1 млн) – 36% против 22%. Всего 29% респондентов женского пола положительно отнеслись к службе женщин в армии. Зато мужчины, согласившись с ними, оказалось больше – 32%. Большинство военнослужащих (47%) также дали положительную оценку, в то время как с ними согласились только 22% руководителей и 25% домохозяек.

Опрос показал, что только 38% населения России считает, что российские войска скорее готовы к обороне, чем не готовы. О том, что они скорее не способны к защите, чем способны, заявляют 30% опрошенных. Только 20% россиян считают, что Российские вооруженные силы, безусловно, готовы к обороне страны в случае военной угрозы. Отрицательную оценку подготовке наших войск дают 10% россиян, а 2% затрудняются с ответом. По мере повышения уровня дохода и образования респондентов снижается доля тех, кто уверены в безусловной готовности Вооруженных сил защитить страну. О готовности к защите страны Вооруженными силами чаще всего говорят безработные. «Оптимисты» чаще уверены в том, что Вооруженные силы нашей страны скорее готовы к обороне, а те, кто говорят о том, что армия, безусловно, не готова защищать свою страну, в большинстве случаев являются «пессимистами».

Респондентам был задан и другой вопрос: «В какой степени Вы доверяете или не доверяете Вооруженным силам?» Как показали результаты исследования, Российским вооруженным силам в той или иной степени доверяют 60% респондентов. В целом отказывают основной силовой структуре государства в доверии 38% опрошенных. Анализ полученных в ходе исследования данных показывает, что в наибольшей степени склонны доверять Вооруженным силам респонденты, проживающие в крупных городах, а в наименьшей – жители мегаполисов (от 1 млн жителей и выше). С ростом уровня образования респондентов прослеживается тенденция к уменьшению степени доверия Российским Вооруженным силам – уменьшение показателя «полностью доверяю» – при сохранении среднего уровня доверия в целом. В наибольшей степени склонны проявлять доверие Вооруженным силам безработные и военнослужащие, в наименьшей – предприниматели.

Преодоление этих и других проблем, которые уже себя проявили или еще являются латентными как для практиков, так и для исследователей, позволит решить трудности, связанные с надежным обеспечением обороноспособности страны в условиях системной трансформации социума.

Примечания

- ¹ См.: *Brzezinski Zb.* Between Two Ages. N.Y., 1970; *Williams M., Madden A.P.* Military Revolution // *Red Herring*. 2001. № 101. August.
- ² См.: *Иноземцев В.Л.* Постиндустриальный мир Даниела Белла // Белл Д. Грядущее постиндустриальное общества. Опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. М., 1999. С. IX–LXXXIV; *Touraine A.* La societe postindustrielle. P., 1969.
- ³ См.: *Требин М.* Постсоветский транзит закрытого общества: от милитаризованного – к полицейскому // Журналист. 2000. № 1–2.
- ⁴ См.: Переосмысливая грядущее. Крупнейшие американские ученые о современном развитии // *Мировая экономика и международные отношения*. 1998. № 11.
- ⁵ См.: *The Military Balance 1999–2000* / The Intern. Institute for Strategic Studies. L., 1999.; *Mangott G.* Russian Policies on Central and Eastern Europe: An Overview // *European Security*. 1999. Vol. 8, № 3.
- ⁶ См.: Армия как субъект общественного мнения // <http://www.kprf.ru/articles/7092.shtml>
- ⁷ См.: *Kubicek P.* Delegative Democracy in Russia and Ukraine // *Communist and Post. Communist Studies*. 1994. Vol. 27(4). P. 423–430.
- ⁸ См.: *Клепиков Д.В.* Дедовщина как социальный институт: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. СПб., 1997.
- ⁹ См.: Армия как субъект общественного мнения // <http://www.kprf.ru/articles/7092.shtml>
- ¹⁰ См.: *Жуков В.И.* Что такое ИРЧП? К вопросу о «человеческом потенциале» // *Социс*. 1996. № 4.
- ¹¹ См.: Армия как субъект общественного мнения // <http://www.kprf.ru/articles/7092.shtml>; Армейские преобразования в отражении общественного мнения. ВЦИОМ // <http://www.tvzvezda.ru>; *Евенко С.Л.* Уклонение от военной службы военнослужащих, проходящих военную службу по призыву в ВС РФ: состояние и пути минимизации: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2001.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 482–53

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МЕТАФОРА В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА: ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

С.Б. Козинец

Педагогический институт Саратовского государственного университета,
кафедра начального языкового и литературного образования
E-mail: kozinec74@mail.ru

В статье на основе анализа словарного материала рассматривается динамика словообразовательной метафоры с XI по XX в. Устанавливаются основные тенденции её развития: стремление к антропоцентризму, движение в сторону стилистически сниженных ресурсов языка, закрепление за словообразовательной метафорой функции характеристики.

Ключевые слова: словообразовательная метафора, диахрония, динамика, антропоцентризм.

Word-producing Metaphor in the History of the Russian Language: Dynamic Aspect

S.B. Kozinetz

Basing on the analysis of dictionary materials, the article looks into the dynamics of word-producing metaphor from XI to XX century, elucidating the main trends in its development: the trend for anthropocentrism, the evolution in the direction of low register, stabilization of characterization function.

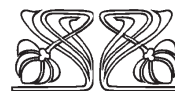
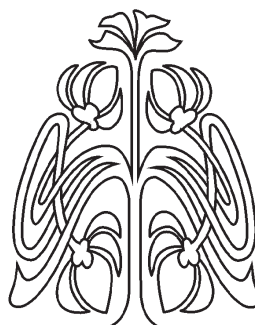
Key words: word-producing metaphor, diachronic, dynamics, anthropocentrism.

В настоящей статье ставится проблема изучения словообразовательной метафоры в диахронии, в частности, рассматривается динамика её развития в истории русского языка. К словообразовательным метафорам (далее: СМ) мы относим производные слова, которые связаны со своими производящими отношениями метафорической мотивации¹, т.е. семантика производящего подвергается в деривационном акте образному переосмыслению: *нога – подножие, пружина – пружинистый, чугун – чугунеть, ёж – ёжиться* и др.

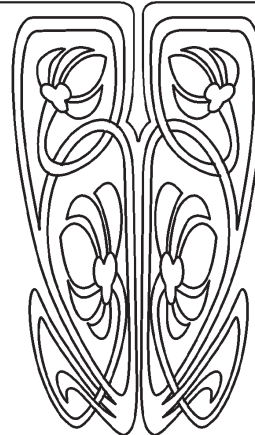
СМ, в отличие от лексической, не изучалась специально в историческом аспекте. Исследование лексической метафоры в диахронии было предпринято Л.В. Балашовой². Она установила, что «на всех этапах развития языка метафорическая система функционирует как динамическая система, обладающая достаточно четкой (хотя и вариативной, во многом потенциальной) структурой»³. Очень важную мысль о «динамичности» системы мы решили проверить на материале СМ. Таким образом, задачей нашего исследования было выявить основные закономерности формирования словообразовательной метафоры как особой подсистемы метафорической системы языка. Для этого необходимо было рассмотреть ее развитие в диахронии – с XI по XX в. включительно. Предварительный хронологический анализ СМ подсказал нам соответствующую периодизацию материала: 1) XI–XVII вв., 2) XVIII в., 3) XIX в., 4) XX в.

Древнерусский язык (XI–XVII вв.)

Строго говоря, указанный временной период включает два: древнерусский (XI–XIV вв.) и старорусский (XV–XVII вв.), однако наш

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

материал позволяет объединить их под одно общее наименование, поскольку характеризуется заметным единообразием в данный временной отрезок.

Древнерусский период характеризуется слабой активностью в образовании СМ: нами зафиксировано всего 77 производных.

Количественное соотношение слов разных частей речи примерно одинаковое.

Существительные: имена лиц: *белоручка, безсребрникъ, доухоборъць, кровопища, крохоборъ, наушникъ, отъщепеньць* и др.; наименования предметов: *сердечникъ, пожиткъ*; отвлеченные имена: *издержки, остроумие, отъщепенство, окаменение, раболепие, скотство*.

Прилагательные: обозначающие физические характеристики предмета: *едкий, приземистый, сухорукый*; обозначающие характер человека: *безмозглыи, безотвязныи, безчеловечныи, остроумныи, пронырливыйи, раболепныи*; характеризующие отвлеченный предмет: *безличныи, безоглядныи, неударжимыи, неуклонныи, сладкогласныи*.

Глаголы: глаголы уничтожения и траты: *издържати, ижитися, изгладитися, разъедати*; состояния: *възиграти, насладитися, одеревенети, оцепенети*; отношения: *избегати, обезславити, притесняти*; психического воздействия: *възкрилити, уести, усладити*.

СМ, образовавшиеся в древнерусский период, имеют следующие особенности.

Во-первых, в основном все они служат для характеристики человека, его внутренних качеств, особенностей поведения, состояния. Таким образом, уже в древнерусском языке словообразовательная метафора была противопоставлена лексической своим ярко выраженным антропоцентризмом: лексическая метафора активно развивалась и в сфере «вещного мира»⁴.

Антропоцентризм словообразовательной метафоры древнерусского периода проявлялся и в том, что в качестве производящих основ выступали в подавляющем большинстве слова, так или иначе связанные с человеком: наименования лица и соматизмы – *раб, человек; рука, голова, сердце, кровь, лицо, мозг*; слова, выражающие духовную сферу человека: *ум, дух, слава*; прилагательные восприятия: *сладкий, острый, тесный, глухой, черный*; глаголы бытия, состояния, движения, деятельности – *жить, любить, ведать, есть, бегать, взойти, подвигаться, повернуть, нести, бороться, играть, проломить, отщеплять*.

Во-вторых, большая часть СМ относится к книжной лексике, в частности к церковнославянизмам, поскольку изначально появлялись в текстах богослужебных книг (Псалтырь, Апостол, Евангелие) и церковных песнопений (стихир, ирмосов) и молитв: *безсребрникъ, безчеловечие, доухоборъць, отщепеньць, сръдцеведъць, простосръдечие, раболепие, безоглядныи, безповоротныи, неударжимыи, скоротечныи, слад-*

когласныи, възиграти, възкрилити, избегати, обезславити, очеловечити, превзойти, притесняти, разъедати, усладити и др. Свою книжную окраску они сохранили и в настоящее время.

Уже в древнерусском языке намечается основная тенденция в развитии словообразовательных метафор: они создаются прежде для характеристики функции имен и предметов, т.е. обогащают экспрессивно-оценочную систему языка.

Русский язык XVIII века

В XVIII в. лексикон пополняется 130 словообразовательными метафорами. В отличие от древнерусского языка, СМ, появившиеся в русском языке в XVIII в., представляют собой довольно пеструю в семантическом и стилистическом плане группу слов.

Существительные продолжают пополняться наименованиями лица и отвлеченных предметов.

Наименования лица расширяются не только за счет слов чисто оценочного характера – *верхогляд, дармоед, хлебосол, головорез, недотрога, прихлебатель, зубоскал, нахлебник, захребетник, пустозвон*, они пополняются также наименованиями, обозначающими социальную функцию: *бумагомаратель, крючоктвор, рифмотворец, чернорабочий*.

Отвлеченные имена представляли в основном производные от уже существовавших или появившихся словообразовательных метафор, т.е. усложняли структуру словообразовательных гнезд: *бесчеловечность, буквальность, глубокомысле, дальновидность, двоедушие, закоренелость, легкомыслие, оцепенелость, хладнокровие, хлебосольство, чистосердечие, щекотливость, возрождение, остолбенение, оцепенение, перерождение, предвкушение, предначертание, притеснение, унижение, услаждение*.

Наименования конкретных предметов составляют незначительную часть всех субстантивных СМ: *глазунья, душегрейка, заваль, змеевик, сръдцевина*.

Большинство СМ-прилагательных, как и в древнерусском языке, обозначают характер человека, свойства природы, интеллектуальные способности: *воинствующий, глубокомысленный, дальновидный, двоедушный, двуличный, закоренелый, запальчивый, легкомысленный, невозмутимый, пустоголовый, разборчивый, упоенный, хлебосольный*.

Отдельную группу представляют СМ со значением физической характеристики лица – его внешности или физического состояния: *задеревенелый, лупоглазый, одеревенелый, остолбенелый, остроглазый, оцепенелый, смазливый, угловатый*.

Значительную часть составляют слова, описывающие отвлеченный предмет. Большинство из них так или иначе связаны с характеристикой

самого человека: *безотрывный, безудержный, буквальный, вопиющий, головоломный, неизбежный, неизгладимый, неискоренимый, предвзятый, усладительный, чистосердечный.*

Небольшим количеством слов представлена группа прилагательных, описывающих физические характеристики неодушевленного предмета: *заваливающий, змеистый, мешковатый, развалистый.*

Глагольные СМ пополняют разнообразные лексико-семантические группы, но все действия, процессы, ими обозначаемые, связаны с человеком: глаголы поведения: *бабничать, бычиться, горланить, горячиться, ершиться, зарпортоваться, обабиться, окрыситься, ребячиться, юлить*; состояния; изменения состояния: *взбелениться, возродиться, воодушевиться, ежить, остолбенеть, переродиться, стекленеть, цепенеть*; отношения: *взвесься, приструнить, втесаться, подсидеть, школить*; психического воздействия: *воодушевить, излять, измотать, обездушить, усладить*; физического воздействия: *вломить, изрешетить, накостьлять*; движения, перемещения: *вломиться, ворваться, колесить, заколесить, продираться, смахать, улизнуть.*

Появление многих СМ объясняется экстралингвистическими причинами. Они запечатлели важные моменты тех бурных социально-политических процессов, которые происходили в первой половине XVIII в., резко изменивших жизненный уклад российского общества.

Например, слова бумагомаратель 'писака', крючоктор 'чиновник, затягивающий и запутывающий судебные и административные дела' отражали новую складывающуюся систему управления государством – формирование огромного, разветвленного чиновничьего аппарата: «Кто пишет, не имевши дарований и способностей, составляющих хорошего писателя, тот не писатель, но бумагомаратель» (Н. Новиков); «Новый наш вице-губернатор был мужик глупый, надменный, без нравственности и просвещения, крючоктор во вкусе Сумарокова времени и самый низкий подьячий в нашем веке» (И. Долгоруков).

Именно в чиновничьей среде, все более набравшей силу, в это же время появилось слово **подсидеть** 'повредить кому-либо интригами и кознями, устроить неприятность'. Появлению этой СМ способствовало развитие нового значения у слова *место* 'должность, служба' (*вакантное место, быть при месте*), которое сохранило лексические валентности прямого значения: *занять место, быть на чьем-либо месте, вылететь с места* и др.

Исследователи отмечают, что «в прямой связи с петровскими реформами стоят глубокие перемены в области народного образования, просвещения, всей духовной и материальной культуры России – образа мыслей, круга ведущих идей, интересов, форм быта»⁵. Данный период характеризуется «ростом социального самосознания, фор-

мированием мировоззренческих и философских систем и вообще всех проявлений общественной мысли»⁶. Все это находило отражение в лексике, в том числе в словообразовательных метафорах, пополнявшихся словами социальной и духовно-нравственной сфер: *возродиться, воодушевиться, переродиться, воодушевить; глубокомысленный, дальновидный, закоренелый, неискоренимый, непреходящий; всеоружие, предназначение, притеснение, унижение, упадок, хищничество.*

Развитие словесного творчества привело к появлению массы поэтических метафор, употреблявшихся в «высоком штиле», многие из которых переключались затем в официально-деловой стиль; книжная окраска сохранилась у них и в настоящее время: *безудержный, двоедушный, красноречивый, неизбежный, неизгладимый, неискоренимый, непреходящий, сладкоречивый, упоенный, усладительный.* Книжная окраска сохранилась у этих слов и в настоящее время, а употребление некоторых производных (*сладкопение, сладкоречивый, упоенный, усладительный*) ограничено в основном поэтическими произведениями.

Состав производящих основ расширяется не только за счет слов различных частей речи, входящих в семантическую сферу «человек» (*баба, ребенок, горло, ухо, зубы, хребет, рот; резать, вздыхать, гулять, ломать, гладить, махать; пустой, золотой, красный* и др.), но и за счет слов других лексических объединений – «животные»: *бык, еж, ерш, змея, крыса* и «артефакты»: *колесо, костыль, крючок, мешок, мочало, решето, стекло, столб, струна, цепь.* Однако тематическая группа «артефакты» также входит, на наш взгляд, в семантическую сферу «человек», поэтому отражает антропоцентризм словообразовательной метафоры.

Подавляющее большинство словообразовательных метафор выполняют характеризующую функцию, выражая по преимуществу отрицательную оценку.

Значительные сдвиги наблюдаются в стилистической дифференциации СМ. Если в период XI – XVII вв. основная часть слов относилась к книжной лексике, то в XVIII в. ровно половина СМ (64 единицы) имеет стилистически сниженную окраску. Это отражало процесс «расширения границ русского литературного языка в сторону живой народной речи, смешения стилей и контекстов»⁷.

Русский язык XIX века

В XIX в. словообразовательная метафора продолжает расширять свои границы – в этот период образуется 147 производных с метафорической мотивацией.

Имена существительные продолжают пополняться наименованиями лиц. Они отражают различные стороны человеческой жизни: поведенческие характеристики: *ветрогонка, горлодер,*

губошлеп, пустоплёт; свойства характера: лоботряс, низкопоклонница, ротозейка, сладострастник, сладострастница, словоблуд, сорвиголова, тяжелодум, чистоплюй; социальные отношения: мироед, притеснительница; профессиональную деятельность: буквоед, рифмоплёт, стихоплёт, сладкопевец, чинодрал, шелкопер; социальный статус: оборванец, оторвиголова, перерожденец, перерожденка. Лексически разнообразны, имена лиц тем не менее образуют цельную смысловую группу, поскольку они содержат оценочную – во всех случаях отрицательную – характеристику именуемых объектов. Коннотативное оценочное значение превалирует над денотативным.

Отвлеченные имена, как и в XVIII в., в большинстве своем выступают в качестве синтаксических дериватов к уже существующим адъективным или глагольным наименованиям, т.е. не образуют новых смыслов, но усложняют словообразовательное гнездо: *буквоедство, дармоедство, захребетничество, нахлебничество, рифмоплетство, словоблудие, беспредметность, бессердечие, двуличность, машинальность, мешковатость, осовелость, прямодушие, ребячливость, тупоголовость, унижительность, обострение, перелицовка, подсидка, предпосылка, разбазаривание, развенчивание.*

Наименования предметов пополняются незначительным количеством слов: *волнолом, волнорез, громоотвод, крылатка, отрог, разлетайка, роговица.*

Адъективные СМ развиваются в рамках двух основных смысловых групп: характер человека, свойства натуры, интеллектуальные способности: *буквоедский, дармоедский, ершистый, захребетный, меднолобый, новоиспеченный, прижимистый, прямодушный, ребячливый, туполобый*; характеристика отвлеченного предмета: *беспредметный, внушительный, мимолетный, низкопробный, обостренный, пережиточный, прерывистый, сладкозвучный, унижительный, усадный.*

Несколькими примерами представлены прилагательные физического и психического состояния: *озадаченный, осовелый, мертвенный* и физической характеристики предмета: *пружинистый.*

Глагольные СМ продолжают заполнять смысловые группы глаголов поведения, проявления свойств характера: *выцыганить, гусарить, дармоедничать, двуличничать, двоедушничать, захребетничать, нахлебничать, прислужничать, прифрантиться, проворонить, риторствовать, сатанеть, сбытиться, смудрить, школьничать*; состояния, изменения состояния: *замудрить, мозговать, обездушеть, озадачиться, оскотиниться, поёжиться, советь*; отношения: *втрескаться, колтачить, миндальничать, озадачить, полаяться, собачиться, шерстить*; психического воздействия: *огорошить, принизить, прошколить, улащать*; физического воздействия: *звез-*

дануть, лапать, перелицевать, распатронить; движения, перемещения: *змеиться, поколесить, проколесить.*

Кроме этого СМ пополняют глаголы ЛСГ уничтожения, траты: *разбазарить, разбазариться, раскошелиться, ухлопать.*

В системе словообразовательных метафор XIX в. также можно отметить несколько слов, в которых отразились социально-политические, общественные процессы того времени. Отмена крепостного права и последующее за тем резкое расслоение крестьян на бедняков и кулаков вызвало к жизни производное мироед 'тот, кто живет чужим трудом, эксплуататор'. Метафорический образ основан на ассоциациях поедания одного существа другим (корень – *мир-* в данном случае имеет значение 'народ, люди'); производное, возможно, образовано по аналогии с существительным *людоед*. Слово *мироед* по происхождению является областным⁸, а одним из первых зафиксировал его и дал развернутое толкование М.Е. Салтыков-Щедрин в рассказе «Мироеды»: «*Мироед* – порождение новейших времен» (М. С.-Щедрин).

Укрепление чиновничьей власти, произвол и взяточничество, царившие в этой среде, отразились в слове чинодрал 'бюрократ, чиновник': «Оттого, что <...> какой-нибудь жалкий *чинодрал* из управы благочиния, муж беременной жены и отец девяти младенцев...» (А. Куприн). Внутренняя форма слова весьма прозрачна: в ней прочитываются ассоциации с фразеологизмом *драть три шкуры* 'беспощадно, жестоко эксплуатировать, притеснять кого-либо', а также с одним из значений глагола *драть* 'брать, назначать за что-либо непомерно высокую плату'.

Первая половина XIX в. озаменована расцветом русской словесности – литературы и журналистики. Как и в веке XVIII, большая часть писателей являлась графоманами или эпигонами; языковое сознание выразило это в словах-синонимах *стихоплёт* 'плохой, бездарный сочинитель стихов' и *рифмоплёт* 'то же, что стихоплет', а также в слове *шелкопер* 'бездарный, но много и легко пишущий писатель, журналист': «Художественные формы всегда останутся тождественными с формами действительности, так, как это было до сих пор, и не выдумать ничего лучшего целому легиону прометеев-эстетиков даже при помощи такого же легиона *рифмоплетов* и сказочников» (В. Майков); «А ведь он гений; по приговору газетчиков и *стихоплетов* – неизбежная судьба услужливой Европы» (Г. Данилевский); «Стало быть, для вас все равно, что какой-нибудь *шелкопер* осмелится выразиться обо мне, что я не имею достаточно энергии, что я человек несовременный» (М. С.-Щедрин). Т.е. словесный ряд, наметившийся в XVIII в/ (*рифмачество, рифмотворец, рифмосплетение*), продолжает пополняться.

Пополняется состав производящих основ, и прежде всего за счет слов семантической сферы

«человек» (*школьник, гусар, ритор, лоб, губа; есть, лизать, петь* и др.). Некоторые слова используются вторично (*голова, горло, рот, сладкий, пустой*) – для создания новых СМ (*головоломный, головорез, горлодер, губошлеп, пустоцвет; сладкозвучный, сладкопевный*). Другие семантические сферы менее активны в роли производящих, но и они вовлекаются в процесс формирования СМ – «животные»: *собака, сова, свинья, рог, шерсть*; «растения»: *горох, миндаль*; «артефакты»: *кошелек, пружина*.

Таким образом, словообразовательная метафора продолжает наметившуюся в древнерусский период тенденцию развития в рамках антропоморфных моделей.

Еще одна закономерность, характерная для динамики СМ, – движение в сторону стилистически сниженных ресурсов языка. Если в XVIII в. количество разговорно-просторечных слов составляло половину от всего массива, то в XIX в. это количество составляет 65% (96 стилистически сниженных слов).

Данная закономерность обусловлена как общей тенденцией «расширения границ <литературной речи> в сторону так называемых “простонародных диалектов”, в сторону живой народной речи»⁹, так и функциональными свойствами СМ – давать оценочную характеристику предметам и явлениям. При этом СМ выражают в основном отрицательную оценку предметов и явлений. Словообразовательных метафор, служащих для собственно номинативных целей, в данный период образовалось всего тринадцать: *волнолом, волнорез, громоотвод, крылатка, отрог, разлетайка, роговица, беспредметный, внушительный, пружинистый, змеиться, озадачить, раскрепостить*.

Русский язык XX века

В XX в. наблюдается количественный скачок СМ – появляется 299 слов.

В классе имен существительных количественные позиции продолжают сохранять имена лиц и абстрактные наименования: наименования лиц: *аллилуйщик, безотрывник, беспорточник, беспредметник, буквалист, книгоед, небокопнитель, очернитель, очковтиратель, подкаблучник, спиногрыз, тугодум, шкуродер*; отвлеченные имена: *автоматизм, аллилуйщина, безвкусие, бесхребетность, буквализм, живоглотство, мешочничество, надругательство, нервотрепка, пережиток, показуха, пустозвонство, сердцеество, схематизм, шкурничество, штукарство, штурмовщина*.

Наименования предметов, как всегда, немногочисленны: *авоська, забегаловка, лавинорез, небоскреб*.

Имена прилагательные пополняют в основном три семантические группы: характер человека, свойства натуры, интеллектуальные

способности: *барственный, безголосый, безликий, бесхребетный, боевитый, въедливый, лизоблюдский, прихлебательский, слабоголовый, шкурнический, языкастый*; социальная характеристика: *беспорточный, босяцкий, высокопоставленный*; характеристика отвлеченного предмета: *автоматичный, бесперебойный, беспочвенный, броский, драконовский, перерожденческий, потусторонний, почвеннический, схематичный, умопомрачительный, упаднический, штукарский*.

Глагольные СМ расширяют состав уже сформировавшихся групп: глаголы поведения, проявления свойств характера: *базарить, барствовать, бронзоветь, выкаблучиваться, вынюхивать, ишачить, мелочиться, набычиться, обайбачиться, раззвонить*; состояния, изменения состояния: *овецествиться, остекленеть, поершиться*; отношения: *бичевать, вуалировать, футболивать*; психического воздействия: *взвинтить, взгреть, песочить, раздраконить*; физического воздействия: *гробить, всадить, отметелить, раскоцегарить, угробить*; движения, перемещения: *вырваться, промаячить, проивырнуться, увистать*; а кроме того, пополняют новые ЛСГ – глаголы восприятия: *проморгать, проиляпить* и глаголы деятельности: *засобачить, молнирывать, расконсервировать, химичить, штурпорить*.

Среди СМ, отразивших советскую действительность (общественно-политические изменения, научный прогресс и т.п.), следует отметить слова *автоматизм, химичить, штурмовщина, подкаблучник, аллилуйщик*. Рассмотрим примеры.

Первая половина XX в. характеризовалась не только появлением всевозможных автоматических устройств, но и автоматизацией производственных процессов, поэтому производные автоматизм ‘механичность, бессознательность, произвольность действий, движений’ и автоматичный ‘характеризующийся автоматизмом’ продолжили ассоциативный ряд, начатый словами *машинальный, механичный*: «Утрачен был не только *автоматизм* суждений, но и *автоматизм* наблюдений» (В. Шаламов); «В эту минуту мы видим ее, – говорит дежурный врач, – она ходит бесшумно, движения ее *автоматичны*, руки висят вдоль несколько наклоненного туловища» (И. Мечников).

Возникшее в 30-е гг. существительное *штурмовщина* ‘поспешная работа с целью наверстать упущенное (как следствие плохой организации дела)’ с ярко выраженной идеологической оценкой, отражало изначную сторону одного из главных социалистических методов работы – ударничество, это как бы извращенная форма ударничества: «И потом, самое главное, поймут ли нас люди, поверят ли в необходимость *штурмовщины?*» (М. Григорьев).

В 70-е гг. появился глагол *химичить* ‘изобретать, придумывать’ и ‘хитрить, мошенничать,

плутовать¹⁰: «Контора действительно была законная, бюро путешествий, которых расплодилось, что абрикосов в урожайный год, и все *химичили* с визами» (Г. Маркосян-Каспер). Возникновению этих смыслов способствовало прежде всего все возрастающая популярность химии как науки и как отрасли промышленности. Значение 'мошенничать' поддерживается ассоциативным фоном, в частности, одним из жаргонных значений слова **химия** 'разновидность наказания за совершенное уголовное преступление в виде отбывания срока принудительных работ на стройках или вредных производствах'¹¹.

Существительное **подкаблучник** 'тот, кто находится в подчинении у жены' также являлось приметой общественных изменений: все более возрастающей значимости женщины в жизни общества, окончательное утверждение ее равноправия с мужчинами, которые «сдали» многие общественные, профессиональные и семейные позиции (женщина осваивает чисто мужские профессии, нередко становится основным кормильцем семьи): «Нередко ощущая такое противодействие, он поспешно ретировался, ибо по сути-то своей был *подкаблучником*» (А. Алексин). Безусловно, подобный тип мужчин существовал и прежде, но только с установлением гендерного равноправия он мог получить словесное выражение.

Значительно расширяется состав производящих основ, относящихся к различным семантическим сферам, основные из которых – на протяжении всей истории словообразовательной метафоры – «животные» (*ишак, пес, собака, байбак, дракон, морда*) и «артефакты» (*предмет, каблук, гроб, штопор*), но ведущей по-прежнему остается семантическая сфера «человек»: наименования лиц, соматизмы, действия, производимые человеком, продукты интеллектуального труда и т.п. (*барин, скулы, спина, голос, текст, схема, футбол, химия, бросать, швырнуть, греть, босой*).

Основной массив словообразовательных метафор, возникших в XX в., выполняют характеризующую функцию – оценочные коннотации превалируют над денотативным содержанием. Однако если в XVIII–XIX вв. оценка отражала общественное осуждение именуемого объекта, то в XX в., особенно в первой его половине, многие СМ имеют оценку не столько общественную, сколько политическую – об этом говорят прежде всего особенности словоупотребления: «Злопыхатели и *очернители*, советская литература как-нибудь и без них обойдется» (В. Некрасов); «...То это во всяком случае один из немногих *перешитков* демократии, которые еще остаются в Соединенных Штатах» (Л. Троицкий); «Вот это и есть враждебное, *перерожденческое* дело» (Г. Козинцев); «... Именно среди них тогда встречались *упадничество*, моральная распущенность» (А. Володин); «Но и там он упрямо требовал, чтобы ему доказали, какую прибыль получит государство от такой *штурмовщины*» (Д. Гранин).

Наметившаяся в XVIII в. и продолжившаяся в веке XIX тенденция к движению СМ в сторону стилистически сниженных пластов лексики наиболее полно проявила себя в двадцатом столетии, особенно во второй его половине: из всего массива производных с метафорической мотивацией 80% относятся к разговорно-просторечной лексике: *вполноги, вполуха, подкаблучник, выкаблучиваться, гробиться, занюханый, нервотрепка, отметелить, показуха, прошвырнуться, химичить* и др. Эта тенденция продолжается: словообразовательные метафоры все чаще выходят за рамки литературного употребления, широко распространяясь в жаргонах: *бортануть* 'с силой ударить, толкнуть, оттолкнуть', *вломить* 'избить кого-либо', *вольтанутый* 'душевнобольной', *керосинить* 'пить спиртное', *мозгодуй* 'лектор, агитатор', *матгальник* 'мегафон', *отмазать* 'оправдать кого-либо', *оттянуться* 'предаться наслаждению, активно, раскрепощено действуя', *отслюнявить* 'дать кому-либо какую-либо сумму' и др. – всего 57 слов¹². Некоторые слова фиксируются уже не только в специальных, но и в обычных толковых словарях, например, *бортануть, вломить, отмазать, прикид*¹³, что говорит об их широкой употребительности.

Безусловно, тенденция к снижению отражает общие речевые закономерности, наметившиеся еще в первой половине XX в., когда «в связи с процессом демократизации литературного языка лексика и фразеология внелитературная: просторечная, диалектная, профессиональная, жаргонная – входит в состав нормативной лексики и фразеологии»¹⁴. В последние десятилетия тенденция к «демократизации» продолжает усиливаться, что приводит к размыванию границ между стилистическими пластами литературного языка, а также литературного языка и жаргонов.

Анализ словообразовательной метафоры в исторической динамике выявил основные тенденции ее развития – стремление к антропоцентризму (это выразилось в том, что, во-первых, большинство СМ реализуются в метафорических моделях смыслового поля «человек», а во-вторых, в качестве производящих основ выступали в основном слова, так или иначе связанные с человеком); движение в сторону стилистически сниженных ресурсов языка; закрепление за СМ функции характеристики (чаще всего негативно оценочной) предметов и явлений (номинативная функция свойственна незначительному числу СМ), что служит обогащению экспрессивно-оценочной системы языка.

Таким образом, изучение СМ в диахронии подтверждает наше предположение о том, словообразовательная метафора развивалась в истории языка как особая, достаточно автономная подсистема лексико-словообразовательной системы языка.

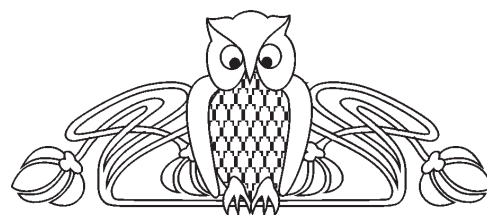
Примечания

- 1 См.: Лопатин В.В. Метафорическая мотивация в русском словообразовании // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1975. С. 53–57; Козинец С.Б. Словообразовательная метафора: пересечение лексической и словообразовательной систем // Филологические науки. 2007. № 2. С. 61–70.
- 2 См.: Балашова Л.В. Метафора в диахронии. Саратов, 1998. 216 с.
- 3 Там же. С. 195.
- 4 Там же.
- 5 Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка 18 в. Языковые константы и заимствования. Л., 1972. С. 31.
- 6 Там же. С. 37.

- 7 Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX в. М., 1982. С. 102.
- 8 Виноградов В.В. История слов. М., 1999. С. 838.
- 9 Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX в. М., 1982. С. 228–229.
- 10 Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / Под ред. Н.З. Котеловой. М., 1984. С. 762.
- 11 Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб., 2004. С. 674.
- 12 Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб., 2001.
- 13 Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2006.
- 14 Ковалевская Е.Г. История русского литературного языка. М., 1992. С. 281.

УДК 81–11: 008.001

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОНЦЕПТА «ДОМ» В КОНЦЕПТОСФЕРАХ А.П. ЧЕХОВА И ДЖЕЙМСА ДЖОЙСА (на материале малой прозы)

Ю.М. Фокина

Педагогический институт Саратовского государственного университета,
кафедра теории и истории языка
E-mail: english@pags.ru

Статья посвящена контрастивному исследованию художественного концепта «дом», репрезентированного в рассказах А.П. Чехова и Джеймса Джойса. Сравнительный анализ проводится автором на уровне структурной организации концепта.

Ключевые слова: художественный концепт, концептосфера, идиостиль, репрезентация, контрастивная поэтика.

Specific Representation of the Concept «House/Home» in A.P. Chekhov and James Joyce (Short Stories)

Yu.M. Fokina

The article deals with the comparative analysis of the concept *house/home* represented in short stories by A. Chekhov and James Joyce. The analysis is conducted on the level of concept structure.

Key words: concept in literature, conceptosphere, idiosyle, representation, poetics of contrast.

Художественный концепт «дом» занимает в индивидуально-авторских концептосферах А.П. Чехова и Джеймса Джойса особое место. События большинства чеховских рассказов и рассказов Джеймса Джойса, включенных в сборник «Дублинцы», разворачиваются в пространстве человеческого жилища. Будучи неотъемлемой составляющей жизни человека, дом может быть постоянным или временным, принадлежащим или

не принадлежащим герою, служебным, административным и т.д.

Именем концепта «дом» в прозе А.П. Чехова является лексема *дом* (с учетом падежных форм данная лексема встретилась 54 раза в четырнадцати выбранных нами произведениях, написанных в период с 1888 по 1902 г.¹). В «Дублинцах», куда входят 15 рассказов, концепт «дом» представлен, главным образом, двумя существующими в английском сознании как неразрывное единство лексемами – *house* и *home*, (*house* употребляется в тексте 29 раз, *home* – 11²).

В силу того что художественный концепт предстает единицей сознания писателя, которая «получает свою репрезентацию в художественном произведении или совокупности произведений и выражает *индивидуально-авторское* осмысление сущности предметов или явлений»³, репрезентация концепта в художественных текстах носит уникальный характер.

Для выявления особенностей вербализации художественного концепта «дом» в рассказах А.П. Чехова и Джеймса Джойса мы, вслед за И.А. Тарасовой, выделяем следующие актуализированные в концепте слои: понятийный, предметный, ассоциативный, образный, символический и ценностно-оценочный⁴.

В процессе реконструкции *понятийного* слоя концепта «дом» важно помнить о том, что художественное значение, непосредственно связанное с авторским замыслом, характеризуется большей

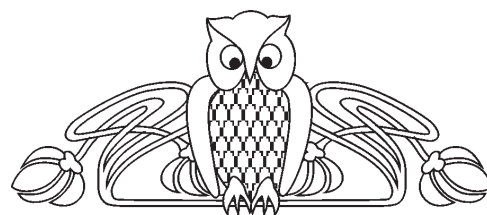
Примечания

- 1 См.: Лопатин В.В. Метафорическая мотивация в русском словообразовании // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1975. С. 53–57; Козинец С.Б. Словообразовательная метафора: пересечение лексической и словообразовательной систем // Филологические науки. 2007. № 2. С. 61–70.
- 2 См.: Балашова Л.В. Метафора в диахронии. Саратов, 1998. 216 с.
- 3 Там же. С. 195.
- 4 Там же.
- 5 Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка 18 в. Языковые константы и заимствования. Л., 1972. С. 31.
- 6 Там же. С. 37.

- 7 Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX в. М., 1982. С. 102.
- 8 Виноградов В.В. История слов. М., 1999. С. 838.
- 9 Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX в. М., 1982. С. 228–229.
- 10 Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / Под ред. Н.З. Котеловой. М., 1984. С. 762.
- 11 Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб., 2004. С. 674.
- 12 Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб., 2001.
- 13 Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2006.
- 14 Ковалевская Е.Г. История русского литературного языка. М., 1992. С. 281.

УДК 81–11: 008.001

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОНЦЕПТА «ДОМ» В КОНЦЕПТОСФЕРАХ А.П. ЧЕХОВА И ДЖЕЙМСА ДЖОЙСА (на материале малой прозы)

Ю.М. Фокина

Педагогический институт Саратовского государственного университета,
кафедра теории и истории языка
E-mail: english@pags.ru

Статья посвящена контрастивному исследованию художественного концепта «дом», репрезентированного в рассказах А.П. Чехова и Джеймса Джойса. Сравнительный анализ проводится автором на уровне структурной организации концепта.

Ключевые слова: художественный концепт, концептосфера, идиостиль, репрезентация, контрастивная поэтика.

Specific Representation of the Concept «House/Home» in A.P. Chekhov and James Joyce (Short Stories)

Yu.M. Fokina

The article deals with the comparative analysis of the concept *house/home* represented in short stories by A. Chekhov and James Joyce. The analysis is conducted on the level of concept structure.

Key words: concept in literature, conceptosphere, idiosyle, representation, poetics of contrast.

Художественный концепт «дом» занимает в индивидуально-авторских концептосферах А.П. Чехова и Джеймса Джойса особое место. События большинства чеховских рассказов и рассказов Джеймса Джойса, включенных в сборник «Дублинцы», разворачиваются в пространстве человеческого жилища. Будучи неотъемлемой составляющей жизни человека, дом может быть постоянным или временным, принадлежащим или

не принадлежащим герою, служебным, административным и т.д.

Именем концепта «дом» в прозе А.П. Чехова является лексема *дом* (с учетом падежных форм данная лексема встретилась 54 раза в четырнадцати выбранных нами произведениях, написанных в период с 1888 по 1902 г.¹). В «Дублинцах», куда входят 15 рассказов, концепт «дом» представлен, главным образом, двумя существующими в английском сознании как неразрывное единство лексемами – *house* и *home*, (*house* употребляется в тексте 29 раз, *home* – 11²).

В силу того что художественный концепт предстает единицей сознания писателя, которая «получает свою репрезентацию в художественном произведении или совокупности произведений и выражает *индивидуально-авторское* осмысление сущности предметов или явлений»³, репрезентация концепта в художественных текстах носит уникальный характер.

Для выявления особенностей вербализации художественного концепта «дом» в рассказах А.П. Чехова и Джеймса Джойса мы, вслед за И.А. Тарасовой, выделяем следующие актуализированные в концепте слои: понятийный, предметный, ассоциативный, образный, символический и ценностно-оценочный⁴.

В процессе реконструкции *понятийного* слоя концепта «дом» важно помнить о том, что художественное значение, непосредственно связанное с авторским замыслом, характеризуется большей

степенью индивидуальности по сравнению со словарной дефиницией. В «Словаре русского языка» предлагается такое определение дома: «1) Здание, строение, предназначенное для жилья, для размещения различных учреждений и предприятий; 2) жилое помещение, квартира; жильё; 3) семья, люди, живущие вместе, одним хозяйством»⁵. Для понятийного слоя художественного концепта «дом», репрезентированного в произведениях А.П. Чехова, определяющим признаком служит второе словарное (узуальное) значение дома – «жилище», второй по значимости признак соотносится с первым словарным значением – «здание». «Dictionary of Contemporary English» предлагает три значения слова house: «1) A building that you live in; 2) all the people who live in a house; 3) a large public building used for a particular purpose»⁶. Home трактуется в том же словаре как «1) the house, apartment, or place where you live; 2) the place where you come from or where you usually live; especially where you feel happy and comfortable»⁷. Для Джеймса Джойса актуальны первое и третье словарные значения house – «дом» и «здание», а также первое значение home – «жилище».

В рассказах А.П. Чехова и Джеймса Джойса предметный слой концепта «дом» представлен следующими когнитивными признаками: «внешний вид дома», «части-составляющие дома» и «внутреннее убранство дома».

У Чехова при описании внешнего вида дома наибольшей концептуальной значимостью обладает информация о «возрасте» и «размере» жилища: *старый барский дом, старинный дом, большой дом, громадный дом, просторный дом, небольшой уютный дом, приземистый домик*. Наиболее интересной частью дома с точки зрения концептуального содержания является *окно*. Помимо основной функции – обозначения границы между ограниченным внутренним миром дома и безграничным внешним миром⁸, окно способствует мысленному уходу героев в другую реальность – пространство воспоминания и ностальгии («Архиерей», «Дуэль»). В этом случае оно становится не только местом соприкосновения пространств, но и местом встречи времен. К типичным предметам интерьера, заполняющим внутреннее пространство дома, у Чехова относятся: *старинная мебель из красного дерева, зеркало, ковер, камин, письменный стол, деревянные кровати с резными украшениями, гравюры в широких рамах, шкаф с книгами, рояль, ноты, иконы*. Они репрезентируют образ обжитого архаизированного пространства, средоточие культуры, духовности и покоя.

Описанию «помещичьего дома», для которого характерны большие полупустые пространства, роскошь, противопоставляется в произведениях А.П. Чехова изображение «крестьянской избы», где «темно, тесно и нечисто». Внутреннее убранство такого жилища составляют *иконы, скамья, люлька, сундуки, самовар и печь*. При этом печь, «темная от копоти и мух», занимает большую

часть пространства. В то время как в помещичьем доме стены украшены картинами, в крестьянской избе на них наклеены бутылочные ярлыки и обрывки газетной бумаги. Показателем достатка в семье крестьянина служат занавески на окнах дома и железная крыша («Мужики»). Если в прозе Чехова представлены типичные для России XIX в. образы «помещичьего дома» и «крестьянской избы», то в рассказах Джойса преобладает описание дома городского типа – здания из красного кирпича с блестящей крышей (*bright brick house with a shining roof*).

Доминантными когнитивными признаками внешнего облика дома в «Дублинцах» являются компоненты «старый» и «мрачный»: *dark house, brown house, old somber house, uninhabited house, ruinous house, empty house*. Следует отметить, что эпитет «мрачный» превалирует и в описании комнаты, которая отличается когнитивной выделенностью на фоне других частей дома (*little dark room, dark back room, high, cold gloomy room*). Как правило, это задняя, маленькая комната. Ее окна плотно занавешены, и героев постоянно окружает полумрак. Словосочетания *house of mourning, dead-room, heavy odour in the room* усиливают негативную коннотацию. Удаленная, темная комната типологически и семантически равна у Джойса Дублину. В рассказе «День плюща» («Ivy Day in the Committee Room») в небольшой комнате собираются едва ли не все представители дублинского общества. В представлении Джойса ограниченное пределами одной комнаты пространство отражает духовную замкнутость, косность окружающего мира, из которого героям не удастся вырваться. Немногочисленная мебель, присутствующая в доме, отличается громоздкостью: *swinging lamp of antique fashion, old square piano, square table, heavy chandelier*. Металлические предметы, чернотелые цвета убранства вызывают ощущение холода и дискомфорта: *uncarpeted room, walls free from pictures, black iron bedstead, iron wash-stand, clothes-rack, coal-scuttle, fender and irons, shelves of white wood, white bed-clothes and a black and scarlet rug, wash-stand and white-shade lamp*.

Наиболее подробно проработан в прозе А.П. Чехова и Джеймса Джойса ассоциативный слой художественного концепта «дом».

По причине неспособности персонажей освободиться от гнета стен дом ассоциируется у Джойса с *тюрьмой*. Пространственные обстоятельства *outside, there*, эксплицирующие «внешний мир», в сочетании с оценочным прилагательным *pleasant, much more pleasant* характеризуют внешнее пространство как нечто более значительное по сравнению с внутренним пространством дома. Являясь узниками собственного дома, герои мечтают «вылететь сквозь крышу и унести в другую страну» (*to ascend through the roof and fly away to another country*) («The Boarding House»), где есть «новый дом, дожидющийся их приезда» (*a new house, waiting for them*) («Eveline»).

В прозе Чехова к числу основных представлений-ассоциатов образа дома относятся:

дом-память. В рассказах «Дом с мезонином», «Скучная история», «Ионыч» дом становится своеобразной моделью памяти, напоминая героям о молодости, когда они были влюблены, полны надежд: «Глядя на темный дом и сад, которые были ему так дороги когда-то, он вспомнил все сразу – и романы Веры Иосифовны, и шумную игру Котика, и остроумие Ивана Петровича, и трогательную позу Павы...» («Ионыч»);

дом – цель жизни. Для некоторых героев Чехова обретение собственного дома становится целью жизни («Крыжовник», «Моя жизнь»). На достижение заветной мечты порой уходят лучшие годы, но это обстоятельство ничуть не смущает героев, поскольку стремление к комфорту и удобствам «мало-помалу затягивает людей даже с сильною волей». Столь низменной цели дается ироническая оценка: «Дорогие ковры, громадные кресла, бронза, картины, золотые и плюшевые рамы; на фотографиях, разбросанных по стенам, очень красивые женщины, умные, прекрасные лица, свободные позы; пахнет весной и дороною сигарой, пахнет счастьем, – и все, кажется, так и хочет сказать, что вот-де пожил человек, потрудился и достиг, наконец, счастья, возможного на земле» («Моя жизнь»);

дом – человек. Построенный человеком дом, будучи его детищем, наследует как особенности внешности своего хозяина (*упрямое, черствое выражение; линии сухие, робкие; дома, похожие друг на друга, напоминали его цилиндр, его затылок, сухой и упрямый*), так и черты его характера (*упрямый, бездарный*).

Среди *образных* номинаций, актуализирующих соответствующий слой концепта, выделяется модель «дом как живое существо». Дом в рассказах обоих писателей обладает способностью «владеть» своими жильцами и влиять на них. Но влияние на живущих в нем людей различно.

Чеховский дом, обладая таким качеством, как таинственность, привлекает к себе внимание, притягивает, очаровывает своим внутренним миром: «В доме было сумрачно, таинственно, пахло грибами...» («Моя жизнь»). Дом сочувствует героям, с мудростью старца наблюдая за их увлечениями, страстями, страданиями: «Милый, наивный, старый дом, который, казалось, окнами своего мезонина глядел на меня, как глазами, и понимал все» («Дом с мезонином»). Влияние дома на своих обитателей в «Дублинцах» иное. Складывается впечатление, что не дом принадлежит хозяевам, а они являются его принадлежностью, зависимы от него. Люди прикованы непонятной и страшной силой к своему опустылевшему жилищу. Эвелин, героиня одноименного рассказа, хотя и понимает, что в этом месте ее ожидает участь не лучшая, чем судьба сошедшей с ума матери, так и не находит в себе сил разорвать связывающие с домом путы. Сравнение дома с бродягой указывает на тот факт,

что дом не реализует свою основную «охранительную» функцию жильцов: «They seemed to him a band of tramps, huddled together along the river-banks, their old coats covered with dust and soot, stupefied by the panorama of sunset and waiting for the first chill of night to bid them arise, shake themselves and begone» («A little Cloud»).

Символический слой концепта «дом» в рассказах А.П. Чехова представлен устойчивой символической ассоциацией *дом – космос, гармония*. Данная символическая модель соответствует традиционному в русском языковом сознании представлению о доме как месте телесного и духовного обитания человека, связанному с культурным наследием (*книги, рояль, ноты*), памятью (*портреты*), духовными традициями и ценностями (*иконы*). В таком доме обретают спокойствие, защищенность, уют («Студент», «Дом с мезонином», «Ионыч», «Крыжовник»). В «Дублинцах» Джойса ведущей символической линией является *дом – хаос, дисгармония*. Утрата духовного мира в доме ведет к превращению его в *антидом*. Об этом свидетельствует утрата «своего» пространства, отличного от других; невозможность покинуть свой дом; пустота дома, духовная и вещная. Извращенное пространство антидома совершенно переворачивает, парализует, заколдовывает все естественные, настоящие человеческие отношения. Такой дом жидется на принципах еды, похоти и насилия. Символ дома как хаоса и дисгармонии особенно ярко реализуется в рассказе «Пансион» («The Boarding House» – «Наемный дом»). Здесь традиционные жертвы (например, мамаша Муни – несчастная, брошенная, избиваемая жена и оскорбленная мать) превращаются в палачей, которые, перешагивая через все святые, заполучают очередных жертв. Смирненными, послушными жертвами, в свою очередь, становятся палачи-насилыники (папаша Муни, мистер Доран – постоялец, которого соблазнила похотливая дочь Полли).

При рассмотрении *ценностно-оценочного* слоя концепта «дом» можно сделать вывод, что в произведениях Чехова прослеживается положительная эстетическая оценка художественного денотата. Она эксплицируется атрибутивными характеристиками объекта, имеющими положительную коннотацию (уютный, милый, наивный и др.), а также синтагматическими связями лексемы с предикатами, отражающими «центростремительное движение» (возвращаться домой, идти к дому, приехать домой, войти в дом). У Джойса реализуется отрицательная оценка образа дома. На это указывают образы некрологической семантики на уровне микроконтекста (*mourning, dust, coffin, the dead, clay, etc.*); атрибутивные словосочетания негативной эмоциональной окраски (*somber house, dark house, grey house, poor stunted houses*); а также предикаты, в значении которых присутствует сема «центробежное движение» (*to leave, to walk away, to go away, to come away, to escape*).

Примечания

- 1 Чехов А.П. Собр. соч.: В 8 т. М., 1970. Т. 4–6.
- 2 Joyce J. *Dubliners. A Portrait of the Artist as a Young Man*. М., 1982.
- 3 Беспалова О.Е. Концептосфера поэзии Н.С. Гумилева: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002. С. 6.

- 4 См.: Тарасова И.А. Идиостиль Георгия Иванова: когнитивный аспект. Саратов, 2003. С. 74.
- 5 Словарь русского языка: В 4 т. М., 1981–1984 (МАС). Т. 3. С. 698.
- 6 Dictionary of Contemporary English. Oxford, 1995. P. 694.
- 7 Dictionary of Contemporary English. P. 684.
- 8 Шехватова А.Н. Мотив в структуре чеховской прозы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003.

УДК 811.111'04'37

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА И ДИСКУРС (лексема *sloth* в религиозном дискурсе среднеанглийского периода)

М.Ю. Колокольникова

Саратовский государственный университет,
кафедра английской филологии
E-mail: marinaugustina@mail.ru

В статье на примере существительного *sloth* рассматривается роль дискурса в историческом развитии семантической структуры лексических единиц.

Ключевые слова: лексическая семантика, историческое развитие, религиозный дискурс, морально-этическая сфера.

**Lexical Semantics and Discourse
(the Noun *sloth* in the Middle English Religious Discourse)**

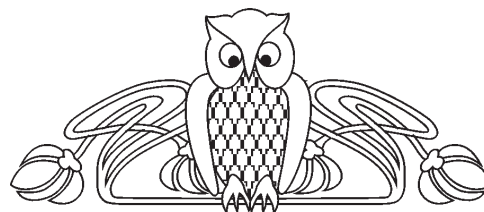
М.Yu. Kolokolnikova

The article considers the role of discourse in the historical development of the semantic structure of lexical units through the specific study of the noun *sloth*.

Key words: lexical semantics, historical development, religious discourse, moral-ethical sphere.

На протяжении уже довольно длительного времени одним из наиболее актуальных и интересных направлений общей теории языкового развития остается изучение процессов исторического изменения семантики лексических единиц, их основных типов и причин. К числу последних все чаще относят и регулярное использование слов в рамках того или иного дискурсного пространства, т. е. того или иного «возможного (альтернативного) мира», который «требует особого использования языка для выражения особой ментальности»¹.

Действительно, опыт многих исследований в данной области свидетельствует о том, что дискурс не только тщательно и целенаправленно отбирает из общеупотребительного словарного фонда необходимые ему лексические единицы, но и активно приспосабливает их к характерным для него целям и условиям общения. Таким образом, дискурс, будучи сложным единством языковой формы, значения и действия², выступает

в качестве той коммуникативной среды, которая модифицирует смысловую структуру лексических единиц, а со временем может закреплять результаты подобных изменений в системе языка.

Последнее оказывается возможным во многом благодаря наличию в дискурсном пространстве тематических блоков, которые на определенном хронологическом этапе развития общества отличаются особой социальной значимостью, а следовательно, и высокой степенью воспроизводимости, повторяемости. Подобные тематические блоки и их отдельные компоненты не только играют большую роль в обеспечении единства смыслового пространства самого дискурса, но и способствуют распространению его влияния на другие типы дискурсов, перенося, «транслируя» в их сферу при помощи различных инодискурсивных включений, свойственные «донорской» дискурсивной области смыслы и понятия.

Это влечет за собой и перенос специфических для данного дискурса лексических средств воплощения актуальных смыслов. Именно в этом, по-видимому, заключается один из важнейших механизмов закрепления в системе языка тех изменений в семантике лексических единиц, которые первоначально представляют собой результат их регулярного функционирования в том или ином дискурсе и выводятся из суммы типичных для них контекстных значений.

Значительный интерес в этом отношении представляет исследование религиозного дискурса, который главным образом ориентирован не на порождение новых смыслов и тем, а на воспроизведение уже существующих. Важно также и то, что религиозный дискурс в силу своей специфики оказывает влияние на формирование и развитие не только собственно религиозного слоя лексики, но и общеупотребительных лексических единиц, особенно тех, которые относятся к морально-этической сфере. Ведь религиозная вера, как известно, объединяет «модель мира и нравственный закон»³.

Примечания

- 1 Чехов А.П. Собр. соч.: В 8 т. М., 1970. Т. 4–6.
- 2 Joyce J. *Dubliners. A Portrait of the Artist as a Young Man*. М., 1982.
- 3 Беспалова О.Е. Концептосфера поэзии Н.С. Гумилева: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002. С. 6.

- 4 См.: Тарасова И.А. Идиостиль Георгия Иванова: когнитивный аспект. Саратов, 2003. С. 74.
- 5 Словарь русского языка: В 4 т. М., 1981–1984 (МАС). Т. 3. С. 698.
- 6 Dictionary of Contemporary English. Oxford, 1995. P. 694.
- 7 Dictionary of Contemporary English. P. 684.
- 8 Шехватова А.Н. Мотив в структуре чеховской прозы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003.

УДК 811.111'04'37

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА И ДИСКУРС (лексема *sloth* в религиозном дискурсе среднеанглийского периода)

М.Ю. Колокольникова

Саратовский государственный университет,
кафедра английской филологии
E-mail: marinaugustina@mail.ru

В статье на примере существительного *sloth* рассматривается роль дискурса в историческом развитии семантической структуры лексических единиц.

Ключевые слова: лексическая семантика, историческое развитие, религиозный дискурс, морально-этическая сфера.

**Lexical Semantics and Discourse
(the Noun *sloth* in the Middle English Religious Discourse)**

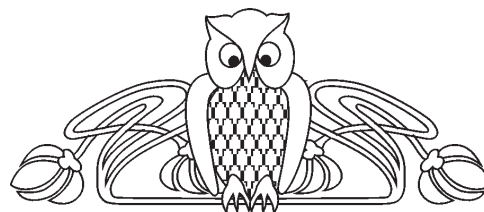
М.Yu. Kolokolnikova

The article considers the role of discourse in the historical development of the semantic structure of lexical units through the specific study of the noun *sloth*.

Key words: lexical semantics, historical development, religious discourse, moral-ethical sphere.

На протяжении уже довольно длительного времени одним из наиболее актуальных и интересных направлений общей теории языкового развития остается изучение процессов исторического изменения семантики лексических единиц, их основных типов и причин. К числу последних все чаще относят и регулярное использование слов в рамках того или иного дискурсного пространства, т. е. того или иного «возможного (альтернативного) мира», который «требует особого использования языка для выражения особой ментальности»¹.

Действительно, опыт многих исследований в данной области свидетельствует о том, что дискурс не только тщательно и целенаправленно отбирает из общеупотребительного словарного фонда необходимые ему лексические единицы, но и активно приспосабливает их к характерным для него целям и условиям общения. Таким образом, дискурс, будучи сложным единством языковой формы, значения и действия², выступает

в качестве той коммуникативной среды, которая модифицирует смысловую структуру лексических единиц, а со временем может закреплять результаты подобных изменений в системе языка.

Последнее оказывается возможным во многом благодаря наличию в дискурсном пространстве тематических блоков, которые на определенном хронологическом этапе развития общества отличаются особой социальной значимостью, а следовательно, и высокой степенью воспроизводимости, повторяемости. Подобные тематические блоки и их отдельные компоненты не только играют большую роль в обеспечении единства смыслового пространства самого дискурса, но и способствуют распространению его влияния на другие типы дискурсов, перенося, «транслируя» в их сферу при помощи различных инодискурсивных включений, свойственные «донорской» дискурсивной области смыслы и понятия.

Это влечет за собой и перенос специфических для данного дискурса лексических средств воплощения актуальных смыслов. Именно в этом, по-видимому, заключается один из важнейших механизмов закрепления в системе языка тех изменений в семантике лексических единиц, которые первоначально представляют собой результат их регулярного функционирования в том или ином дискурсе и выводятся из суммы типичных для них контекстных значений.

Значительный интерес в этом отношении представляет исследование религиозного дискурса, который главным образом ориентирован не на порождение новых смыслов и тем, а на воспроизведение уже существующих. Важно также и то, что религиозный дискурс в силу своей специфики оказывает влияние на формирование и развитие не только собственно религиозного слоя лексики, но и общеупотребительных лексических единиц, особенно тех, которые относятся к морально-этической сфере. Ведь религиозная вера, как известно, объединяет «модель мира и нравственный закон»³.

Влияние религиозного дискурса на развитие лексики морально-этического плана было заметным в эпоху Средневековья, когда морально-нравственные представления были неотделимы от религиозных. Поэтому именно в религиозном дискурсе в это время шло формирование системы языковых средств передачи морально-этических смыслов и значений. Данный процесс мог происходить за счет слов и словосочетаний, которые образовывались вновь или были заимствованы из других языков, а также за счет дальнейшего семантического развития уже имевшихся в языке слов.

В качестве примера здесь можно привести существительное *sloth* (сред.-англ. *sleuth, sloghness, sloueth, slouhthe, slough, slought, slothe, sclouthe, sloupe, slowpe, slaught, slauth, slauphe, sclawth*). Оно датируется XII в. и восходит к исконному прилагательному *slow* (*slaw, slue*), которое, согласно лексикографическим источникам, в изучаемый период времени было способно передавать довольно широкий круг значений: *медленный, медлительный в движениях, в мыслях, несообразительный, вялый, неуклюжий, неповоротливый, сонный, бездеятельный, ленивый, запоздалый*. Многозначностью на ранних этапах своего развития отличалось и образованное от него существительное, с помощью которого могли обозначаться такие понятия, как *медлительность, опоздание, бездействие, слабость, вялость, лень, неуклюжесть, неповоротливость, неподвижность, сонливость, несообразительность, промедление*.

Анализ 60 религиозных и 60 светских письменных памятников XII–XV вв.⁴, в ходе которого было зафиксировано 620 случаев использования лексемы *sloth* (400 и 220 в религиозном и светском дискурсе соответственно), показывает, что большинство вышеперечисленных значений являлись общеупотребительными и встречались в текстах различной дискурсной и жанровой принадлежности:

«Tyl thow ha founde the ryhtē way;
Lat, in thyn asking, *be no slouthe*
Tyl thow be brouht vn-to the trouthe»
(Lydgate J. The pilgrimage of the life of man.
P. 325).

«Of he slynges with sleghte and slakes
gyrdill, / And fore *slewthe of slomowre* on a
slepe fallis. / Bot be ane aftyre mydnyghte all
his mode changede» (The alliterative Morte
Arthure. P. 127).

«So shaltow seen hem / leeuē brother deere
If it so be / thou wolt *with-outen slouthe* Bileue
aright and knowen verray trouthe» (Chaucer G.
Canterbury tales. P. 533).

«The tokenys of a bade stomake bene heuy-
nesse of body, *Slewthe*, the face dyscolourid,
heuynesse of eyen, ventuosite and swollynge of
the wombe» (The prose versions of the Secreta
Secretorum. P. 239).

Проведенное исследование свидетельствует также и о том, что дальнейшая эволюция семан-

тической структуры рассматриваемого существительного была во многом обусловлена спецификой его функционирования в религиозном дискурсе, где оно получило особенно широкое распространение приблизительно с середины XIII в. Так, в проанализированном материале на долю религиозного дискурса пришлось 68% от общего числа всех зафиксированных случаев употребления лексемы *sloth*.

Что касается конкретных контекстов его использования, то среди них в значительной степени преобладают такие, в которых изучаемое слово служит для наименования одного из семи смертных грехов – *лености* (лат. *Accidia*). В этой связи представляется необходимым напомнить, что в Средние века данный грех понимался как состояние душевной апатии, безразличия, которое мешало человеку предаваться делам благочестия, прежде всего молитве. Его главными последствиями считались невнимательность во время мессы, забвение грехов на исповеди, неисполнение епитимьи. Св. Томас Аквинский (XIII в.), объединявший грех *леность* с грехом *уныние* (лат. *tristitia*), рассматривал его как отказ от радости общения с Богом, от духовного блага вообще.

Неслучайно в средневековом религиозном дискурсе существительное *sloth* получает такое специфическое значение, как *леность, медлительность в служении Богу и в делах милосердия*. В наиболее эксплицитной форме данное значение находит отражение в характерных для религиозных текстов той эпохи словосочетаниях: *sleuth in goddis servis* (*медлительность, леность в служении Богу, в почитании Бога*), *sleuth in gude dedes* (*медлительность, леность в добрых делах, в делах милосердия*).

«Þir er þa hede syns þat er *dedely*;
Pride, hatreden, and envy
Glotomy and *sleuthe in Goddes servise*» (The
prickle of conscience: a Northumbrian poem.
P. 92).

Актуализации подобного значения способствовало также постоянное использование в непосредственном окружении изучаемой лексической единицы таких, например, близких по смыслу сочетанию *God's service* слов, как *worship* (*поклонение, почитание*), *mess* (*месса*), *prayer* (*молитва*), *Creed* (*Символ веры*), *sermon* (*проповедь*).

«Now shul we speke of *sloghness*;
Be fourþe hyt ys of *dedly synnes*... Moche ys a
man for to blame
þat kan nat *wurschep Goddys name*
With *patter nester new wee creed*» (Manning R.
Handling sine. P. 143).

«Also i crie god merci of *Sloupe in Godes
seruise*: Not heryng hit deuoutliche as I scholde
do, not hauynge *delyt in godes seruise* in
Matyns, in *Masse*, in preching of *godes word*,
but proudliche entryng in to *godes hous*»
(Companion to the English prose works of Richard Rolle. P. 341).

Большое влияние на процесс специализации лексемы *sloth*, несомненно, оказало и появление у нее под действием типовых в рассматриваемой коммуникативной сфере контекстов употребления прочных тематических и ассоциативных связей с существительными *sin* и *vice*, а также с существительными, выступавшими в качестве наименований других смертных грехов: *pride* (*гордыня*), *envy* (*зависть*), *covetousness* (*алчность*), *wrath/ire* (*гнев*), *lechery* (*похоть*), *gluttony* (*чревоугодие*).

«Be fyfte *senne* hys *sleupe*
Of þat man scholde do,
Hye brekeþ gode treuþe
Wyþ god and man also» (The poems of William of Shoreham. P. 111).

«Tavoydē *slouthe*, cheff noryc
To the Amptē ffor to go,
And moder vn-to euery *vyce*» (Lydgate J. The pilgrimage of the life of man. P. 280).

«Most party day and nyght / *syn* in word and dede ffull bold;
Som in *pr. ide, Ire* and *enuy*,
Som in *Couetyse & glotny*,
Som in *sloth* and *lechery*» (The Towneley plays. P. 24).

Особого внимания, как представляется, заслуживают отрывки, в которых подробно описывается природа рассматриваемого греха и его последствия, а само существительное *sloth* в силу этого становится объектом метаязыковой рефлексии. При этом метатекстовые фрагменты включали в себя, как правило, слова и словосочетания типа *idleness* (*праздность, лень*), *negligence* (*пренебрежение обязанностями, нерадивость, небрежность*), *despair* (*отчаяние*), *dullness of heart* (*уныние, вялость*), *heaviness of heart* (*уныние, душевная тяжесть*), *annoū against spiritual good* (*раздражение от духовного блага*).

«Be sexte dedly synes `slewthe or slawenes,' þat es, a hertly angere or anoye till vs of any gastely gud þat we sall do... Anoper es, a `dullnes or heuenes of herte' þat lettes vs for to lufe oure Lorde God Almyghten, or any lykynge to hafe in His seruise» (Dan Jon Gaytryge's Sermon. Religious Pieces in Prose and Verse. P. 13–14).

«The ferthe dedly synes *slouthe*; and þat mase manes *herte hevy* and *slawe in gude dede*, and makes man to *yrke in prayere or halynes*, and puttes man in *wykkednes of wanhope*, for it *slokyns þe lykynge of gastely lufe*» (The Myrrour of seint Edmonde. Religious Pieces in Prose and Verse. P. 25).

Следует отметить, что подобные текстовые конструкции, в состав которых, как можно видеть из приведенных примеров, входило значительное число разного рода пояснительных и уточняющих оборотов, дефиниций, перифраз, были весьма типичны для религиозного дискурса XII–XV вв. и во многом помогали ему приспособлять имев-

шиеся в его распоряжении лексические единицы к возможно более точному и адекватному выражению ключевых для него смыслов и понятий.

Этому же, несомненно, способствовало и использование большого количества семантических, лексических и словообразовательных повторов. В исследованных, например, нами религиозных текстах помимо самого существительного *sloth* часто встречается и однокоренное ему прилагательное *slow*, в том числе, что особенно важно, и в составе словосочетаний типа *slow in good works/deeds* (*медлительный, ленивый в делах милосердия*), *slow in God's service* (*медлительный, ленивый в почитании Бога, в служении Богу*), также непосредственно связанных с рассматриваемой тематикой.

«Hie me haued imaked heuy and *slaw on godes weorkes* ðurh idelnesse» (Vices and Virtues: a Soul's Confession of its Sins with Reason's Description of the Virtues. P. 4).

«*Dou art slogh yn Goddys seruise*». (Manning R. Handlyng synne. P. 156).

Синонимические связи лексемы *sloth* в проанализированном материале представлены главным образом такими существительными, как *idleness* (*праздность*), *sleep* (*сон*), *dullness* (*уныние, безразличие, вялость*), *slowness* (*медлительность, леность*), *heaviness* (*уныние*), *despair* (*отчаяние*), *weariness* (*усталость, слабость*), *sorrow* (*уныние, мирская грусть*). Некоторые из этих связей (*despair, negligence, sorrow*), как можно предположить, представляют собой результат функционирования изучаемой лексической единицы именно в религиозном дискурсе. Другие (*sleep, heaviness, lethargy*) получают здесь переосмысление, используются преимущественно в переносном смысле и описывают не физическое, а душевное состояние, которое может быть охарактеризовано как «сон души», ведущий ее к гибели и вечному наказанию.

«Ac ðat he on *slauþe* and on *ydelnesse* his lif ladde anon to his ande-daige, and ðat he herfore wurde fordemd into *helle pine*» (Vices and Virtues. P. 5).

«But it is euyl to ben ouercomen in þis temptacion, & þat schal not be but be oure owene *negligence & slougte & fals lykynge in synne*» (The English works of Wyclif hitherto unprinted. P. 200).

Среди синонимических связей, приобретенных лексемой *sloth* в религиозном дискурсе, стоит особо выделить синонимию существительного *sloth* с заимствованным из латыни существительным *acedia* (ср. англ. *accidie, accyde, accidye*). Латинское заимствование, также используемое для наименования греха *лености*, употреблялось в английских религиозных текстах в качестве семантического эквивалента существительного *sloth*. Ср. контексты, в которых одновременно функционируют оба существительных, уточняя и поясняя значение друг друга:

«Et oþer / is enuie. þe þridde / wreþe. þe uerþe / sleauþe / þet me clepeþ ine clergie: *accidyde*. þe vifte / icinge. in clergie / auarice. oþer couaytise þe zixte / glotounye» (Michel D. Ayenbite of Inwyt. P. 16).

«Нут ys *sloghness*, and kalled '*accyde* Fro *Goddys seruyse* so long þe hyde» (Manynng R. Handlyng synne. P. 159).

Вместе с тем между двумя лексемами наблюдаются значительные функциональные различия, касающиеся частотности их употребления. В проанализированных нами религиозных текстах существительное *sloth* было зафиксировано около 400 раз, тогда как для существительного *acedia* отмечено 80 словоупотреблений.

Одна из причин функциональной ограниченности существительного *acedia* заключается, по-видимому, в том, что эта лексема в изучаемую эпоху, как, впрочем, и в дальнейшем, была недостаточно ассимилирована английским языком. На это, в частности, указывает отсутствие у нее каких-либо словообразовательных связей.

Не вызывает, однако, сомнений тот факт, что тесное взаимодействие с лексемой *acedia* на уровне парадигматики и синтагматики, использование в сходных по содержанию и лексическому наполнению контекстах не могло не оказать своего влияния на семантическое развитие существительного *sloth*, которое получает способность, по крайней мере в определенных видах контекстов, передавать несвойственные ей в языке в целом значения *уныние, отчаяние, печаль*.

Примечательно, что в относящихся к тому времени английских переводах библейских текстов лексема *sloth* выступает в качестве эквивалента существительного *tristitia*, специализированного в значении отрицательного эмоционального состояния – *печаль, грусть, скорбь*. Ср.:

«Beatus vir qui non est lapsus verbo ex ore suo, et non est stimulatus in *tristitia delicti*» (Ecclesiasticus. 14. 1).

«Omnis plaga *tristitia cordis* est, et omnis malitia nequitia mulieris» (Ecclesiasticus. 25. 17)⁵.

«Blisful the man, that is not sliden in wrd fro his mouth, and is not pricked in *sorewi slouthe of gilte*» (The Holy Bible, containing the Old and New Testaments, with the Apocryphal books. Ecclus. 14. 1. P. 149).

«Alle veniaunce is þe dreri *slowþe of herte* and eche malice the wickidnesseof a woman» (The Holy Bible, containing the Old and New Testaments, with the Apocryphal books. Ecclus. 25. 17. P. 171–172).

Преобразующее креативное влияние дискурса как «возможного, альтернативного мира» находит свое отчетливое выражение в антонимических связях, которые устанавливаются у лексемы *sloth* в религиозной сфере и которые заметно отличаются от изначально присущих ей. Если исконно ее антонимами являются, прежде

всего, существительные *haste* (*быстрота, поспешность*), *strength* (*сила*), *diligence* (*быстрота, усердие*), то в религиозных текстах на передний план выходят существительные *charity* (*любовь, милосердие*), *gladness* (*духовная радость*), *delight* (*духовная радость, воодушевление*). Ср.:

«She was so *diligent* with outen *slouthe*

To serue and plesse / euerich in that place

That alle hir louen / that looken in hir face» (Chaucer G. Canterbury tales. P. 146).

«Here he spekis of temptfcioune of *sleuth*, that oft siþe takis him... swa that sum tyme he has nother *delite* to rede ne to pray» (Rolle R. The Psalter, or Psalms of David and certain canticles. P. 382).

Так, активное функционирование существительного *sloth* в текстах английского религиозного дискурса стало причиной специализации его значения, обусловило появление в его смысловой структуре ряда дополнительных, уточняющих сем. В результате исследуемая лексема начинает соотноситься в первую очередь не с различными физическими аспектами существования человека, а с его духовным, морально-нравственным состоянием и, в частности, с неисполнением им своего христианского долга. Семантическая специализация выражается также в приобретении словом *sloth* четко выраженной отрицательной морально-этической коннотации, которая приходит на смену неспецифической негативно-оценочной окраске, свойственной лексеме на более ранних ступенях ее развития.

Важно подчеркнуть, что в исследуемый период лексема *sloth* могла реализовывать присущее ей специализированное значение и в других типах дискурса. Это было обусловлено, прежде всего, особой социальной значимостью типовых для лексемы в религиозной области контекстов употребления, направленных на формирование в средневековом обществе определенных морально-этических норм и установок. Поэтому закономерно, что подобные контексты в виде инодискурсивных включений получили распространение и за пределами собственно религиозной сферы коммуникации.

В данной связи показательны, например, произведения Уильяма Ленгленда, Джеффри Чосера, Джона Гауэра, в которых широко представлена не только сама тема *семи смертных грехов*, но и традиционные языковые (в том числе и лексические) средства ее реализации.

«Slombrynge maketh a man be heuy and dul / in body and in soule.

And this synne comth of *Slouthe*» (Chaucer G. Canterbury tales. P. 641).

«Ac whiche be þe braunches þat bryngeþmen *sleuthe*

Ys, whanne a man mournþ nat for hus mysdedes

þe *penaunce* þat þe prest enioyneþ parfoureþ vuele

Doþ non *almys-dedes* and drat nat of synne» (Langland W. *Piers the Plowman*. P. 124).

«Turnde to sleuthe & to *prute* & to lecherie To glotonie & heyemen muche to robburie» (The metrical chronicle of Robert of Gloucester. P. 524).

Подобные примеры позволяют также говорить о значительной степени проницаемости и подвижности границ между специализированным религиозным и общеупотребительным значением лексических единиц морально-этического плана в эпоху Средневековья, когда христианские темы и мотивы буквально пронизывали все общественно значимые коммуникативные сферы.

Кроме того, во многих случаях именно взаимодействие двух указанных типов значений определяло основное направление эволюции семантической структуры этих единиц, их положение в словарном составе языка. Свидетельством этому может служить и процесс дальнейшего исторического развития лексемы *sloth*, на который оказал влияние целый ряд факторов как лингвистического, так и экстралингвистического характера.

Отметим, в частности, что к концу средневекового периода (XV в.) религиозная трактовка греха *лености* претерпевает определенные изменения, становится более широкой: среди нравственных обязанностей христианина наряду с делами благочестия важное место начинает занимать производительный труд. Подобное представление получает теологическое обоснование, опирающееся на тексты Священного Писания: «если, кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2 Фес. 3:10). Вследствие этого грех *лености* распространяется уже не только на *vita contemplativa* и *vita activa*, но и на различные «труды человеческого служения», а к привычным добродетелям, противостоящим данному греху, таким, как «духовная радость» и «сила духа», добавляется обыкновенная мирская «деловитость»⁶.

В результате создавались предпосылки для сближения контекстов употребления существительного *sloth* в различных сферах коммуникации и формированию у него в качестве основного такого значения, как *unwillingness, disinclination to work or exert oneself*. Именно это значение и фиксируют у него толковые словари современного английского языка, сопровождая его, как правило, пометками типа *lit., formal*.

Указанные лексикографические источники свидетельствуют о том, что исследуемая лексема в ходе своего исторического развития утрачивает все другие значения, присущие ей на более ранних этапах функционирования в языке. Если некоторые из них (например, *slowness, delay*) и регистрируются в отдельных словарях, то лишь в качестве устаревших с пометкой *obs.* или *now rare*⁷.

Что касается специализированного религиозного значения лексемы *sloth*, которое восходит к эпохе Средневековья, то в дальнейшем оно за-

крепляется в ее смысловой структуре в качестве особого ассоциативного фона, который способен актуализироваться в соответствующем контекстном окружении. Как можно предположить, в первую очередь это относится к контекстам, связанным с темой *семи смертных грехов*, в пределах которой слово *sloth* служит подобным фоном. Об этом, в частности, говорят данные специальных (т. е. религиозных) словарей, в которых существительное *sloth* в большинстве случаев приводится в рубрике *Семь Смертных Грехов (Seven Deadly Sins)* при перечислении последних⁸.

Рассматриваемый здесь фон помимо собственно религиозного имеет, несомненно, еще и культурно-историческое значение, что находит отражение в словарях культурологической направленности. Так, например, в *Longman Dictionary of English Language and Culture*, наряду с обычным на современном этапе развития толкованием слова *sloth (unwillingness to work, laziness)*, дается и следующая информация: *Sloth is one of the Seven Deadly Sins*⁹. Подобные ассоциативные компоненты значения, хотя и носят потенциальной характер, тем не менее, по-видимому, оказали определенное влияние на место лексемы *sloth* в словарном составе английского языка и, в частности, на принадлежность к его книжному, официальному слою.

Необходимо, однако, добавить, что немало важную роль в истории лексемы *sloth* играют и внутрисистемные факторы, прежде всего взаимодействие данной лексической единицы с другими существительными-синонимами. Среди них следует особо выделить существительное *laziness*, которое примерно с начала XVII в. становится доминантным в указанном ряду и вместе с однородным ему прилагательным *lazy* получает широкое распространение во всех основных сферах коммуникации.

Рассмотренное в данной статье семантическое развитие лексемы *sloth* эксплицирует, на наш взгляд, общий механизм взаимодействия лексической семантики и концептуальных доминант общественно значимого дискурса. Проведенное исследование свидетельствует о том, что семантико-функциональное развитие лексических единиц в значительной мере обуславливается спецификой их использования в рамках того или иного дискурса на определенном хронологическом срезе. В основе этого развития лежит комплекс ассоциативных, тематических и лексико-тематических связей, который складывается у лексической единицы под действием типовых для нее в данной коммуникативной сфере контекстов употребления.

Примечания

¹ Степанов Ю.С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века. М., 1995. С. 38–39.

- ² См.: Дейк ван Т.Я. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. С. 121–122.
- ³ Арутюнова Н.Д. Истина и этика // Логический анализ языка: истина и истинность в культуре и языке М., 1995. С. 9.
- ⁴ Все тексты, послужившие материалом для исследования и цитируемые в данной статье, размещены на сайте: Corpus of Middle English Prose and Verse (CME, <http://www.hti.umich.edu/c/cme/>).
- ⁵ Multilingual Bible. Latin Vulgate // <http://www.lib.uchicago.edu/efts/>
- ⁶ Этика: Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 236.
- ⁷ Webster's New World Dictionary. N.Y., 1996. P. 1264.
- ⁸ Oxford Dictionary of the Christian Church. Oxford, 1993. P. 528.
- ⁹ Longman Dictionary of English Language and Culture. L., 1996. P. 1273.

УДК 821.161.1.09 – 146.2+929 Сумароков

А.П. СУМАРОКОВ И ФОРМИРОВАНИЕ ЖАНРОВОЙ ТРАДИЦИИ РУССКОГО РОМАНА

С.С. Яницкая

Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена,
кафедра русской литературы
E-mail: svetlana.yanitskaya@gmail.com

Рассматривается роль А.П. Сумарокова в формировании жанровой традиции романа в русской поэзии XVIII в. Выявляются характерные признаки раннего русского романа как одного из жанров песенной лирики, который в процессе своего становления активно взаимодействовал с элегией.

Ключевые слова: романс, жанровая традиция, песня, песенные жанры, элегия, мотив, лирический субъект, адресат, интонационно-ритмический строй, коммуникативная ситуация.

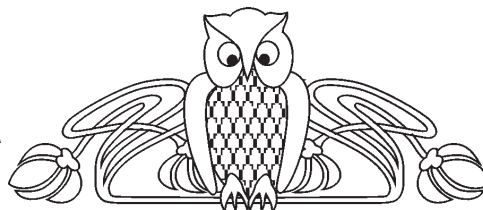
A.P. Sumarokov and the Formation of Russian Romance

S.S. Yanitskaya

The role of A.P. Sumarokov in the development of the genre of romance in Russian XVIII-century poetry is considered. The specific features of the early Russian romance as a lyrical genre are elucidated in its interaction with the genre of elegy.

Key words: romance, genre tradition, song, lyrical genres, elegy, motive, lyrical subject, addressee, intonation-rhythmical structure, communicative situation.

Историками русской музыкальной культуры неоднократно отмечалось, что поэзия Александра Петровича Сумарокова оказала решающее влияние на развитие в XVIII в. нового типа лирической песни, которая предназначалась для камерного сольного исполнения с инструментальным сопровождением в аристократических гостиных и предвосхищала стиль сентиментального романа¹. Тот факт, что Сумароков был крупнейшим поэтом-песенником своей эпохи, давно уже установлен нашей наукой о литературе. Песенное творчество поэта, начиная со второй половины XIX в., в разных аспектах освещалось в трудах Н.Н. Булича, А.А. Веселовского, В.В. Сиповского, И.Н. Розанова, Г.А. Гуковского, П.Н. Беркова, Д.Д. Благого, Л.И. Кулаковой, И.З. Сермана, А.А. Смирнова и других, однако предметом специального изучения становилось нечасто². При этом вопрос о роли

Сумарокова в создании романа как поэтического жанра до сих пор остается непроясненным. К его рассмотрению мы и обратимся в данной статье и одновременно попытаемся выявить жанровые признаки раннего русского романа.

В качестве поэтической структуры, не отделимой от музыкального искусства, романс в России складывался в хронологических рамках риторической культуры, традиционалистского типа художественного сознания, но в условиях бытового музицирования, а следовательно, развивался как «в другом смысле жанр»³. Генетически и на протяжении XVIII в. функционально романс представлял собой социально-эстетическое явление, уместное при конкретных обиходных обстоятельствах – светском времяпрепровождении дворянства, приверженного европейскому «стилю бытового поведения» (Ю.М. Лотман). Изначально регламентировавший «правилами бытового приличия»⁴ и не получавший в течение длительного периода «эмансипации от бытового <...> контекста»⁵, романс вплоть до 1790-х гг. не имел собственно поэтического смысла, не осознавался самостоятельным литературным жанром, чем, вероятнее всего, и объясняется долгое отсутствие термина у существовавшего *de facto* жанра.

В литературоведении еще со времен В.Г. Белинского, в известной статье «Разделение поэзии на роды и виды» (1841) констатировавшего: «Жуковский познакомил нас своими переводами с этим родом лирической поэзии»⁶, устоялось представление о том, что жанр романа (а равно и термин) возник в русской лирике только в начале XIX в. На самом деле романс появился в России задолго до В.А. Жуковского. Как вполне автономный и популярный лирический жанр он утвердился уже к концу XVIII в., когда в поэзии русского сентиментализма совершалось «обретение психологического анализа, открытие конкретной души, чувствующей, изменчивой, страдающей»⁷. Тогда же в российской словесности получил распространение заимствованный из арсенала западноевропейской поэзии термин

- ² См.: Дейк ван Т.Я. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. С. 121–122.
- ³ Арутюнова Н.Д. Истина и этика // Логический анализ языка: истина и истинность в культуре и языке М., 1995. С. 9.
- ⁴ Все тексты, послужившие материалом для исследования и цитируемые в данной статье, размещены на сайте: Corpus of Middle English Prose and Verse (CME, <http://www.hti.umich.edu/c/cme/>).

- ⁵ Multilingual Bible. Latin Vulgate // <http://www.lib.uchicago.edu/efts/>
- ⁶ Этика: Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 236.
- ⁷ Webster's New World Dictionary. N.Y., 1996. P. 1264.
- ⁸ Oxford Dictionary of the Christian Church. Oxford, 1993. P. 528.
- ⁹ Longman Dictionary of English Language and Culture. L., 1996. P. 1273.

УДК 821.161.1.09 – 146.2+929 Сумароков

А.П. СУМАРОКОВ И ФОРМИРОВАНИЕ ЖАНРОВОЙ ТРАДИЦИИ РУССКОГО РОМАНА

С.С. Яницкая

Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена,
кафедра русской литературы
E-mail: svetlana.yanitskaya@gmail.com

Рассматривается роль А.П. Сумарокова в формировании жанровой традиции романа в русской поэзии XVIII в. Выявляются характерные признаки раннего русского романа как одного из жанров песенной лирики, который в процессе своего становления активно взаимодействовал с элегией.

Ключевые слова: романс, жанровая традиция, песня, песенные жанры, элегия, мотив, лирический субъект, адресат, интонационно-ритмический строй, коммуникативная ситуация.

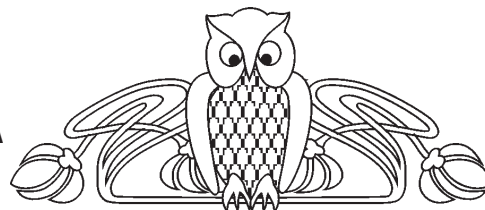
A.P. Sumarokov and the Formation of Russian Romance

S.S. Yanitskaya

The role of A.P. Sumarokov in the development of the genre of romance in Russian XVIII-century poetry is considered. The specific features of the early Russian romance as a lyrical genre are elucidated in its interaction with the genre of elegy.

Key words: romance, genre tradition, song, lyrical genres, elegy, motive, lyrical subject, addressee, intonation-rhythmical structure, communicative situation.

Историками русской музыкальной культуры неоднократно отмечалось, что поэзия Александра Петровича Сумарокова оказала решающее влияние на развитие в XVIII в. нового типа лирической песни, которая предназначалась для камерного сольного исполнения с инструментальным сопровождением в аристократических гостиных и предвосхищала стиль сентиментального романа¹. Тот факт, что Сумароков был крупнейшим поэтом-песенником своей эпохи, давно уже установлен нашей наукой о литературе. Песенное творчество поэта, начиная со второй половины XIX в., в разных аспектах освещалось в трудах Н.Н. Булича, А.А. Веселовского, В.В. Сиповского, И.Н. Розанова, Г.А. Гуковского, П.Н. Беркова, Д.Д. Благого, Л.И. Кулаковой, И.З. Сермана, А.А. Смирнова и других, однако предметом специального изучения становилось нечасто². При этом вопрос о роли

Сумарокова в создании романа как поэтического жанра до сих пор остается непроясненным. К его рассмотрению мы и обратимся в данной статье и одновременно попытаемся выявить жанровые признаки раннего русского романа.

В качестве поэтической структуры, не отделимой от музыкального искусства, романс в России складывался в хронологических рамках риторической культуры, традиционалистского типа художественного сознания, но в условиях бытового музицирования, а следовательно, развивался как «в другом смысле жанр»³. Генетически и на протяжении XVIII в. функционально романс представлял собой социально-эстетическое явление, уместное при конкретных обиходных обстоятельствах – светском времяпрепровождении дворянства, приверженного европейскому «стилю бытового поведения» (Ю.М. Лотман). Изначально регламентировавший «правилами бытового приличия»⁴ и не получавший в течение длительного периода «эмансипации от бытового <...> контекста»⁵, романс вплоть до 1790-х гг. не имел собственно поэтического смысла, не осознавался самостоятельным литературным жанром, чем, вероятнее всего, и объясняется долгое отсутствие термина у существовавшего *de facto* жанра.

В литературоведении еще со времен В.Г. Белинского, в известной статье «Разделение поэзии на роды и виды» (1841) констатировавшего: «Жуковский познакомил нас своими переводами с этим родом лирической поэзии»⁶, устоялось представление о том, что жанр романа (а равно и термин) возник в русской лирике только в начале XIX в. На самом деле романс появился в России задолго до В.А. Жуковского. Как вполне автономный и популярный лирический жанр он утвердился уже к концу XVIII в., когда в поэзии русского сентиментализма совершалось «обретение психологического анализа, открытие конкретной души, чувствующей, изменчивой, страдающей»⁷. Тогда же в российской словесности получил распространение заимствованный из арсенала западноевропейской поэзии термин

«романс». Едва ли не первым из русских песенных авторов его употребил в своем собрании сочинений (1793 г.) Г.А. Хованский в качестве жанрового подзаголовка стихотворения «Ручей»⁸. В 1792 г. в сатирическом журнале «Зритель» с заглавием «Романс» была напечатана стихотворная пародия А.И. Клушина («Менальк мой без подружки...»)⁹, а год спустя «Санкт-Петербургский Меркурий» за подписью «К-ой» поместил еще один «Романс» травестийного характера («Я в том острове родился...»)¹⁰. Очевидно, что обозначение «романс» в названии пародии могло быть применено к тексту, обыгрывающему традиционные для русской литературы образцы песенно-романсной лирики, и лишь тогда, когда пародийная версия хорошо ощущалась читателем как сигнал пародируемого оригинала. Сам факт пародирования романса подтверждает, что история жанра в России реально началась гораздо раньше, чем произошло усвоение иноязычного термина.

В зачаточном состоянии, в виде «песен на миноват», романс наличествовал уже в литературе первой трети XVIII в., свидетельствуя о возникновении в ней личностно-субъективного лиризма. Важной вехой становления романса на русской почве явились переводы французских романсов и оригинальная любовная лирика («песенки») В.К. Тредиаковского из приложения к «Езде на остров любви». Однако узловым моментом поэтической «биографии» жанра стал «сумароковский» период. Благодаря главным образом Сумарокову (а, как отмечается многими исследователями, «в поэзии Нового времени почти нет жанров, в которых бы он не попробовал себя»¹¹), романс, зародившийся на российской почве в петровскую эпоху в качестве жанрового «ответвления» книжной любовной песни, ко второй половине XVIII в. отличался от «простой песни» своеобразным углом зрения на жизнь (идеализацией возвышенного любовного чувства), оригинальным подходом к любовной тематике (единой и по существу единственной темой жанра стала драматизированная несчастная любовь), более сложной стиховой формой (разнообразием ритмики и строфики), прихотливостью интонационно-синтаксической организации и композиции (романсным типом напевной интонации, тяготением к кольцевому построению). Иначе говоря, романс у Сумарокова обладал уже своим «выраженным, эмоционально наполненным эстетическим обликом» и «экспрессивно-оценочным смыслом»¹², хотя и не обрел еще отдельного жанрового наименования, маркируясь привычным обозначением «песня».

Песни Сумарокова в 1740–1770-е гг. пользовались неизменным успехом у аристократической «публики», с расчетом на утонченный эстетический вкус которой они и сочинялись. К песенному жанру Сумароков приобщился, будучи воспитанником Сухопутного Шляхетного кадетского корпуса, «очага новой дворянской культуры» (Г.А. Гуковский), где царил атмосфера литера-

турных интересов, преподавалось театральное и музыкальное искусство¹³. Н.Н. Булич, ссылаясь на свидетельство академика Я. Штелина, писал, что в пору кадетской юности Сумарокова (а это 1732–1740 гг.) его песни, «с восторгом принятые при дворе и петые самыми знатными дамами», «были положены на музыку музыкантом Белиградским и петые с аккомпанементом лютни, тогдашнего модного инструмента»¹⁴. Причем первый исследователь творчества Сумарокова, отмечая сентиментальность тона его любовных песен, популярных в дворянской среде, и противопоставляя их народным песням, придерживался мнения, что «это собственно не песни, а романсы того времени»¹⁵. Автором многочисленных романсов называл Сумарокова в своей книге о русской любовной лирике XVIII в. А.А. Веселовский¹⁶, аналогичную позицию занимал и уникальный знаток русской песенной поэзии И.Н. Розанов¹⁷.

Песенные сочинения принесли успех начинающему поэту и заняли видное место в его последующем творчестве, однако в печатном виде при жизни Сумарокова почти не издавались. Рассчитанные на исполнение с музыкальным сопровождением, распространялись они главным образом в списках¹⁸. Впервые в полном объеме песни Сумарокова были опубликованы Н.И. Новиковым в составе посмертного десятилетнего собрания сочинений поэта 1781–1782 гг. (переизданного в 1787–1788 гг.). Но в 1760 г. в журнале М.М. Хераскова «Праздное время, в пользу употребленное» появилась публикация сумароковской песни «Ты сердце полонила...»¹⁹. А годом ранее Сумароков поместил шесть своих любовных песен в собственном журнале «Трудолюбивая пчела», что последовало сразу же за выходом первого в России печатного музыкально-поэтического сборника Г.Н. Теплова «Между делом безделье, или Собрание разных песен с приложенными тонами на три голоса» (1759), где были анонимно использованы эти тексты поэта²⁰.

В середине столетия в просвещенной дворянской среде, к которой по происхождению, воспитанию и образованию принадлежал Сумароков, поднялась очередная волна всеобщего увлечения домашним музицированием и бытовым камерным пением²¹. Начиная с петровского времени, музыкальное «любительство» в качестве досуга аристократического общества быстро приживалось в культурном обиходе российского дворянства, строившего свое бытовое поведение по общеевропейской модели²². Об установившейся к 1750-м гг. в новом дворянском быту моде на «распевание и тананакание любовных песенок» упоминается в мемуарах А.Т. Болотова²³.

Сумарокова, несомненно, привлекало скрещивание в песне словесного искусства, музыки и быта русского дворянства, позволявшее во всей полноте донести до аудитории замысел сочинителя. В своей программной статье «О стопосложении» Сумароков подчеркивал, что

«стопы не на благоволении нашем основаны, но на самом Естестве, и суть основание Музыки и толкований целого чувства...» [X, 58]²⁴, хорошо осознавая глубинную связь поэзии с музыкой. В предисловии составителя одного из наиболее полных и содержательных песенников XVIII в. – «Российской Эраты» (1792) – М.И. Попова в заслугу Сумарокову ставилось то, что он познакомил отечественную «публику» со «сладкозвучными» образцами поэтического «изъяснения нежного чувствования»: «сладость и прелесть его слога соделали ему подражателями всех молодых писателей, и вкусу его последуют еще и поныне, с неравными хотя по большей части успехами»²⁵. Однако свою задачу как автора популярных любовных песен сам поэт, безусловно, понимал гораздо шире. Благодаря песнетворчеству он имел возможность, удовлетворяя возросшие эстетические запросы культурных слоев русского общества, прививать российской дворянской молодежи «вкус» к возвышенным, благородным проявлениям любви, утверждать приоритетность духовно-нравственных ценностей, пробуждать в подрастающих «сынах отечества» стремление «ко приобретению добродетели».

Представитель послепетровского поколения дворянской интеллигенции выступил в песне, адресованной в первую очередь аристократическому «потребителю», активным выразителем и пропагандистом новой дворянской культуры, противостоявшей «тому «плебейскому» облику также новой и также европеизированной культуры, который воплощали люди петровского заката, типа Посошкова или Третьяковского, и который гениально воплотился в Ломоносове»²⁶. Отвергая назидательную дидактику в чистом виде, Сумароков отстаивал обязательное, с его точки зрения, в искусстве сочетание морализма с эстетической установкой, о чем поэт образно высказался в «Слове на открытие Академии художеств» (1764), сфокусировавшем основополагающие принципы его эстетики: «Нередко глаза пасомых животных привлекаются более цветоносными, нежели тучными лугами. А ежели луга и цветоносны и тучны, не сугубую ли они привлечения имеют силу?» [II, 313]. Ясно, что песня, позволявшая сочетать пользу и наслаждение, этическое и эстетическое, представлялась ему особенно благодатным художественным материалом.

В восьмой том «Полного собрания всех сочинений, в стихах и прозе...» Сумарокова Н.И. Новиков включил 162 песни, считая «песни театральные» и «хоры к маскараду». В общем массе собственно песен (всего их 129²⁷) по содержательному критерию выделяются: масонская («Кто хулит Франмасонов (так в новиковском издании. – С.Я.) ...», № 116), солдатская («Прости, моя любезная, мой свет, прости...», № 94), историческая («О ты, крепкой, крепкой, Бендер–град...», № 19), «философическая» («Лжи на свете нет меры...», № 96), сатирическая («Са-

вухка грешен...», № 27), пародийно-шуточные («О приятное приятство...», № 11; «Клав искать стал места...», № 25), посвященные друзьям («Благополучны дни...», № 1; «Жива ли, Каршин, ты?...», № 2). Абсолютное большинство (121 песня) представляют песни любовные, в их числе – стилизованные под фольклор («В роще девки гуляли...», № 8; «Не грусти, мой свет, мне грустно и самой», № 65; «Где ни гуляю, ни хожу...», № 70), пасторали («Успокой смятенный дух...», № 33, «Уже восходит солнце, стада идут в луга...», № 63, «Негде в маленьком леску...», № 64; «Пастух в любви сторая...» № 110 и др.), анакреонтические («Не гордитесь, красны девки...», № 41, «Лишив меня свободы...», № 66, «Почто тебе вздыхати...», № 115 и др.). Но основной фонд любовных песен составляют те, в которых эмоционально и с особой проникновенностью, «избраннейшими словами» передаются «всевозможные оттенки и виды любовной страсти», воспроизводятся «все фазисы любви»²⁸.

Именно эту категорию «страстью исполненных» песен Сумарокова правомерно, на наш взгляд, отнести к корпусу раннего русского романа, явившегося одним из песенных жанров новой российской словесности²⁹. Романс создавался поэтом как особый тип любовной песни с учетом рецепционных норм эстетически развитой аудитории. Ему надлежало в изысканно-галантной манере, далекой от неприязнительной манеры фольклорной песни, передавать возвышенные любовные переживания, оказавшиеся доступными российскому дворянству в результате приобщения к образованию и нормам общеевропейской культуры, и услаждать слух узкого, замкнутого круга просвещенных любителей поэзии и музыки. Такая разновидность песни, в которой утонченно воспевалось неудовлетворенное большей частью, но одухотворенное, облагораживающее любовное чувство, должна была вызывать живой эмоциональный отклик, подкрепляемый воздействием музыки, у слушателей, принадлежавших к дворянской культуре, открывая социально значимую в глазах Сумарокова перспективу «очищения сердец», «отвращения от пороков» прежде всего подрастающего поколения «первенствующего» сословия. От других песенных форм (любовно-лирических кантов, песен-стилизаций под простонародные, песен-пасторалей, анакреонтических песен) романс того времени отличался не только специфической узостью содержания, но и способом исполнения, условиями бытования. Рассчитанный на однополосное пение с музыкальным сопровождением в камерной обстановке, сумароковский романс обнаруживал явную преемственность с эстетикой галантно-сентиментальных «песен на миноват» первой трети XVIII в.

Романс не имел ни своего термина, ни официального статуса в жанровой системе поэта (и классицизма вообще), но отнести значительную часть любовных песен Сумарокова, обладающих

тематическим, стилистическим, функциональным своеобразием, к романсам позволительно, если исходить из того, что это песенный жанр, а песня в широком значении – некая «метажанровая форма»³⁰. В строгом смысле, речь здесь может и должна вестись лишь о признаках раннего романа, а точнее – песни-романса, поскольку романс воспринимался самим Сумароковым еще не как обособленный, самостоятельный жанр, но как одна из песенных разновидностей, своего рода «поджанр» песни (а соответственно, и не получил отдельного теоретического обоснования в эпистоле «О стихотворстве»); вместе с тем в песенной лирике поэта осуществлялось накопление тех мотивных и стилистических клише, мелодических и композиционных приемов, средств художественной выразительности, которые, в конечном счете, образовали семантико-структурное ядро нового жанра, что дало толчок развитию романса в литературной реальности XVIII в., предопределившему его расцвет в следующем столетии. И хотя жанровое обозначение «романс», признав жанр *de jure*, стали применять к поющим стихотворениям поэты русского сентиментализма, опирались они в своем творчестве на романсный опыт Сумарокова.

Приступив к разработке «правильной» любовной песни Сумароков, ощущавший свою причастность к европейской литературе, о чем свидетельствует стихотворение «Жива ли, Каршин, ты?..» (№ 2)³¹, впервые в русской поэзии наметил контуры национальной модели салонного чувствительного романса, процветавшего во Франции и Германии. Его пафосная доминанта – идея высокого, самозабвенного служения любви, возникшая в средневековой лирике провансальских трубадуров, которые «продолжали косвенно воздействовать на литературы Европы через творчество Петрарки и петраркистов»³², – отвечала сумароковским представлениям о любовном чувстве и задачах поэзии. Отказавшись от прямой подражательности, обозначившейся еще в песнях петровской эпохи и Тредиаковского, идя от потребностей отечественных читателей и слушателей (прежде всего нуждавшихся, по его мнению, в твердых морально-нравственных и эстетических ориентирах), Сумароков стремился не столько перенести в Россию немецко-французский стиль салонной любовной песни, сколько создать его российский эквивалент. В результате творческих поисков поэта песня-романс, имевшая глубокие европейские корни и опробованная в предшествовавшей Сумарокову песенной практике, органично вросла, хотя и без соответствующего наименования, которое появилось, как иногда случается в истории жанрообразования, *ex post*, в художественную систему новой русской лирики.

Песни-романсы Сумарокова соотносились с любовными песнями первой трети XVIII в. по небольшому объему, по стереотипности лирических сюжетов, строившихся вокруг традицион-

ных ситуаций несчастной любви (разлука, безответное чувство, непостоянство, неверность) и сопровождавшихся порой слабо развитой фабулой; по малочисленности и условности образов (за исключением мифологических, ибо «когда с возлюбленной любовник расстается, / Тогда Венера в мысль ему не попадется» [I: 344]); по наличию фаталистической причинности любовной драмы, мотивируемой действиями «злосердного рока», «случаев лютых», «судьбы жестокой»; по обилию поэтических штампов. Сохранив монологическую структуру книжной песни петровской эпохи (с неперменной адресованностью любовной тирады и субъектной формой высказывания как от лица мужчины, так и от имени женщины), Сумароков актуализировал «закодированное» в «памяти жанра» на этапе его зарождения и «эмбрионального» состояния интимно-эпистолярное осмысление лирического излияния.

Рассмотрим одно из типично романсных стихотворений Сумарокова:

Прости, мой свет, в последний раз
И помни, как тебя любил;
Злой час пришел мне слезы лить,
Я буду без тебя здесь жить;
О день! о час! о злая жизнь!
О время, как я счастлив был!
Куда мне в сей тоске бежать?
Где скрыться, ах, и что начать?
Печальна мысль терзает дух,
Я всех утех лишаюсь вдруг,
И помощи уж нет.
Прости, прости, мой свет.

Не будет дня, во дни часа,
В часе минуты мне такой,
Чтоб тень твоя ушла из глаз,
Я буду плакать всякой час,
Когда придут на мысль часы,
В которые я был с тобой:
Утечи прежни вспомнятся,
Глаза мои наполнятся
Потоками горчайших слез,
Что рок драгую жизнь унес,
Одну оставя страсть,
И лютую напасть.

Места! места дражайшая!
Свидетели утех моих;
Любезная страна и град,
Где сердце мне пронзил твой взгляд,
Вы будете в уме моем
Всегда в моих печалях злых,
И станете изображать,
Чего уже мне не видать.
О как я днесь несчастлив стал!
О рок! какой удар ты дал.
Возможно ли снести<?>
Прости, мой свет, прости! [№ 68, 265].

Стихотворение состоит из трех редко встречающихся в практике XVIII в. двенадцатистрочных неравных строф (десять строк строфы написаны 4-стопным, а две – 3-стопным ямбом), усложненных в интонационно-ритмическом отношении. Помимо своей нестандартной длины, они отличаются оригинальной схемой рифмовки (abcscdbeffgg – с нерифмованными первой и пятой строками) и сплошными мужскими окончаниями (кроме дактилического окончания первой строки третьей строфы). Во второй и третьей строфах наличествует enjambement («глаза мои наполнятся / Потоками горчайших слез»; «вы будете в уме моем / Всегда в моих печалях злых»). Мужская каталектика и переносы создают необычную систему паузирования – с эмфатическими паузами, которые налагаются на ритмические, послестиховые, – усиливающую эмоциональную взволнованность поэтической речи. Ритмичности строф служат их так называемые эффективные концовки: две заключительные укороченные строки, в которых концентрируется весь эмоциональный смысл строфы.

Тема несчастной любви получает реализацию в особом построении словесного материала и архитектонике произведения. Лирическим событием, создающим сюжет стихотворения, является разлука с возлюбленной, а основным его тематическим образом – страстное переживание этой разлуки. Лирический субъект открыто и непосредственно изливает свое горестное чувство, обращаясь к имплицитному адресату. Эмфатический характер стихотворной речи обусловлен интимно-лирической экспрессивной окраской лексики и фразеологии, использованием эмоциональных эпитетов и инверсий («злой час», «печальна мысль», «горчайших слез», «драгую жизнь», «лютую напасть», «места дражайшая», «печалях злых», «утехи прежни»; «глаза мои», «утех моих», «в уме моем»), разных видов повторов («о... – о... – о... – о...»), «прости, прости», «места! места») и параллелизмов («печальна мысль терзает дух, / я всех утех лишуюсь вдруг»; «утехи прежни вспомнятся, / Глаза мои наполнятся...»; «одну оставя страсть / И лютую напасть»). Рассредоточенные по всему тексту эмоциональные нагнетания («о день! о час! о злая жизнь! / О время, как я счастлив был! / Куда мне в сей тоске бежать? / Где скрыться, ах! и что начать?»; «не будет дня, во дни часа, / В часе минуты мне такой»; «места! места дражайшая! / Свидетели утех моих, / Любезная страна и град»; «о как я днесь несчастлив стал! / О рок! какой удар ты дал») придают речи лирического субъекта оттенок аффектированности. Усилению лексической экспрессии, нарастанию эмоционального напряжения и развитию тематического образа способствуют анафорическая композиция первой строфы, композиционная градация, объединяющая вторую и третью строфы и кольцевое строение целого стихотворения. Его разветвленная синтаксическая

структура включает многократные обращения («мой свет», «места! места дражайшая», «любезная страна и град», «о рок!»), императивы («прости», «помни»), междометия («о», «ах») и вопросительно-восклицательные конструкции, стилистически значимые для бытового любовного письма, – не патетичные риторические фигуры, а лиричные (в терминологии XVIII в. – не «высокие», а «нежные») обращения, восклицания, вопросы и сопровождающие их междометия³³.

Как можно видеть, стихотворение Сумарокова обладает признаками, на основании которых и с учетом принятой в современном литературоведении классификации основных интонационных типов стиха³⁴ оно может быть отнесено к типу напевной (или мелодической) интонации, к романсной форме напевного стиха. Примечательно, что и в эпистоле «О стихотворстве» поэт ввел образец песенного стихотворения, который в свернутом виде воспроизводит тематические, стилистические и композиционные особенности песни-романа «Прости, мой свет, в последний раз...», ср.:

Скажи прощаяся: «Прости теперь, мой свет!
Не будет дня, чтоб я, не зря очей любезных,
Не источал из глаз своих потоков слезных.
Места, свидетели минувших сладких дней,
Их станут вображать на памяти моей.
Уж начали меня терзати мысли люты,
И окончились приятны минуты.
Прости в последний раз и помни, как любил
[I, 343–344].

Заданная в эпистоле «схема», легитимирующая устойчивые черты поэтики жанра (идеализация и абстрагирование чувства от конкретных бытовых обстоятельств; ситуация разлуки; мотивы любовных горестей и воспоминаний; речевые коммуникативные элементы: обращения, в том числе к неодушевленному объекту восклицание, императивы; лексико-фразеологические клише; кольцевая композиция), варьируется в большинстве песен-романсов Сумарокова. Ср., например:

Сколько я плакал, будучи в разлуке?
Сколько исчезло дней в несносной скуке!
Ты вображалась всякой день, всеношно,
И повсеместно духу было тошно,
Не имел отрады.
Сердце терзали всяк час скорби люты,
Не был в покое ни одной минуты,
Помня милы взгляды... [№ 18, 199].

Песня-романс «Прости, мой свет, в последний раз...» была включена Сумароковым в его комедию «Чудовища» (1750). В 1795 г. музыку на этот текст написал выдающийся композитор О.А. Козловский, которого в конце XVIII в. называли «творителем нового рода российских песен», а современные музыковеды считают одним из даровитых основоположников русского романса³⁵. К этому стихотворению в русской поэзии восходит

традиция «прощальных» романсов, в которых исчерпывающе реализуется ведущий жанровый мотив, канонизированный Сумароковым, – любовь и разлука. Среди произведений, продолживших эту традицию в XIX в. и получивших воплощение в музыке, назовем только некоторые: «Разлука» («Расстались мы; на миг очарованьем...») Е.А. Баратынского, «Прощанье» («В последний раз твой образ милый...») А.С. Пушкина, «Прости на долгую разлуку!» Д.П. Ознобишина, «Тебе я счастья не давал довольно...» Н.П. Огарева, «Я говорил при расставаньи...» А.А. Фета, «Прощай» («Прощай!.. О да, прощай! Мне грустно...») Я.П. Полонского, «Прости» («Прости! Не помни дней паденья...») Н.А. Некрасова, «Прощаясь, в аллее...» Н.П. Грекова, «Прости на вечную разлуку, / В последний раз перед тобой...» Х. Шевцова, ««Прости на вечную разлуку!» – / Твой голос грустно прозвучал...» В.В. Крестовского, «Прости меня, прости! Когда в душе мятежной...» А.Н. Апухтина, «Прости меня! Спаси я обещал...» А.В. Афитеатрова; «Прости» («Мы долго шли рядом, одною дорогой...») Д.Н. Цертелева и др.

Ситуация разлуки с возлюбленной (или возлюбленным) разрабатывалась Сумароковым и в близкородственном романсу жанре любовной элегии («елегии еротической»). Элегия, существовавшая в русской поэзии с того же времени, что и романс, и первоначально исполнявшаяся с музыкою³⁶, в сумароковский период предназначалась для чтения. Интенсивно взаимодействовавшая со смежными жанрами, элегия в конце 1760-х гг. «распалась на составные элементы, разложилась: она давала материал для постройки систем других жанров, но сама была более не нужна поэзии»³⁷. Таким «материалом для постройки системы» романа послужила единая эмоционально-лирическая тема элегии – тема любовной утраты, звучание которой романс усилил ввиду своих интонационно-ритмических возможностей.

В поэтическом манифесте Сумарокова и элегия, и песня предстают «родами» стихотворства, художественно овладевающими сферой чувств. Законодательно устранив как в элегии, так и в песне главенство разума над сердцем, поэт и на практике стремился к достижению особой эмоциональной выразительности в обоих жанрах. Повышенная эмоциональность тона явилась одной из предпосылок жанровой диффузии элегии и песни-романса, наряду с общностью их сюжетно-семантических уровней и наличием у каждого из них более или менее развитого мелодического строя. И в элегиях, и в романсах Сумарокова развернуты константные лирические сюжеты, активизирующие семантические категории прошлого-настоящего и памяти-забвения. В произведениях обоих жанров сквозным мотивом выступает «вспоминовенье к горести»: «окончавшиеся» «приятные минуты», «минувшие сладкие дни», «век драгой» остаются «на памя-

ти» лирического субъекта, находящегося в мире человеческих отношений как бы вне конкретных пространственно-временных координат. Смена его эмоционального состояния от «всегдашней радости» к «всегдашней тоске» заключает в себе психологический смысл как элегической, так и романсной ситуации. Ностальгически переживаемая «премена люта» побуждает лирического субъекта «предпринять лютыя страсти объявить» [№ 42, 230]. Переходность, «промежуточность» ситуативной позиции субъекта речи служит сюжетно-композиционной мотивацией лирического излияния.

Но при всем сходстве эмоциональных импульсов выражение чувств и переживаний в романсах и элегиях поэта получает различную стилистическую интерпретацию, которая фиксируется в эмоционально-интонационных особенностях художественной речи и в особенностях ритмико-мелодической организации поэтических текстов, обуславливая своеобразие элегического и романсного лиризма. По точному наблюдению историка русской элегии Л.Г. Фризмана, «элегия Сумарокова – это всегда или почти всегда взволнованная речь, обращенная к кому-то или к чему-то»³⁸. Но даже на фоне «взволнованной» речи элегического субъекта, взволнованность которой не переходит, однако, определенного предела экзальтированности, иступленно страстная, эмоционально взвинченная, содержащая порой надрывные нотки речь более экспансивного романсного субъекта оставляет впечатление аффектированной, повышено экспрессивной, «слишком темпераментной» (по выражению И.Н. Розанова).

В монологически оформленных элегиях Сумарокова, как и в его романсах, лирическое чувство изливается открыто и прямо вследствие заданности адресата – обобщенного, в соответствии с эстетикой классицизма, образа возлюбленной³⁹. Подобно романсному, элегический субъект «своей драгой свой пламень открывает, / Иль с нею разлучась, представив те красы, / Со вздохами твердит прешедшие часы» [I, 336]. И в том, и в другом жанре лирическое «я» выступает в соотношении с лирическим «ты». Но если в элегии «царит» лирический субъект, полностью поглощенный, захваченный описанием того, что «сердце чувствует», то в романсе безусловную значимость приобретает адресат. Последний не просто задан для выражения страсти «я», а незримо присутствует в качестве его косвенного собеседника – второго, неслышимого, однако легко угадываемого голоса, к которому лирический субъект обращается с высокой степенью периодичности, что преобразует текст романа в имплицитный диалог. Внутренняя диалогичность романсного монолога обуславливается стремлением лирического «я» к взаимодействию с «ты».

Ситуативно предполагаемая речевая позиция адресата стимулирует коммуникативную активность романсного субъекта, испытывающего

острую потребность в том, чтобы быть «услышанным» во «встрече» с подразумеваемым «собеседником», приближая романс к посланию, которое «обладает специфическим предметом изображения – переживанием отношений общения»⁴⁰. Несмотря на то что в отличие от послания характеристика адресата (его данность, а не заданность) в романсе, так же как и в элегии, отсутствует или максимально обобщена, принципиальная для элегии одноцентричность монологической структуры в романсном монологе нарушается. Существование внутритекстовых коммуникативных различий подсказывается визуально устанавливаемой разницей в построении элегического и романсного монологов. Сопоставим фрагменты конкретных текстов:

Не вижу я тебя и разлучен судьбою,
Местами, временем надолго я с тобою,
Всечасно я глашу: мой рок тебя унес.
Внимают горы то, луга, потоки, лес,
Которы от очей моих тебя скрывают,
Но мысли никогда тебя не забывают.
Я помню о тебе всяк день и всяку ночь,
От мыслей ты моих не удалилась прочь.
Я все спокойствие мое тобою рушу:
Хотя тебя не зрю, люблю тебя, как душу.
Не столькомышлю я печася о себе,
Колико думаю, драгая, о тебе.
Заразов я твоих прелестные не знаю
И всеминутно их, горя, воспоминаю.
Наполнен разум мой приятностию сей...
[№ 6, 374]⁴¹.

Нет, не думай, дорогая,
Чтобы я неверен стал,
Чтоб, с тобою разлучившись,
О иной бы помышлял;
Ты последняя мя пленила
И любити запретила
Мне других, доколе жив.
Ты мой нрав и сердце знаешь,
Дорогая, больше всех,
Ты меня в печалях зрела,
Зрела и среди утех;
Вся душа тебе открылась,
Ты то знати научилась,
Тверд ли в мыслях я своих... [№ 62, 255–257].

При полном совпадении лирической ситуации и словаря любви сумароковская элегия в сравнении с романсом, который разделен на короткострочные хореические строфы небольшого объема, рифмующиеся по типу AbCbDDf (с незарифмованными 1-й, 3-й и 7-й строками в каждой строфе), и богаче интонирован благодаря усложненной ритмико-синтаксической организации, обладает более монолитной лирической структурой с четкими формальными признаками: астрофичностью и ритмико-мелодической монотонией, поддержанной «длинным» стихом повествовательного 6-стопного ямба в сочетании

с двустрочной рифмовкой и регулярным чередованием женских и мужских окончаний. Элегия предстает монологом, в котором факультативен, ослаблен или полностью отсутствует психологический состав общения, обязательный для романса. В этой связи любопытно, что в элегиях из VIII тома ПСВС в целом количество обращений к возлюбленной не превышает трехкратности и в среднем ограничивается одним – двумя, тогда как в песнях-романсах доходит до пяти, на основании чего можно говорить о свойственном романсу тяготении к непосредственным обращениям. Думается, что отмеченную тенденцию, в совокупности с особенностями синтаксиса, ритмики и строфики романса, следует рассматривать как внешнее проявление повышенных внутренних коммуникативных потенциалов жанра, генетически и функционально ориентированного на «реальное осуществление» в интимной обстановке камерного бытового музицирования, располагающей к доверительному общению исполнителей со слушателями.

Коммуникативная ситуация в романсе возникает как результат формального уподобления речевого поведения участника естественного акта общения и речевого поведения лирического субъекта. Монологические интенции последнего, подчеркнута направленные к адресату-«собеседнику» («не спрашивай меня, что сердце ощущает» [№ 12, 190]; «внимай, внимай теперь, драгая: / Отважу на слова себя» [№ 22, 205]; «полно мне, полно упрекать / Злою называть, / Перестань твердить, / Что тебя губити / Я ишу» [№ 43, 231]; «внимай, мой свет, внимай мой глас, / Ты мил мне сам» [№ 90, 292] и т.п.) и требующие ответной реакции («что сказала ты во сне, / Ах! скажи, скажи то мне / На яву, драгая!» [№ 73, 273], «я тебе открылся прежде, / Любишь ли и ты меня?» [№ 78, 278]; «чем тебя я оскорбила, / Ты скажи мне, дорогой!» [№ 123, 331]; «я тебе открылась ясно, / Жду того же напротив» [№ 123, 332]; «и открой то словом, что твои мне взгляды, / Дали уж довольно разуметь» [№ 85, 286]; «молви, молви откровенно, / Станешь ли меня любить, / Полно, полно по-таенно / О любви говорить» [№ 128, 337] и т.д.), размывают границы книжной и разговорной речи. Безусловно, романсный стих как стих напевный, более того, устремленный к поэтической приподнятости языка возвышенной любви, избегает примитивной имитации и специфических форм устной речи, перенимая лишь ее коммуникативную сущность, естественный строй. Однако Сумароков иногда, по-видимому, сознательно, в противоположность гиперболически высокому слогу любовной песни Петровской эпохи, допускал в свои песни-романсы прозаизмы – огрублявшие поэтический язык сугубо разговорные слова и обороты: «иль притворно он вздыхает / И меня *пересмехает*...» [№ 9, 187]; «*вон ступай* из мысли, не думай склонити / Нет уж, не старайся, не хочю любити» [№ 37, 224]; «*плюнь* на все, того

довольно, что друг друга любим» [№ 76, 276]; «пленник твой, пока дух в теле, / Верь, мой свет, ей-ей, не лгу» [№ 78, 278]; «пусть *разрываются*, кто позавидует / Жару любовному наших сердец» [№ 90, 290] и т.п.

Имплицитно присутствующий в песнях-романсах поэта адресат, с которым носитель лирического чувства, «лишась любовных разговоров» [№ 81, 281] наяву, мысленно продолжает общаться прежним «живым» способом, активизирует речевые возможности лирического субъекта, выводя их за пределы книжного типа речевого поведения. Любопытно, что в сумароковских текстах отчетливо артикулируется важнейшая особенность романсного лиризма – абсолютная эмотивная открытость лирического субъекта, непрерывно корреспондирующего с адресатом: «вся душа тебе открылась» [№ 62, 256]; «для чужих ты откровенно, / То сказать стыдишься мне?» [№ 71, 270]; «естыли любишь, не стыдися / Мне любовь свою сказать» [№ 78, 278]; «будешь ли доволен сердцем откровенным?» [№ 104, 309] и т.п. Если «необыкновенно самососредоточенный» и «замкнутый»⁴² элегический субъект более склонен к самооценке собственных страданий, то романсный субъект демонстрирует явную заинтересованность в достижении максимального вербального воздействия на адресата (несовпадение речевых целей того и другого бросается в глаза при текстуальных сопоставлениях). Неслучайно в суггестивной романсной речи преобладают экспрессивные речевые средства – «побудительные» императивные формы синтаксиса. Романсный текст, внутренняя коммуникативная ситуация которого соотносится с ситуацией бытовой речи, тяготеет к сильной апеллятивности, тогда как элегический – более автокоммуникативен⁴³.

Таким образом, песни-романсы Сумарокова отличаются от его элегий не только своим ритмико-мелодическим строем, подвижностью эмоций, но и с коммуникативной точки зрения. В романсе четко прослеживается зависимость основного – интенсифицированного – тона от специфической жанровой установки на коммуникативный эффект. Следовательно, есть основания утверждать, что поэт придал романсу совокупность признаков, которые обусловили его жанрово-стилистическое своеобразие, и по существу выступил родоначальником этой поэтической формы в русской словесности.

Примечания

- 1 См.: *Ливанова Т.Н.* Музыка доглинкинского периода. М.; Л., 1946. С. 13; *Чередниченко Т.* Песенная поэзия А.П. Сумарокова // *Традиции русской музыкальной культуры XVIII века: Сб. статей.* М., 1975. Вып. XXI. С. 136.
- 2 См.: *Гудошникова Я.И.* У истоков русской лирики (А.П. Сумароков как поэт-песенник) // *Филологические науки.* 1970. № 3. С. 14–24; *Луцевич Л.Ф.* Поэзия

А.П. Сумарокова: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1980; *Луцевич Л.Ф.* Психологическая лирика (песни) А.П. Сумарокова: Лирический субъект в песенной поэзии классицизма // *Проблемы изучения русской литературы XVIII века.* Л., 1982. Вып. 5: От классицизма к романтизму. С. 11–22; *Трубицына В.В.* Эстетические и художественные начала русской лирики и драмы в творчестве А.П. Сумарокова (песни, трагедии): Дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2006.

- 3 *Аверинцев С.С.* Историческая подвижность категории жанра: опыт периодизации // *Историческая поэтика: итоги и перспективы изучения.* М., 1986. С. 108.
- 4 Там же. С. 109.
- 5 Там же. С. 113.
- 6 *Белинский В.Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1978. Т. 3. С. 336.
- 7 *Гуковский Г.А.* Русская литература XVIII века. Л., 1939. С. 303.
- 8 *Хованский Г.А.* Мое праздное время, или Собрание некоторых мелких сочинений и переводов в стихах. СПб., 1793. С. 24.
- 9 Зритель. СПб., 1792. Ч. 1. С. 59–61.
- 10 Санкт-Петербургский Меркурий. СПб., 1793. Ч. 3. С. 111–113.
- 11 Александр Петрович Сумароков (1717–1777): Жизнь и творчество: Сб. статей и материалов / Сост. Е.П. Мстиславская. Рос. гос. б-ка. М., 2002. С. 5.
- 12 *Лейдерман Н.Л., Барковская Н.В.* Введение в литературоведение: Учеб.-метод. пособие. Екатеринбург, 1991. С. 44.
- 13 См.: *Русский биографический словарь.* Том «Суворова – Ткачев». М.; СПб., 1912. С. 152. См. также: *Левашиова О.Е. и др.* История русской музыки. М., 1990. Вып. 1. С древнейших времен до середины XIX века. С. 142.
- 14 *Булич Н.* Сумароков и современная ему критика. СПб., 1854. С. 19.
- 15 Там же. С. 103.
- 16 См.: *Веселовский А.А.* Любовная лирика XVIII века. К вопросу о взаимоотношении народной и художественной лирики XVIII века. СПб., 1909. С. 107. Глава «Поэзия сердечного вздыхания (Романс в русской литературе XVIII века)», посвященная анализу содержания и стиля произведений этого жанра и разграничению романса как «поэзии салонной, комнатной», характеризующейся «условным приятным стенанием», прециозным языком «ломаных метафор», с другими видами «внутренней лирики» (Там же. С. 93–134), положила начало исследованию данной проблемы, которая до сих пор остается недостаточно разработанной в нашем литературоведении.
- 17 См.: *Розанов И.Н.* Литературные репутации. М., 1990. С. 401.
- 18 См.: *Сельванюк Р.М.* К вопросу о рукописных источниках «Собрания разных песен» М.Д. Чулкова // *Учен. зап. Костром. пед. ин-та.* Кострома, 1960. Вып. 7. С. 328; *Берков П.Н.* Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750–1765. М.; Л., 1936. С. 108.
- 19 Праздное время, в пользу употребленное. 1760. 26 авг. С. 140–141.
- 20 Трудолюбивая пчела. 1759. Ноябрь.

- ²¹ См.: *Ливанова Т.Н.* Русская музыкальная культура XVIII века в ее связях с литературой, театром и бытом. Исследования и материалы: В 2 т. М., 1952. Т. 1. С. 66.
- ²² См.: *Лотман Ю.М.* Избранные статьи: В 3 т. Таллин, 1992. Т. 1. С. 248–268.
- ²³ *Болотов А.Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для потомков: В 2 т. М.; Л., 1931. Т. 1. С. 169.
- ²⁴ Здесь и далее при цитировании произведений Сумарокова в квадратных скобках указываются том и страница издания: *Сумароков А.П.* Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе...: В 10 ч. М., 1781–1782.
- ²⁵ Российская Эрата, или Выбор наилучших новейших российских песен, поныне сочиненных. СПб., 1792. Ч. 1. С. XI.
- ²⁶ *Гуковский Г.А.* Сумароков и его литературно-общественное окружение // История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1941. Т. 3. Литература XVIII века. Ч. 1. С. 349–350.
- ²⁷ При этом под № 49 и 114, а также 17 и 72 напечатаны одни и те же тексты соответственно «Стражду влюбившись, красота твоя...» и «Позабудь дни жизни сей...».
- ²⁸ *Сиповский В.В.* Русская лирика. Пг., 1914. Вып. 1. XVIII век. С. 307.
- ²⁹ В XVIII – начале XIX в. под песней понималась не только жанровая, но и родовая форма. Так, в «Кратком руководстве к российской словесности» (1808) И.М. Борна «собственно так называемая песня», представляющая область лирической поэзии, включает в свой состав романс, дифирамб, эпиграму, водевиль, балладу (см.: *Борн И.* Краткое руководство к российской словесности. СПб., 1808. С. 129). И в современном литературоведении песня осознается не только как конкретный жанр, как «одна из форм словесно-музыкального искусства» (*Лазутин С.Г.* Песня. КЛЭ: В 9 т. М., 1968. Т. 5. С. 711), но и как категория наджанровая, чем обосновывается необходимость жанрового деления песенной лирики (см.: *Сорокин В.Б.* О жанрах песенной лирики в русской литературе XVIII века // Жанровое своеобразие произведений русских писателей XVIII–XIX веков: Сб. науч. тр. М., 1980. С. 8–16).
- ³⁰ В новейшем справочном издании понятие «песня» трактуется как «совокупное определение стихотворных произведений разных жанров (альба, канцона, кант, романс, гимн), предназначенных или используемых для пения, а также написанных в форме стилизации народных песен» (*Джанумов С.А.* Песня // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина / Ин-т науч. инф. по обществ. наукам РАН. М., 2001. С. 742).
- ³¹ Это стихотворение, помещенное в новиковском издании в разделе песен, адресовано немецкой поэтессе Анне-Луизе Карш – «германской Сафе» (см.: Русская литература – век XVIII. Лирика / Сост., подгот. текстов и коммент. Н. Кочетковой, Е. Кукушкиной, К. Лаппо-Данилевского и др.; Вступ. ст. Н. Кочетковой. М., 1990. С. 662).
- ³² *Мейлах М.Б.* Язык трубадуров. М., 1975. С. 5.
- ³³ В поэзии XVIII в., как правило, с риторическими фигурами сочеталось междометие «о», с «нежными» – «ах» (см.: *Холшевников В.Е.* Основы стиховедения: Русское стихосложение. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1972. С. 155–156). У Сумарокова в «нежных» восклицаниях или обращениях нередко, как и в данном случае, ораторское «о» заменяло «ах», приближаясь к нему по эмоциональному содержанию.
- ³⁴ См.: *Холшевников В.Е.* Стиховедение и поэзия. Л., 1991. С. 85–123.
- ³⁵ См.: *Левашова О.Е.* История русской музыки. С. 194–195, 197.
- ³⁶ См.: *Панченко А.М.* Я эмигрировал в Древнюю Русь. Россия: история и культура. СПб., 2005. С. 407.
- ³⁷ *Гуковский Г.А.* Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века / Общ. ред. и вступ. ст. В.М. Живова. М., 2001. С. 115.
- ³⁸ *Фризман Л.* Два века русской элегии // Русская элегия XVIII – начала XIX века. Л., 1991. С. 12.
- ³⁹ В отличие от романсов поэта, его элегии написаны только от лица мужчины, поэтому неизменным их адресатом является женщина.
- ⁴⁰ *Шарафадина К.И.* Жанр послания в лирике А.С. Пушкина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1985. С. 10.
- ⁴¹ В скобках указаны порядковый номер элегии и страница VIII тома ПСВС (М., 1781–1782).
- ⁴² См.: *Луцевич Л.Ф.* Поэзия А.П. Сумарокова. С. 19–20.
- ⁴³ См.: *Левин Ю.И.* Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М., 1998. С. 464–480.

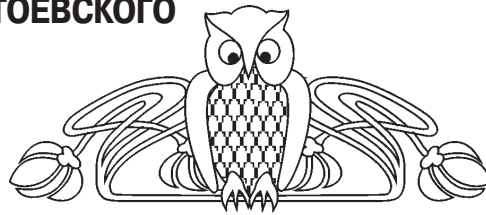

УДК 821.161.1.09-3+929 Достоевский

ОСОБЕННОСТИ МЕМУАРИСТИКИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО НА СТРАНИЦАХ «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ»

Д.Н. Целовальникова

Саратовский государственный университет,
кафедра английского языка и межкультурной коммуникации
E-mail:sto_jet2@mail.ru

Мемуарные страницы «Дневника писателя» являются отражением фактов общественно-политической жизни общества и литературы в личности Достоевского и обуславливают то нерасторжимое единство личного и общего, которым отличается жанр «Дневника». Особый интерес представляют страницы, которые посвящены писателям-современникам и помогают разностороннему и полному освещению литературных явлений того времени.

Ключевые слова: мемуаристика, жанровая диффузия, дневник, биографический, современники.

F.M. Dostoevsky's «The Writer's Diary»: Characteristics of Memoir Component

D.N. Tzelovalnikova

The memoir pages of "The Writer's Diary" reflect the public and political side of Dostoevsky – the man of letters, where the universal and the private are characteristically for "The Diary..." closely interwoven. The pages devoted to Dostoevsky's contemporary authors in particular help to see deeper into the literary process of the period.

Key words: memoirs, genre diffusion, diary, biographical, contemporaries

Побудительной причиной для создания мемуаров служит желание осмыслить свою жизнь, становление своего характера и в этом процессе найти отражение важных общественных проблем, поставленных эпохой и вытекающих для современности уроков. Особое внимание ко дню вчерашнему, вызываемое стремлением понять истоки дня сегодняшнего, стремительно развивавшиеся события общественной жизни России середины XIX в. и ощущение близости перемен, вызвали в эти годы повышенный интерес к мемуарной литературе.

Мемуары русских писателей-реалистов отличались широтой изображения жизни. В мемуарах обычно совмещалось несколько жанровых разновидностей: воспоминания, записки, дневники, автобиография. «Былое и думы» Герцена и «История моего современника» Короленко представляют собой одновременно и достоверный исторический источник, и выдающееся произведение искусства. «Семейная хроника» Аксакова – своего рода пример художественных мемуаров.

Более того, мемуаристика часто становилась лабораторией, где добывалось то новое, что затем обогащало другие жанры. Формирование мемуаристики шло по разным направлениям: литературный портрет, с явной тенденцией к типизации,

беглая зарисовка отдельного реально-бытового момента и характеристики, связанные с литературной критикой. В последней трети XIX в., когда не было критика, способного осмыслить и оценить творчество великих русских писателей, литературно-критический пафос мемуаров был важен и актуален.

Достоевский полагал, что авторитет его творчества дает ему право обратиться к читателям, русскому обществу прямо и непосредственно, руководствуясь собственными убеждениями писателя и общественного деятеля. Немаловажную роль играл и «педагогический» пафос, отчетливо проявившийся в его мироотношении в целом. Писатель испытывал страстное желание говорить напрямую с читателем, непосредственно влиять на ход социального развития, вносить незамедлительный вклад в улучшение отношений между людьми. Все это и побудило его в 1870-е гг. к созданию своеобразнейшего в жанровом отношении произведения – «Дневника писателя».

«Дневник писателя» отчетливо демонстрирует напряженное взаимодействие мировоззренческого и эстетического уровней в творческом сознании Достоевского. Художественное изображение в «Дневнике писателя» есть результат авторского отбора, и Достоевский, фиксируя многочисленные, наиболее значимые с его точки зрения факты современной ему действительности, организует их в концепционно единое целое. При этом его собственная позиция важнее изображаемых событий, он обнажает механизм своего мировоззренческого освоения действительности и тем самым учит правильному прочтению своих произведений. Он как бы ведет читателя по реальной жизни, неизменно находясь с ним рядом и комментируя и явления, открыто убеждая его в правомерности тех, а не иных трактовок и выводов. По художественному пространству его романов читатель пойдет уже сам, поскольку в соответствии с полифонической природой своего творчества Достоевский редуцирует свою единственно истинную оценку изображаемых событий. Читатель должен самостоятельно, без доминирующего авторского слова дойти до нее по вехам сюжетных ситуаций, параллельных сцен, героев и идей-двойников. По мнению В.В. Смирновой, Достоевский обратился к жанровой форме «Дневника писателя» в немалой степени для

того, чтобы «компенсировать отсутствие непосредственного общения с читающей публикой, обусловленное структурой авторского начала в полифоническом романе»¹.

«Дневник писателя» является отчетом обо всем, что представляло интерес для Достоевского лично, для России, ее будущего. В творчестве Достоевского мы наблюдаем своеобразную жанровую сложность, «жанровую диффузию» в рамках русского реализма второй половины XIX в. – он познает жизнь во множестве, в совокупности всех ее глубинных связей. Именно поэтому такое большое значение приобретают мемуарные страницы «Дневника писателя», в частности те из них, которые посвящены его собратам по перу и помогают разностороннему и полному освещению литературных явлений того времени.

По своей форме «Дневник писателя» близок к журналу. В нем, как и в любом журнале, есть и публицистические, и литературно-критические статьи, и очерковые образные зарисовки «текущих представляющихся фактов», и собственно художественные произведения – рассказы, повести. И в то же время «Дневник писателя» – это не журнал. Опубликованные в нем произведения принадлежат перу одного автора и объединены общностью замысла. По мнению Г.М. Фридлендера, используя их в соответствии с общими задачами «Дневника», Достоевский строит на этой основе особый, оригинальный жанр, образующий неповторимое художественное единство².

Характеризуя в общих чертах материал «Дневника писателя», можно выделить некие узловые моменты, вокруг которых концентрируется содержание отдельных выпусков издания. Одни и те же темы освещаются параллельно и в публицистике Достоевского, и в художественных произведениях, включенных в состав издания. В.А. Туниманов выделяет в тематическом комплексе каждого выпуска три обширных круга проблем, к которым постоянно обращается Достоевский-публицист. Это выступления писателя по юридическим вопросам (процессы Кронеберга, Каировой, Корниловой, Джунковских), политические статьи по Восточному вопросу и многообразный собственно литературный пласт «Дневника»: художественные произведения, мемуарные фрагменты, некрологи и речи о писателях, критические статьи и бесчисленные, имеющие исключительную ценность, эстетические фрагменты³.

Рассматривая «Дневник писателя» как своего рода творческий самоанализ и самоотчет Достоевского перед собой и перед «другими» – читателями, критиками, литераторами, современниками и потомками, можно утверждать, что выявление законов, по которым строится и живет собственно художественный мир писателя, в «нехудожественных» его рассуждениях применительно к Достоевскому актуально и органично. Ведь, подобно другим великим писателям последней трети XIX в., он так и не нашел адекватного свое-

му таланту критика и должен был сам разьяснять читающей публике смысл своих произведений и особенности своей поэтики.

Мемуарные фрагменты в «Дневнике писателя» представлены воспоминаниями о писателях-современниках, о петрашевцах и автобиографическими зарисовками. Воспоминания о писателях-современниках – это либо небольшие главки, например, посвященные Герцену и Белинскому, либо целая глава, например, некролог и очерк творчества Некрасова в декабрьском выпуске 1877 г. Образцом литературной критики является подробный разбор романа Толстого «Анна Каренина». Примечательно, что жанр литературной критики на страницах этого издания весьма своеобразен. По мнению В.В. Смирновой, разговор Достоевского о литературе вообще и русской литературе и ее задачах в частности, о типах, о простом копировании действительности и художественных картинах с «нравственным центром», оценки произведений современников и мировой классики «в «Дневнике» не изолированы, а возникают и разворачиваются в единстве более общих размышлений писателя о характере русской пореформенной действительности, отталкиваясь от злободневных, жгучих вопросов и фактов»⁴. Даже в своих литературно-критических оценках Достоевский рассматривает творчество писателей-современников в нравственной доминанте, неразрывной связи с социальными и насущными проблемами жизни.

Большое значение в мемуарном комплексе «Дневника» имеют мемуарные очерки Достоевского о Белинском и Герцене, самых значительных представителей той эпохи, когда молодой писатель вошел в литературу. Во вступлении к «Дневнику писателя» за 1873 год он приводит анекдот, рассказанный ему Герценом. Когда Белинский прочел Герцену свою статью «Разговор между господином А. и господином Б.», где сам Белинский выставлен очень умным, а оппонент его поплосше, тот заметил, что «видно, что ты очень умен, но только охота была тебе с таким дураком время терять». В ответ на это «Белинский бросился на диван, лицом в подушку, и закричал, смеясь, что есть мочи: Зарезал! Зарезал!» [21,8]. Эта беглая зарисовка характеризует Белинского с неожиданной стороны, добавляя еще одну черту в портрет великого русского критика. В то же время, упомянув книгу «С того берега» Герцена, рассказав притчу о нем и о споре между «господином А. и господином Б.», Достоевский «подготовил читателей к восприятию избранной им диалогической манеры изложения, при которой, с целью отыскания истины, он будет сталкивать в открытом диспуте аргументы равных по силе оппонентов»⁵.

Далее, в статье «Старые люди», Достоевский продолжает раздумья об исторической роли поколения 1840-х гг., начатые им в «Бесах», где Степан Трофимович Верховенский воплощал

обобщенный тип «идеального западника». Достоевский сделал попытку дать мемуарные очерки о Белинском и Герцене как самых значительных представителях той эпохи, оказавших, каждый по-своему, огромное воздействие на его формирование как художника и мыслителя.

Достоевский вспоминает свою первую встречу с Белинским, «каким я его тогда встретил и как он меня тогда встретил» [21, 8]. Несколькими яркими чертами он рисует портреты Белинского и Герцена, перемежая мемуарные фрагменты, воспоминания об их встречах с рассмотрением их общественно-политических взглядов и литературной критикой, свои впечатления и воспоминания – с биографическими фактами. Достоевский подчеркивает, что их социально-политические взгляды были диаметрально противоположны тому образу жизни, который они вели – оба они отрекались от основ прежнего общества, собственности, семейства, но при этом и Герцен, и Белинский были хорошими мужьями и отцами.

Эта глава имеет первостепенный интерес для понимания идейно-политических взглядов Достоевского, а идея противопоставления христианства и социализма становится сквозной для публицистики и творчества автора. При этом Достоевский стремится создать живое впечатление, его литературным портретам свойственна некая «броскость» изображения, которая достигается за счет личностного элемента в его отношении к писателям-современникам и литературно-критического пафоса этих описаний. Более подробно Достоевский снова описывает свое блестящее вступление в литературу в январском номере за 1877 г. в главе «Русская сатира. “Новь”. “Последние песни”». Старые воспоминания».

Жанровое разнообразие и своеобразие мемуаров Достоевского на страницах «Дневника писателя», внутреннюю сложность мемуаристики второй половины XIX в. можно представить, сравнив его воспоминания о последней встрече с Некрасовым и стихотворение в прозе Тургенева «Последнее свидание». Перед нами в конечном итоге два воспоминания, одно из которых входит в состав литературного пласта «Дневника писателя» и написано в мемуарном жанре, а другое художественное произведение. Для того чтобы понять специфику мемуарного метода Достоевского, сопоставим эти два разных по жанру произведения одного и того же события.

Стихотворение в прозе Тургенева «Последнее свидание»⁶ – о его последней встрече с Некрасовым написано уже после смерти поэта, в 1878 г. и является художественно оформленными мемуарами. В начале стихотворения нет никакой конкретики, ни причин разногласий – «... настал недобрый миг...», ни названия города, хотя речь идет о Петербурге, – «город, где он жил», нет даже имени Некрасова. Живописности мало, Тургенев скупно, в репортажном стиле описывает свой приход к нему. Далее происходит переход от репортажного

очерка к мемуарам, облеченным в стихотворение в прозе и подробный портрет умирающего друга. В конце стихотворения определенность вытесняют философские обобщения, конкретная человеческая судьба предстает как некий жизненный закон: описывается внезапное появление «белой женщины», которая соединяет их руки и словами «смерть нас примирила» Тургенев подводит итог и своей дружбе с Некрасовым, и его жизни.

Достоевский посвящает Некрасову почти целиком главу последнего декабрьского выпуска «Дневника писателя» за 1877 год [26; 11–126]. Глава написана в форме некролога, при этом очерк творчества русского поэта неотделим от литературной критики. В отличие от Тургенева, Достоевский начинает свой некролог предельно скупно и конкретно. Несколькими яркими чертами он рисует портрет умирающего, создавая живое впечатление, «броскость» описания. Потом он указывает точные дату и время ухудшения состояния Некрасова и его смерти. От скупого изложения фактов Достоевский переходит к подробному описанию впечатления, которое на него произвело последнее посещение умирающего, и тот отклик в его душе, который вызвала смерть человека, бывшего его другом в юности. Придя домой в тот вечер, он «не мог уже взяться за работу». Он перечитывает до самого утра три тома Некрасова и вспоминает, как будто проживает снова последние тридцать лет.

Достоевский припоминает «несколько мгновений, в которые, раз навсегда, обрисовался передо мною этот загадочный человек самой существенной и самой затаенной стороной своего духа», подробно описывая их недолгую душевную близость и скупно, намеками говорит о скором их отчуждении. «Помогли и недоразумения, и внешние обстоятельства, и добрые люди» [26; 111]. В отличие от Тургенева, у которого просто «настал недобрый миг – и мы расстались, как враги».

Далее следует подробное описание похорон, в котором неразрывно связаны воспоминания о речи самого Достоевского на могиле поэта, реакция молодежи на его слова. Воспоминания о личности Некрасова перемежаются литературной критикой его творчества. Следующая часть второй главы содержит развернутую характеристику и оценку поэзии Некрасова, его места в ряду русских поэтов, которые «приходили с новым словом».

Мемуарные фрагменты чередуются с фрагментами литературной критики: воспоминания о литературном дебюте в самом начале знакомства с Некрасовым, ссылке в Сибирь, перемежаются впечатлениями о первом прочтении стихов Некрасова, осознании величины его поэтического дара и роли стихов Некрасова в жизни автора «Дневника». Достоевский стремится осмыслить творчество Некрасова в контексте русского национального сознания, а также дать во многом обоснованное объяснение подкупающей искренности его поэзии.

Еще один яркий пример литературно-критического пафоса мемуарных фрагментов «Дневника писателя» присутствует в подробном разборе романа Толстого «Анна Каренина». И Достоевский и Толстой, великие писатели-современники, пристально следившие друг за другом, хотя и не были лично знакомы, но испытывали потребность личного и творческого общения друг с другом. Известно, что судьба не раз сводила их весьма близко, однако их личная встреча так и не состоялась. Несмотря на это, по мнению многих исследователей, духовное и творческое общение Толстого и Достоевского было весьма интенсивным и многообразным.

Достоевский восторженно встретил появление романа «Анна Каренина», посвятив ему ряд статей в «Дневнике писателя». В статье «Один из главнейших современных вопросов» в февральском выпуске «Дневника» за 1877 г. Достоевский говорит о своей попытке «как можно меньше говорить о текущих явлениях русской словесности», признавая, что он руководствуется при этом опасением быть обвиненным в пристрастности. Достоевский не совсем справедлив к себе: литературно-критический пласт «Дневника» 1876 г. содержателен и разнообразен, но значительных явлений современной русской литературы он действительно почти не затрагивал, хотя и задумывал для него статью о Гоголе, Щедрина и русской сатире. В «Дневнике» 1877 г. Достоевский многократно нарушает когда-то поставленное им себе правило не писать о литературных новинках, хотя и делает это не «в чисто беллетристическом и критическом смысле (...» а «...» «по поводу»» [25;51].

Обосновывая это отхождение от своего правила, он говорит о том, что он прочел «три-четыре страницы настоящей «злобы дня», – все, что есть важнейшего в наших русских текущих политических и социальных вопросах, и как бы собранное в одну точку». Достоевский внезапно почувствовал некое духовное родство с Толстым, он ощутил в романе Толстого то же стремление к постановке основных, остро болезненных вопросов русской и общеевропейской жизни, какое испытывал он сам. Описывая сцену болезни героини, встречи Каренина и Вронского, он говорит: «И вот вдруг все предубеждения мои были разбиты... и я понял всю существенную часть целей автора».

Так же восторженно Достоевский говорит о другой сцене, отвечающей «настоящей «злобе дня», о разговоре Стивы Облонского и Левина на охоте, где Облонский «в сущности, подписав приговор всей России и осудив ее, равно как своей семье, будущности своих детей, прямо объявляет, что это до него не касается». Он не ожидал, что автор решится довести своих героев до таких «столпов», покажет «самое главное и самое тревожное в этой же жизни». В образе Левина он видит «наступающую будущую Россию честных людей, которым нужна лишь одна правда» [25;57].

Необходимо отметить, что после опубликования Толстым восьмой главы «Анны Карениной» Достоевский значительно пересмотрел свое отношение к образу Левина.

Роман Толстого находится в центре июльско-августовского номера «Дневника писателя». Предыдущий выпуск «Дневника» был почти целиком посвящен обострению Восточного вопроса. При этом, по признанию самого Достоевского, в его сознании тесно переплелись и сложным образом совпали впечатления от двух, казалось бы, во всех смыслах различных фактов – литературного («Анна Каренина») и политического (освободительная война): «...факт впечатления от романа, от выдумки, от поэмы совпал в душе моей, нынешней весной, с огромным фактом объявления теперь идущей войны, и оба факта, оба впечатления нашли в уме моем действительную связь между собою и поразительную для меня точку обоюдного соприкосновения» [25;195]. Эти события и определили критический пафос отзыва Достоевского. Но, по мнению А.И. Батюто, «именно эта “действительная” связь между литературным и политическим фактами русской и европейской жизни 1870-х годов позволила Достоевскому, единственному из современников Толстого, найти верный масштаб для критической оценки “Анны Карениной” и поставить вопрос об историческом и мировом значении русского романа»⁷.

По ряду формальных признаков литературно-критические страницы «Дневника писателя» совершенно определенно несут в себе черты мемуарного жанра: им свойственны фактографичность, отказ от «игры» сюжетом, от нарочито художественных приемов. Предваряя разбор романа Толстого описанием своего разговора с «одним московским знакомым», Достоевский обращается к событиям прошлого, переосмысляя их по прошествии некоторого времени с точки зрения дня сегодняшнего. С высоты накопленного опыта Достоевский оценивает значение «Анны Карениной» в контексте не только русской литературы, но и самых основных, остро болезненных философских вопросов русской и европейской жизни XIX в. Достоевский неизбежно обращается к переоценке прошлых событий, перемежая свои воспоминания с оценочными суждениями и размышлениями о духовном состоянии общества и тенденциях исторического процесса.

На страницах «Дневника писателя» Достоевский неоднократно возвращается к воспоминаниям о петрашевцах. Примечательно, что в статье «Одна из современных фальшей» 1873 г. Достоевский несколько раз говорит «мы, петрашевцы», тогда как обычно ему было свойственно постоянное противопоставление «я» и «они», т.е. повышенное сознание своей исключительности. Тем самым он подчеркивает свою идею о том, что освободительные идеи исторически закономерно привлекали к себе в России умы не худшей, а лучшей части молодежи. Ведя полемику с со-

трудником «Русского мира», Достоевский, с одной стороны, дал комментарий к своим «Бесам», с другой – изложил свой взгляд на современное общественное движение и его исторические корни и вновь заглянул в свою душу, душу молодого человека, приносящего себя в жертву народному счастью.

Достоевский мыслит себя представителем сложного общественного и литературного развития в России за три десятилетия. Потому так постоянно и естественно в процессе обсуждения самых горячих вопросов современности Достоевский переходит к рассказу о себе. В «Дневник писателя» включены целые биографические главы: «Старые люди», «Нечто личное», «Одна из современных фальшей» (1873), «Одно слово по поводу моей биографии», «Мужик Марей», «За умершего» (1876), «Русская сатира. Старые воспоминания», «История глагола “стусшеваться”» (1877). Кроме того, по мнению Л.М. Розенблюм⁸, «биографизмом» проникнуто все повествование «Дневника».

В «личной» теме «Дневника» особенно выделяются Достоевским те события прошлого, которые, будучи вехами его собственной жизни, имеют «назидательный» смысл: «Человек (...) уже по самой необходимости наклонен отмечать как бы точки в своем прошлом, чтобы по ним потом ориентироваться в дальнейшем и выводить по ним хотя бы нечто целое, для порядка и собственного назидания» [24;44]. При этом «собственное назидание» в «Дневнике» становилось общественным. Такие «точки» биографии, к которым чаще всего обращается писатель, – годы детства и юности с воспоминаниями о мужике Марее и фельдъегерской тройке, блестящее вступление в литературу с романом «Бедные люди» и встречи с Белинским, незабываемые минуты «смертного страха» на Семеновском плацу и годы сибирской каторги.

Мемуарные страницы «Дневника писателя» являются отражением фактов общественно-

политической жизни общества и литературы в личности Достоевского и определяют то нерасторжимое единство личного и общего, которым отличается жанр «Дневника». Достоевский расширяет причинность и обусловленность частного случая, ведя читателя от понимания духовного масштаба русского народа до осознания тех общественно-политических перемен, значение которых еще не было до конца осмыслено и требовало публицистического разрешения вопроса. Факты и воспоминания включены в определенную концепцию о народе, России и мировоззренчески освоены. Особое место занимает литературно-критический аспект в стремлении Достоевского осмыслить творчество писателей-современников в контексте русского национального сознания.

Примечания

- 1 Смирнова В.В. Ф.М. Достоевский о своем реализме на страницах «Дневника писателя» // Писатель. Критик. Журнал: Сб. науч. тр. Саратов, 2007. С. 43.
- 2 Фридендер Г.М. Примечания // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Л., 1981. Т. 22. С. 279. Далее произведения Достоевского цитируются по этому изданию с указанием в тексте в скобках тома и страницы.
- 3 Туниманов В.А. Публицистика Достоевского. «Дневник писателя» // Достоевский-художник и мыслитель. М., 1972. С. 167–168.
- 4 Смирнова В.В. «Дневник писателя». К проблеме творческого самоанализа Ф.М. Достоевского // Русская литературная критика. Саратов, 1988. С. 67–68.
- 5 Туниманов В.А. Указ. соч. С. 183.
- 6 Тургенев И.С. Последнее свидание // Тургенев И.С. Собр. соч.: В 5 т. М., 1994. Т. 3. С. 495.
- 7 Батюто А.И. Примечания // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Л., 1981. Т. 25. С. 337.
- 8 Розенблюм Л.М. Творческие дневники Достоевского. М., 1981. С. 56.

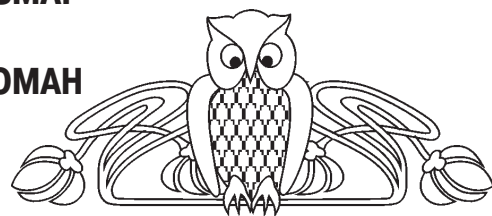
УДК 821.112.2.09.:316.255+929 Зиммель

ТЕОРИЯ УРБАНИЗМА И ПРАКТИКА МОДЕРНИЗМА: ЭССЕ ГЕОРГА ЗИММЕЛЯ «БОЛЬШИЕ ГОРОДА И ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ» И МОДЕРНИСТСКИЙ РОМАН «БОЛЬШОГО ГОРОДА»

А.Г. Кабисов

Саратовский государственный университет,
кафедра зарубежной литературы и журналистики
E-mail: KabAG@mail.ru

В статье анализируется один из основополагающих текстов теории урбанизма – эссе Георга Зиммеля «Большие города и духовная жизнь» (1903). Как и работы других немецких мыслителей рубежа

веков, зиммелевская интерпретация опыта жизни в современном мегаполисе во многом перекликается с одновременно создававшимися в литературе художественными образами города. Аспекты жизни мегаполиса, освещенные Зиммелем, организуют все уровни повествования в модернистском «романе большого города».

Ключевые слова: Зиммель, урбанизм, мегаполис, модернизм, «роман большого города».

трудником «Русского мира», Достоевский, с одной стороны, дал комментарий к своим «Бесам», с другой – изложил свой взгляд на современное общественное движение и его исторические корни и вновь заглянул в свою душу, душу молодого человека, приносящего себя в жертву народному счастью.

Достоевский мыслит себя представителем сложного общественного и литературного развития в России за три десятилетия. Потому так постоянно и естественно в процессе обсуждения самых горячих вопросов современности Достоевский переходит к рассказу о себе. В «Дневник писателя» включены целые биографические главы: «Старые люди», «Нечто личное», «Одна из современных фальшей» (1873), «Одно слово по поводу моей биографии», «Мужик Марей», «За умершего» (1876), «Русская сатира. Старые воспоминания», «История глагола “стусшеваться”» (1877). Кроме того, по мнению Л.М. Розенблюм⁸, «биографизмом» проникнуто все повествование «Дневника».

В «личной» теме «Дневника» особенно выделяются Достоевским те события прошлого, которые, будучи вехами его собственной жизни, имеют «назидательный» смысл: «Человек (...) уже по самой необходимости наклонен отмечать как бы точки в своем прошлом, чтобы по ним потом ориентироваться в дальнейшем и выводить по ним хотя бы нечто целое, для порядка и собственного назидания» [24;44]. При этом «собственное назидание» в «Дневнике» становилось общественным. Такие «точки» биографии, к которым чаще всего обращается писатель, – годы детства и юности с воспоминаниями о мужике Марее и фельдъегерской тройке, блестящее вступление в литературу с романом «Бедные люди» и встречи с Белинским, незабываемые минуты «смертного страха» на Семеновском плацу и годы сибирской каторги.

Мемуарные страницы «Дневника писателя» являются отражением фактов общественно-

политической жизни общества и литературы в личности Достоевского и определяют то нерасторжимое единство личного и общего, которым отличается жанр «Дневника». Достоевский расширяет причинность и обусловленность частного случая, ведя читателя от понимания духовного масштаба русского народа до осознания тех общественно-политических перемен, значение которых еще не было до конца осмыслено и требовало публицистического разрешения вопроса. Факты и воспоминания включены в определенную концепцию о народе, России и мировоззренчески освоены. Особое место занимает литературно-критический аспект в стремлении Достоевского осмыслить творчество писателей-современников в контексте русского национального сознания.

Примечания

- 1 Смирнова В.В. Ф.М. Достоевский о своем реализме на страницах «Дневника писателя» // Писатель. Критик. Журнал: Сб. науч. тр. Саратов, 2007. С. 43.
- 2 Фридендер Г.М. Примечания // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Л., 1981. Т. 22. С. 279. Далее произведения Достоевского цитируются по этому изданию с указанием в тексте в скобках тома и страницы.
- 3 Туниманов В.А. Публицистика Достоевского. «Дневник писателя» // Достоевский-художник и мыслитель. М., 1972. С. 167–168.
- 4 Смирнова В.В. «Дневник писателя». К проблеме творческого самоанализа Ф.М. Достоевского // Русская литературная критика. Саратов, 1988. С. 67–68.
- 5 Туниманов В.А. Указ. соч. С. 183.
- 6 Тургенев И.С. Последнее свидание // Тургенев И.С. Собр. соч.: В 5 т. М., 1994. Т. 3. С. 495.
- 7 Батюто А.И. Примечания // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Л., 1981. Т. 25. С. 337.
- 8 Розенблюм Л.М. Творческие дневники Достоевского. М., 1981. С. 56.

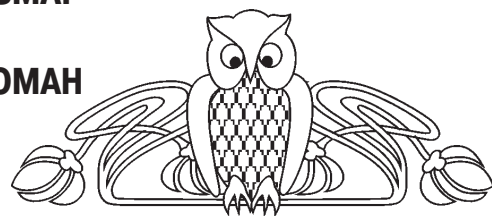
УДК 821.112.2.09.:316.255+929 Зиммель

ТЕОРИЯ УРБАНИЗМА И ПРАКТИКА МОДЕРНИЗМА: ЭССЕ ГЕОРГА ЗИММЕЛЯ «БОЛЬШИЕ ГОРОДА И ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ» И МОДЕРНИСТСКИЙ РОМАН «БОЛЬШОГО ГОРОДА»

А.Г. Кабисов

Саратовский государственный университет,
кафедра зарубежной литературы и журналистики
E-mail: KabAG@mail.ru

В статье анализируется один из основополагающих текстов теории урбанизма – эссе Георга Зиммеля «Большие города и духовная жизнь» (1903). Как и работы других немецких мыслителей рубежа

веков, зиммелевская интерпретация опыта жизни в современном мегаполисе во многом перекликается с одновременно создававшимися в литературе художественными образами города. Аспекты жизни мегаполиса, освещенные Зиммелем, организуют все уровни повествования в модернистском «романе большого города».

Ключевые слова: Зиммель, урбанизм, мегаполис, модернизм, «роман большого города».

Urban Theory and Practice of Literary Modernism: Georg Simmel's Essay «The Metropolis and Mental Life» and the Modernist Großstadtroman

A.G. Kabisov

The article analyses one of the fundamental texts of urban theory – Georg Simmel's essay «The Metropolis and Mental Life» (1903). Like other works of German thinkers at the turn of the twentieth century, Simmel's interpretation of urban experience is shown to correlate with literary images of the city produced by modernist Großstadtroman. Aspects of metropolis, elucidated by Simmel, provide structural patterns for the genre.

Key words: Georg Simmel, urbanism, metropolis, modernism, metropolitan novel.

В последние десятилетия в мировой науке резко возрос интерес к феномену мегаполиса, что привело к формированию особой гуманитарной дисциплины – городских исследований (urban studies). Наряду с изучением пространственной организации, экономики, социологии и истории города, важное место в городских исследованиях занимает анализ образов мегаполиса, в частности его художественных репрезентаций, их символического содержания. Все чаще объектом внимания современных исследователей становятся и образы мегаполисов, созданные основоположниками теории урбанизма – по преимуществу немецкими¹ философами культуры и социологами конца XIX – начала XX в. – Георгом Зиммелем, Максом Вебером, Вернером Зомбартом, Вальтером Беньямином и др.² Их работы снова и снова подвергаются анализу, пере- и доосмыслению. Их идеи и методы пытаются вписать в ту или иную парадигму или же, наоборот, показать их самобытность и исследовательский потенциал, благодаря которым они остаются столь востребованными даже спустя столетие.

С аналогичным постоянством и интенсивностью литературоведы обращаются примерно к тому же периоду – к эпохе генезиса модернизма в конце XIX в. и расцвета модернистского романа в 1920-е годы³. Причем значительная часть этих работ рассматривает проблему модернизма в тесной связи с феноменом мегаполиса, его репрезентацией и влиянием урбанистического образа жизни на восприятие действительности и способы создания художественного текста⁴. Эти вопросы актуальны и по отношению к современной литературе, поскольку жанр «романа большого города», похоже, еще далеко не исчерпал себя.

Подобное «совмещение стрелок» проблематики социологической теории и художественной литературы (а вслед за ней и литературоведения), указывающих на мегаполис, конечно, не случайно и происходит не впервые. Отдавая себе отчет в механистичности и ограниченности применения этой метафоры, можно сказать, что подобно тому, как часы служат человеку, в конечном счете, эквивалентом вращения Земли вокруг собственной оси

и Солнца, репрезентация города в художественной литературе и гуманитарной мысли показывает изменение состояния и значимости этого феномена в культуре⁵. С момента появления в начале XIX в. на этих часах стрелки социологии, ее связь со стрелкой художественной репрезентации определяется сложным и нелинейным механизмом взаимных влияний и интерпретаций.

Дэвид Фризби подробно рассматривает смысловые пересечения работ социологов и философов рубежа XIX–XX в. с репрезентацией Берлина в искусстве экспрессионизма. Анализируя высказывания Тённиса, Ратенау, Фриделя, Энделя, Зомбарта, Зиммеля, Кракауэра и Блоха, он убедительно доказывает свой тезис: «Многие из этих присутствующих в социальной теории реакций на опыт жизни в мегаполисе предвосхищают и освещают различные аспекты экспрессионистских репрезентаций большого города»⁶.

Мы же в данной статье ограничимся анализом программного эссе Георга Зиммеля «Большие города и духовная жизнь» (1903), с тем чтобы показать, что объединяет идеи этого немецкого социолога со спецификой модернистского романа мегаполиса.

Первые же строки эссе о борьбе индивидуума за свою самостоятельность и самобытность с давлением общества, исторической традицией, внешней культурой и техникой жизни, являющейся источником «глубочайших проблем современной жизни», обнаруживают параллели с филологической концепцией конфликта героя и внешнего мира как основы эпических жанров, что уже устанавливает определенную близость между атмосферой современного мегаполиса и пространством романа.

Далее Зиммель обращается к психологическим аспектам урбанизма: «Психологическая основа, на которой выступает индивидуальность большого города, – это *повышенная*⁷ нервность жизни, происходящая от быстрой и непрерывной смены внешних и внутренних впечатлений»⁸.

Ту же смену впечатлений современные критики считают и психологической основой городского романа: «Решающим новшеством в романе второй половины XIX в. – начала XX в. <...> стал сдвиг в сторону повествования, описывающего цепочку одномоментных ощущений – сенсорных, нервных, ментальных – главного героя или героев. Я назову эту повествовательную манеру «реализмом ощущения»; она может служить основой повествования даже у тех романистов, которые глубоко озабочены социальной и материальной действительностью. На пересечении постепенного развертывания «реализма ощущений» и возникновения городской реальности нового порядка и будет строиться наше рассмотрение романистов от Флобера до Кафки и Джойса»⁹.

В текстах модернистов 1920-х гг. – Джойса, Дёблина, Дос Пассоса, Вулф – эта черта нового романа проявлена наиболее ярко, поскольку авто-

ры, осознавая дискретность и обилие сенсорных и ментальных впечатлений горожанина, не только изображают их воздействие на персонажей, но и стремятся воссоздать эту городскую атмосферу в форме романа, погружая в нее читателя с помощью приемов художественного монтажа, «потока сознания», постоянной смены планов и повествовательных перспектив. Кроме того, в модернистских текстах центральные персонажи, живущие в большом городе, очень часто имеют признаки тех или иных психических отклонений и травм, как, например, Септимус Уоррен-Смит в романе В. Вулф «Миссис Дэллоуэй», болезненно воспринимающий реальность Лондона и в итоге совершающий самоубийство.

Более традиционалистским элементом зиммелевских размышлений выглядит оппозиция рассудочности мегаполиса и преобладания чувственной составляющей в жизни маленьких городов и деревень: «И тот глубокий контраст, который существует между жизнью большого города и жизнью маленького города или деревни, отличающейся медленным, привычным и равномерным ритмом душевной и умственной жизни, этот глубокий контраст вносится в наши органы чувств, – этот фундамент нашей душевной жизни, – и в то количество сознания, затраты которого требует от нас, как от существ, познающих лишь на основании различий, большой город» (23).

Здесь стоит обратить внимание на лексику, которой пользуется автор: на наш взгляд, ключевым словом в этом отрывке является прилагательное «привычный»¹⁰. Зиммель в подтверждение своей же мысли о «познании на основании различий» мыслит мегаполис в сравнении с «деревней», т.е. с до-урбанистическими формами социальной жизни, признавая за ними статус точки отсчета не только в историческом ракурсе, но и в личном опыте индивидуума. О том же говорит и упомянутое выше «усиление работы нервной системы» (*Steigerung des Nervenlebens*). Осмысление мегаполиса в сравнении с деревней объясняется тем, что на рубеже XIX–XX в. население европейских метрополий и особенно Берлина (который и стал прообразом мегаполиса в эссе Зиммеля) росло чрезвычайно быстро: «... в 1870 году, в момент объединения [Германии], население Берлина составляло более трех четвертей миллиона человек, к 1895 году оно насчитывало один миллион, а в 1920 году в Большом Берлине проживало уже около четырех миллионов человек»¹¹.

Понятно, что такой рост населения обеспечивался в основном переселенцами из прилегающей сельской местности и относительно небольших городов. Поэтому большинство живущих в Берлине людей действительно могли воспринимать его только в сравнении с теми населенными пунктами, откуда они приехали. Но к началу XX в. Берлин не мог восприниматься как привычная, «естественная» среда даже коренными жителями, в том числе самим Зиммелем, поскольку за те же

50 лет в городе стремительно проходил масштабный процесс модернизации – массового строительства, реконструкции, создания транспортных сетей и коммуникаций, технического оснащения. Соответственно менялся и образ жизни. Отсюда и принципиальная динамичность и компаративность исходных позиций социолога – *повышение* нервности жизни и противопоставление большого города более привычной деревне.

От традиционного для западноевропейской культуры противопоставления города и деревни интерпретацию Зиммеля отличает попытка объяснить причины этого контраста. Интеллектуализм, рассудочность и равнодушие горожан Зиммель считает, с одной стороны, «своего рода охраной субъективной жизни от насилия большого города», с другой же – следствием включенности городских жителей в денежный тип хозяйства: «Деньги спрашивают только о том, что является общим для всех соответствующих явлений, а именно о меновой ценности, которая нивелирует всякое качество и всякую оригинальность под единый критерий количества. Все душевные отношения между людьми основаны на их индивидуальности, тогда как рассудочные отношения считаются с людьми как с цифрами, как с элементами, по существу совершенно безразличными, ценными лишь по их объективному, поддающимся точному взвешиванию трудам» (24).

Отождествление денег с рассудочностью, бездушностью, безликостью и противопоставление их индивидуальности, чувству, «настоящим» ценностям стало одной из самых характерных тем еще в литературе романтизма. Пожалуй, наибольшей масштабности и остроты эта тенденция достигла в творчестве Бальзака. Поэтому естественно, что и модернистские репрезентации мегаполисов как будто вторят Зиммелю. В частности, в «Берлин, Александерплац» Дёблина и в «Манхэттене» Дос Пассоса именно деньги определяют взаимоотношения персонажей с городом и друг с другом.

В своем эссе Зиммель связывает со спецификой жизни в мегаполисе и проблему внутренней свободы личности, также одну из ключевых в произведениях романтиков: «... житель большого города «свободен» (в духовном, утонченном смысле) сравнительно с мелочностью и предрассудками, связывающими жителя маленького города. В самом деле, независимость индивидуума, являющаяся результатом взаимной замкнутости и безразличия, составляющих условия духовной жизни наших широких кругов, нигде не чувствуется так сильно, как в тесной сутолоке больших городов, потому что физическая близость и скученность только подчеркивают духовную отдаленность» (31).

В сущности, ту же картину рисуют и модернистские «городские» романы: их персонажи постоянно окружены людьми – уличной толпой, пассажирами городского транспорта, посетителями ресторанов, кинотеатров, контор, гостиных и

ночлежек, но почти всегда они совершают те или иные шаги, побуждаемые лишь собственными интересами, расчетами и эмоциями. Каждый из них, будучи одним из миллионов жителей мегаполиса и одним из десятков персонажей романа, воспринимается как фигура автономная, связанная с другими действующими лицами лишь временно и в известной степени случайно. Способствует этому и то, что в подобных текстах редко присутствует информация о жизни героев до начала повествования и об их социальных связях. Читатель воспринимает их как случайных знакомых, чем-то привлекших его внимание в городской суматохе. Кроме того, по отношению к персонажам модернистских романов совершенно справедливо и утверждение Зиммеля: «Здесь, как и вообще, отнюдь не необходимо, чтобы свобода человека отражалась в его душевной жизни ощущением благополучия» (31).

Особое значение для творчества многих модернистов, как и для немецкого социолога, имеет мысль в том, что «из каждого пункта на поверхности жизни можно опустить лот в самые глубины души, что все самые банальные внешности связаны в последнем счете с конечным решением вопроса о смысле и стиле жизни» (27). Зиммелю это убеждение дает возможность связать пунктуальность и расчетливость городской жизни с уничтожением «тех иррациональных, инстинктивных самовластных свойств и импульсов, которые имеют склонность самостоятельно определять формы жизни вместо того, чтобы брать ее извне в виде готовой схемы». У писателей же этот «лот с поверхности жизни в глубины души» принимает форму особого внимания к деталям и произвольного перехода в повествовании от внешней для персонажа или рассказчика реальности к его «потoku сознания», воспоминаниям и эмоциональным реакциям.

Рассмотренные аналогии в изображении жизни мегаполиса, в подходах к ее анализу и интерпретации писателей-модернистов и Зиммеля, безусловно опиравшегося на накопленный опыт социологии, подводят к выводу о том, что в начале XX в. лучшие представители социальной теории и литературы передают, с позиций гуманитарного знания и искусства соответственно, сконцентрированный в мегаполисах дух современности, о котором еще в 1863 г. писал Шарль Бодлер¹².

Примечания

¹ Такой интерес к урбанизму именно немецких ученых можно объяснить тем, что в начале XX в. Берлин был

самым «молодым», самым современным и динамично развивающимся мегаполисом Европы.

- ² См., например: *Vidler A. Agoraphobia: Spatial estrangement in Georg Simmel and Siegfried Kracauer // New German Critique. No. 54, Special iss. on Siegfried Kracauer. Autumn, 1991. P. 31–45; Keith M. Walter Benjamin, urban studies and the narratives of city life // The Blackwell City Reader. Blackwell Publishing Ltd., 2002. P. 410–426; Pile S. Sleepwalking in the modern city: Walter Benjamin and Sigmund Freud in the world of dreams // A Companion to the City. Blackwell Publishing Ltd., 2000. P. 75–86.*
- ³ Назовем здесь хотя бы «Улисса» (1922) Дж. Джойса, «Бесплодную землю» (1922) Т.С. Элиота, «Петербург» (1913–1922) А. Белого, «Миссис Дэллоуэй» (1924) В. Вулф, «Процесс» (1925) Ф. Кафки, «Манхэттен» (1925) Дж. Дос Пассоса, «Берлин, Александерплац» (1929) А. Дёблина.
- ⁴ См., напр.: *Die Unwirklichkeit der Städte: Großstadtdarstellungen zwischen Moderne und Postmoderne / Hrsg. von K.R. Scherpe. Reinbek, 1988; Bradbury M. The cities of modernism // Bradbury M. & McFarlane J. (eds.). Modernism. Penguin Books, 1976; Leehan R. The City in Literature: an intellectual and cultural history. Berkeley: University of California Press, 1998; Johnson J. Literary Geography: Joyce, Woolf and the city // A Companion to the City. Blackwell Publishing Ltd., 2000. P. 60–70; Alter R. Imagined cities: Urban experience and the language of novel. Yale: Yale University Press, 2006.*
- ⁵ Набор таких «стрелок» можно дополнить репрезентациями города в языке, в других видах искусства и в массовой культуре.
- ⁶ *Фризби Д. Разрушение города: Социальная теория, мегаполис и экспрессионизм // Логос: Журн. по философии и прагматике культуры. 2002. № 3–4 (34). С. 257.*
- ⁷ Цитируемый перевод, опубликованный в журнале «Логос» без указания имени переводчика, местами не совсем верен. В оригинале эссе (*Simmel G. Die Grossstadte und das Geistesleben // Die Grossstadt. Jahrbuch der Gehe-Stiftung zu Dresden, 1903. 9. S. 185–206*) – «*Steigerung des Nervenlebens*» (курсив Зиммеля). Здесь речь идет скорее о «повышении уровня нервной жизни», т.е. интенсификации работы нервной системы.
- ⁸ *Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос: Журн. по философии и прагматике культуры. 2002. № 3–4 (34). С. 23.* В дальнейшем эссе цитируется по этому изданию с указанием номера страницы в круглых скобках.
- ⁹ *Alter R. Imagined cities. Yale: Yale University Press, 2006. P. X.*
- ¹⁰ В оригинале эссе *gewohnter* – «более привычный».
- ¹¹ *Фризби Д. Указ. соч. С. 259.*
- ¹² См.: *Бодлер Ш. Художник современной жизни // Шарль Бодлер об искусстве / Сост. Ю.Н. Стефанова, А.Д. Чегодаева. М., 1986.*

УДК 821.161.1.09-2+929Тургенев

«СЮЖЕТЫ В ФОРМЕ ДИАЛОГА»: ЖАНРОВАЯ РЕМАРКА ПЬЕС ТУРГЕНЕВА. ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

А.Н. Зорин

Саратовский государственный университет,
кафедра общего литературоведения и журналистики
E-mail: art-zorin@yandex.ru

Драматические произведения Тургенева – результат его экспериментов в области жанра. Поиск новых сценических форм – такую задачу ставил он себе в условиях кризиса отечественного театра. Психологизация драмы, комедия и спрятанные в ней архетипические сюжеты античных трагедий, свободное смешение традиционных сюжетов и коллизий – все это, в той или иной степени, закодировано в авторской ремарке, определяющей жанр. Интерпретаторы тургеневских пьес уже больше века пытаются разгадать эти коды.

Ключевые слова: диалог, ремарка, драматургия, жанр, психологизация, архетипические сюжеты.

«Plots in the Form of Dialogue»: Author's Notes in Turgenev's Plays. Aspect of Interpretation

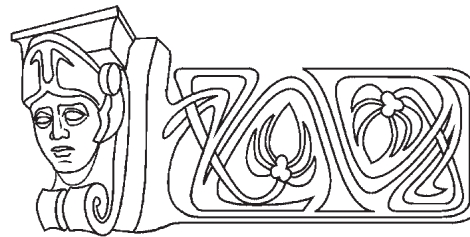
A.N. Zorin

Turgenev's drama work results from his experiments with genre. In the period of crisis in the Russian theatre, he aimed at searching for the new stage forms. Psychological plays, the comedy hiding the archetypal plots of classical tragedy, free mix of traditional plots – all these are coded in author's stage-directions, defining the genre. For more than a century the scholars of Turgenev's plays attempt to break these codes.

Key words: dialogue, author's note, playwriting, genre, increase in the depth of psychological characterization, archetypal plots.

Исследователи творчества Тургенева постоянно обращают внимание на одно важное противоречие. Написав около двадцати различных драматических произведений, он не устает повторять, что не имеет драматического таланта и пишет пьесы для чтения, а не для театра. При этом некоторые из них, еще находящиеся в работе, отправляет актерам (например, первое действие «Нахлебника» М.С. Щепкину) с явной надеждой на сценическую интерпретацию. Щепкину же писатель адресует и «Холостяка», для актрисы Н.В. Самойловой пишет «Провинциалку», восхищается М.Г. Савиной в «Месяце в деревне».

Логично упрекнуть эстета и сибарита в некоторой доле кокетства. Можно принять и объяснение, утверждающее, что сомнения в собственном драматическом даровании связаны у Тургенева, во-первых, с критическими отзывами близких людей о его пьесах, во-вторых, с цензурой, уродовавшей, а то и вовсе запрещавшей его тексты, и, в-третьих, с неудачами большинства

постановок на сцене. Но это, скорее, формальные объяснения. Суть противоречия, на наш взгляд, состоит в другом.

В предисловии к французскому переводу «Драматических произведений Александра Пушкина», сделанному Тургеневым в 1862 г. при участии Луи Виардо, он пишет: «Пушкин никогда ничего не писал для сцены, для театрального представления, он лишь дал некоторым сюжетам форму диалогическую, форму драматическую. Таков, прежде всего, «Борис Годунов»... Она не разделена на действия, ни даже на сцены... «Борис Годунов» не имел блистательного успеха, и соплеменники Пушкина воздали ему полную справедливость лишь после того, как вся Европа, несколько позднее, признала и поняла эту поэтическую форму, принадлежащую наполовину истории, наполовину драме»¹ [X. 336–337]. В подтексте предисловия явно ощущается отношение писателя к судьбе собственных пьес и надежда на то, что когда-то позже «соплеменники» оценят их оригинальность и новизну.

В приведенной выше цитате стоит обратить внимание на фразу «Пушкин никогда ничего не писал для сцены... прежде всего, «Борис Годунов»». Так утверждала современная Пушкину критика – В.Г. Белинский, Н.А. Полевой, Н.И. Надеждин [X, 581]. На самом же деле, как выяснилось позднее, Пушкин (как и Тургенев) хотел увидеть «Бориса» сыгранным. На это указывают наброски предисловия к трагедии². Об этом же свидетельствует переписка Пушкина с П.А. Катениным, через которого поэт намеревался пригласить актрису А.М. Колосову на роль Марины Мнишек (см. письмо П.А. Катенина к Пушкину от 6 июня 1826 г.)³. Таким образом, перед нами схожая ситуация. И Пушкин, и Тургенев пишут пьесы, эстетическую и жанровую новизну которых не способны были воспринять ни современная им критика, ни тогдашний театр.

Анализу с этой точки зрения пушкинской драматургии посвящено значительное число работ⁴. Как уже отмечалось, в особой композиционной структуре «Годунова» важную смыслообразующую роль играют паузы и ремарки⁵. Тургеневские пьесы в этом смысле – не менее увлекательный материал для исследования.

Редактор газеты «Петербургский листок», драматург и романист А.А. Соколов, подписавшись «Театральный нигилист», в рецензии, опубликованной в связи с постановкой тургеневской пьесы «Месяц в деревне», пишет: «Здесь всё за-

висит от актёра. Не доиграй актёр или переиграй – пиши пропало. Воплотить в себе и разрешить сложную психологическую задачу – вот что даёт И.С. Тургенев нашей современной драматической труппе... Страшно за актёров, которые вдруг окажутся вполне бессильными совладать со сложной психологической задачей»⁶. В «Биржевых ведомостях», в № 19 от 19 января 1879 г., рецензент говорит о том же: «Это замечательно тонкий психологический этюд, требующий от актёров большого художественного чутья и известного художественного уровня»⁷. Театральные обозреватели и критики чувствуют необычность драматургии, предложенной Тургеневым, но система координат, которой руководствуется театр, вызывает в них лишь опасение за актёров, судя по всему, не готовых к воплощению на сцене психологических задач такого масштаба.

Один из способов проявления авторской воли при создании драматургического текста – употребление ремарок, в частности, ремарки, обозначающей жанр произведения. Завершенные пьесы Тургенева с жанровым указанием автора и без указания хронологически можно представить так:

- «Неосторожность». 1843 г.
- «Безденежье». *Сцены из петербургской жизни молодого дворянина*. 1846 г.
- «Где тонко, там и рвётся». *Комедия в одном действии*. 1848 г.
- «Нахлебник». *Комедия в двух действиях*. 1848 г.
- «Холостяк». *Комедия в трёх действиях*. 1849 г.
- «Завтрак у предводителя». 1849 г.
- «Разговор на большой дороге». *Сцена*. 1850 г.
- «Месяц в деревне». *Комедия в пяти действиях*. 1850 г.
- «Провинциалка». *Комедия в одном действии*. 1857 г.
- «Вечер в Сорренто». *Сцена*. 1884 г.

Из 10 названных пьес пять Тургенев определяет как комедии. Трём предпосылает жанр «сцены» – с уточнением в одном случае «из жизни петербургского молодого дворянина», два произведения совсем не имеют авторского жанрового определения. Что касается этих двух текстов, то пьеса «Неосторожность», впервые опубликованная в «Отечественных записках», в номере 10 за 1843 г., в журнальном оглавлении обозначена как «драматический очерк». Можно предположить, что жанр вписан редакцией, но Тургенев, в 1869 г. включая текст в книгу и сделав поправки журнального варианта, прежнее жанровое обозначение сохранил [П. 561]. Жанр пьесы «Завтрак у предводителя» автором тоже не обозначен. Впрочем, оригинал рукописи не сохранился, есть только листы типографских гранок [П. 621]. Цензор драматических сочинений Геденов в рапорте о прочитанной пьесе назвал её «картиной про-

винциальных нравов». Это определение вполне можно трактовать как жанровое.

Словосочетание «драматический очерк», безусловно, больше тяготеет к прозаическому тексту, чем к пьесе. Очерк – это, согласно «Толковому словарю живого великорусского языка» Владимира Даля, «письменное краткое и легкое описание чего, в главных чертах»⁸. В более позднем «Толковом словаре русского языка» С.В. Ожегова и Н.Ю. Шведовой слово «очерк» расшифровано подробнее – «небольшое литературное произведение, краткое описание жизненных событий (обычно социально значимых)»⁹. Тургенев не случайно использует в жанровом определении своей первой пьесы прозаические аллюзии. Жанровое однообразие тогдашних драматургических текстов, судя по всему, не даёт ему возможности воплотить в предлагаемых формах его представления об актуальном театре. Цензор Геденов, интуитивно чувствуя живописно-прозаические пристрастия автора, называет «Завтрак» «картиной». Надо сказать, что нынешняя режиссура не обходит вниманием геденовское определение жанра. Петербуржец Игорь Коняев, поставивший в 2004 г. «Завтрак у предводителя» в Саратовском академическом театре драмы, в качестве основной сценической метафоры взял огромную разноцветную карту, напоминающую полотно абстракционистов. По мере того как каждый из претендентов на владение спорной территорией пытается отхватить кусок угодий и в буквальном смысле отрывает от полотна изображение то луга, то леса, то пашни, карта превращается в пустой холст, на котором эти разноцветные куски были закреплены.

Возможность проявить путь тургеневских поисков перспективных театральных жанров даёт возвращение и к его неоконченным попыткам сочинений для театра. К пьесам «Стено» (1834) – её сам Тургенев назвал потом рабским подражанием «Манфреду» Байрона [ХI. 243], – «Искушение святого Антония» (1842), «Две сестры» (1844), «Вечеринка» (1848), «Жених», «17-й №» и «Компаньонка» (1850). Жанры, которые намечает Тургенев для этих произведений, выстраиваются в следующую схему:

- драматическая поэма,
- драма в одном действии,
- драма в одном действии,
- сцена,
- комедия в двух действиях,
- комедия в одном акте,
- комедия в пяти действиях.

Работа над «Искушением святого Антония» по времени совпала у Тургенева с подготовкой к магистерским экзаменам по философии. И хоть критика, оценивая пьесу, ассоциирует её, прежде всего, с «Театром Клары Газуль» Проспера Мери, в частности, с комедией «Женщина-дьявол, или Искушение святого Антония», некоторые фрагменты «Искушения» говорят и об иных кон-

текстах, использованных автором и явно навеянных философскими текстами, – о житиях святых, об эстетике Средневековья, сконцентрированной как в высокопарных рыцарских романах, так и в фантазмагорической живописи Брейгеля и Босха, гравюрах Дюрера.

Пьеса «Две сестры» фабульно связана с будущим «Месяцем в деревне», и с точки зрения жанра интерес представляет трансформация автором «драмы в одном действии» в «комедию в пяти действиях», хотя драматизм существования героев «Месяца» по накалу страстей и психологическим переживаниям несопоставимо глубже, чем в «Двух сестрах». И все же – от «драмы» – к «комедии». Таков путь.

В комедиях «Жених» и «17-й №» Тургенев лишь представил будущих действующих лиц, а в «Компаньонке» (опять комедия) обозначил еще и место действия – село Воскресенское, родовое имение г-жи Звановой.

«Вечеринка», которую сам Тургенев предназначал для цикла произведений в жанре «драматические очерки», состоит из подробно расшифрованного списка действующих лиц и двух страниц текста. Прояснить замысел помогают воспоминания Н.А. Тучковой-Огаревой, с которой Тургенев летом 1848 г. встречался в Париже и рассказал ей сюжетную схему будущей «сцены». «... Он хотел представить кружок студентов, которые, занимаясь и шутя, вздумали для забавы преследовать одного товарища, смеялись над ним, преследовали его, дурачили его; он выносил все с покорностью, так что многие ввиду его кротости стали считать его за дурака. Вдруг он умирает: при этом известии сначала раздаются со всех сторон шутки, смех. Но внезапно является один студент, который никогда не принимал участия в гонениях на несчастного товарища. При жизни последнего, по его настоянию, он молчал, но теперь он будет говорить о нем. Он рассказывает с жаром, каков действительно был покойник. Оказывается, что гонимый студент был не только умный, но и добродетельный товарищ; тогда встают и другие студенты, и каждый вспоминает какой-нибудь факт оказанной им помощи, доброты и проч. Шутки умолкают, наступает неловкое тяжелое молчание. Занавес опускается; Тургенев сам воодушевлялся, представляя с большим жаром лица, о которых рассказывал»¹⁰.

Соотнесенность рассказа Тучковой-Огаревой с тургеневским замыслом доказана исследованиями Н.М. Гутьяра и Ю.Г. Оксмана¹¹, поэтому у нас есть возможность предположить, как мог выглядеть воплощенный замысел с точки зрения жанра. Обратим внимание на характер соседства двух типов психологического существования героев. Шутки, издевки, смех. И вдруг – смерть. Трагическое событие на фоне комедии. Как мы убедимся позже, неожиданное, почти в лоб, столкновение мелодраматических, комедийных жанровых ситуаций с совсем иными – трагедийными

было одним из важнейших и, возможно, самых притягательных экспериментов для Тургенева-драматурга.

Исследуя архетипические сюжеты и литературные мотивы тургеневских пьес, Е.К. Созина приходит к выводу, что они создавались «на пересечении тем современной писателю литературы с некими вечными (... архетипическими) коллизиями, лично значимыми для автора. В театре Тургенева формируются те сюжеты и типы взаимоотношений героев, которые чуть позже станут центральными в его прозаическом творчестве, причем благодаря откровенной психологизации этих комедий-драм в них достаточно подробно прописываются характеры действующих лиц, а для полного развития сюжетных конфликтов Тургеневу словно не хватает сценического пространства»¹². Это пространство он будет искать в прозе.

О соотнесенности пьес Тургенева с различными жанрами современной ему литературы, а также с собственными прозаическими текстами писали многие¹³. Пьеса «Безденежье», несомненно, напоминает гоголевского «Ревизора». Одновременно с «Нахлебником» и «Холостяком» Тургенев работает над «Записками охотника» – исследователи отмечают связь фабулы «Нахлебника» с некоторыми героями и сюжетными ходами рассказов «Мой сосед Радилов» и «Чертопханов и Недопускин». Фамилия будущего героя «Нахлебника» – Кузовкина впервые появилась в прозаическом очерке «Петр Петрович Каратаев» [II. 589]. С тематикой «Записок» впрямую связаны тексты «Холостяка» о плохих урожаях [II. 609]. С рассказами «Два помещика» и «Одноворец Овсянников» – сюжетные коллизии пьесы «Завтрак у предводителя». С повестью «Андрей Колосов» и «Дневником лишнего человека» – «Месяц в деревне».

Обратим особое внимание на наличие в тургеневских пьесах так называемых спрятанных сюжетов. Об этом подробно пишет Е.К. Созина, обнаруживая зашифрованные фабульные схемы шекспировского «Короля Лира» – в «Нахлебнике», отсылы к античным историям Антигоны, Электры и Федры – в том же «Нахлебнике», а также в «Месяце в деревне». Безусловно, речь идет не о банальном заимствовании. Тургенев, прекрасно образованный, блестяще знающий мировую литературу и драматургию, использует спрятанные сюжеты, чтобы не только включить собственные произведения в соответствующий европейский литературный контекст – он пытается, создавая новые для тогдашней российской сцены жанры, преодолеть сковывающие его границы театральных условностей и изживших себя сценических схем. Совершая набег в прозу и иные литературные источники, он трансформирует полученный опыт в странные порой по конструкции драматургические произведения, по поводу которых у современной ему критики и театра нет готовых формул. Их еще только предстоит открыть, причем открыть много позже.

Поиск новых форм – эта треплевская проблема занимает Тургенева-драматурга с первых лет его обращения к театру. Причисляя себя к наследникам Гоголя – «... он (Гоголь) сделал все, что возможно сделать первому начинателю, одинокому гениальному дарованию: он проложил, он указал дорогу, по которой со временем пойдет наша драматическая литература» [I. 236], – Тургенев понимал, что преодолеть кризис, в котором оказался русский театр в 40-х гг. XIX столетия, может только прорыв, подобный гоголевскому или шекспировскому.

Шекспир, как и Гоголь, был его кумиром и идеалом творчества, причем начальный интерес Тургенева к великому шотландцу был связан, прежде всего, с трагедиями, с особенностями драматургических основ этого жанра. Он выборочно, отдельными сценами, переводил «Отелло» и «Короля Лира», словно под микроскопом рассматривая и практически осваивая жанровое своеобразие, сюжетные коллизии, драматургические приемы. Шекспировское влияние напрямую обозначено им и в рассказах – «Степной Король Лир», «Гамлет Щигровского уезда», – и в первых драматургических опытах. Уже упоминавшиеся драматическая поэма «Стено» и незаконченная драма «Искушение святого Антония», несомненно, несут на себе отпечаток шекспировских штудий. Но, повторим, слепое подражание не имеет для Тургенева никакого смысла. Он вынужден поверять алгеброй гармонию – отталкиваясь от опыта предшественников, ищет собственный метод и понимает, что метод – не сконструированная сухая формула, а живая жизнь, особым способом приведенная на сцену. «Ото всех создаваемых ныне произведений разит литературой, ремеслом, условностью», – пишет Тургенев в письме Полине Виардо 26 ноября (8 декабря) 1847 г. [Письма. I. 220]. А несколькими строками выше диагностирует состояние современной ему драматургии: «Тень Шекспира тяготеет над всеми драматическими писателями... слишком много эти несчастные читали и слишком мало жили», несомненно, понимая под жизнью не только опыт тогдашней реальности, но, шире, глобальный опыт культуры, влияющей на мировоззрение и миропонимание художника. «Счастлив тот, – пишет он в 1845 г., – кто может свое случайное создание... возвести до исторической необходимости, означить им одну из эпох общественного развития... Одно лишь настоящее, могущественно выраженное характерами и талантами, становится неумирающим прошедшим» [Письма. I. 219].

Большинство своих пьес Тургенев называет комедиями. Даже о «Завтраке у предводителя», у которого нет объявленного авторского жанра, Тургенев пишет в письме Полине Виардо от 27 июля (8 августа) 1849 г.: «Я написал, переписал и отправил (в Москву) одноактную комедию, комедию в пятьдесят страниц» [Письма. II. 622].

По поводу «Неосторожности», которой автор тоже не дал жанрового определения, Белинский писал, во-первых, что это драма, во-вторых, подчеркивал: «толпе доступен только внешний комизм; она не понимает, что есть точки, где комическое сходится с трагическим и возбуждает уже не легкий и радостный, а болезненный и горький смех»¹⁴.

По мнению Е.К. Созиной, в большинстве пьес Тургенева «можно увидеть движение от стилистики гоголевских пьес... к собственно психологическим драмам, поэтика которых... во многом предвещает чеховскую драматургию. Психологизация драмы, как известно, и стала открытием Тургенева в области драматургии»¹⁵. При этом исследователь упоминает, что Тургенев использует в пьесах пусть и открытые, часто очень эмоциональные, но чересчур пространные, долгие монологи даже в диалогических фрагментах. Чехов же, как известно, трансформировал многословные высказывания в короткие реплики, намеки, в этой недосказанности найдя способ отображения и ускользающей жизни, и изменчивого эмоционального состояния героев. Его опыты над прозой привели к открытию. Тургеневу же до конца не удалось прозаическим ключом открыть путь к новой драматургии. Но его не совсем удавшиеся попытки, по крайней мере, использование больших фрагментов прозаического текста, можно предположить, заставили Чехова идти другим путем.

К числу авторских ремарок, в какой-то степени предопределяющих внутреннюю структуру текста, относится эпиграф.

Появление комедии «Неосторожность» связано, как мы уже упоминали выше и в этом признается сам Тургенев (год спустя после выхода пьесы он пишет об этом в предисловии к незаконченной комедии «Две сестры»), с его интересом к «Театру Клары Газуль» Мериме, к экспериментам французского драматурга в области сценических форм. Имена почти всех персонажей «Неосторожности», как отмечено Л.П. Гроссманом, взяты из пьес Мериме¹⁶. Подражая европейским драматургам, Тургенев первой своей пьесе предпосылает эпиграф. В связи с тем что автограф пьесы утерян и печатается она по последнему авторизованному тексту, эпиграф этот неизвестен. Белинский в письме Тургеневу от 8 июля 1843 г. замечает: «Драма Ваша – весьма и тонко умная и жизненно изложенная вещь... Не нравится мне в ней две вещи: эпиграф (который могут счесть за претензию) и два стиха»¹⁷. Жесткое определение критика «могут счесть за претензию» автор воспринял в качестве замечания не только к «Неосторожности» – он счел его кардинальным и никогда, ни к одной пьесе эпиграф больше не предлагал, оставляя на этом уровне читателя без обобщенной указующей ремарки.

Сцены. Драма. Комедия. Эти жанровые определения звучат в разных вариациях по адресу «Неосторожности». Возвращаясь к рас-

суждениям Белинского об особенностях комедии как драматургического жанра, высказанной им в письме Тургеневу в связи с этой пьесой, обратим внимание на слова «всякому легче понять идею, прямо и положительно выговариваемую, нежели идею, которая заключает в себе смысл, противоположенный тому, который выражают слова ее»¹⁸. По сути, Белинский замечает в «Неосторожности» намеки жанра, название которому дадут намного позднее. Чехов свои несчастливые драмы с горькой усмешкой назовет комедиями, отсылая образованных читателей к поэме Данте и шекспировским мистификациям, Горький продолжит эту традицию, вводя в собственные пьесы элементы трагического комизма, драматурги XX в., в поисках нового театрального языка будут смешивать, соединять, синтезировать традиционные жанры, намереваясь отыскать адекватные способы отражения на сцене современной реальности.

Нортроп Фрай, давая определение жанру, в котором смешались два исходных – «трагикомедия», невольно отсылает к процитированным рассуждениям Белинского: «Комедия имплицитно содержит в себе трагедию, которая, в свою очередь, есть всего лишь неоконченная комедия»¹⁹.

Еще в эпоху Ренессанса, по мнению С. Гончаровой-Грабовской, критики и драматурги пытались определить природу этого «смешанного жанра»²⁰. Дж. Б. Гварини считал его простым соединением комического и трагического²¹. Карл Гутке рассматривал комическое и трагическое в их интерактивной зависимости, когда «комические элементы усиливают трагические, а трагические усиливают комические»²². В свою очередь, Э. Бентли, рассуждая о жанре с названием «трагикомедия», считал, что сюжетно трагикомедия выглядит как «трагедия со счастливым концом» или «комедия с несчастливым концом»²³. М.И. Кипнис доказывает, что трагикомедия – синтез неразложимых на составляющие комического и трагического начал, они чаще всего «накладываются» друг на друга, сосуществуют одновременно²⁴.

Ссылаясь на Карла Гутке, С. Гончарова-Грабовская пишет, что «специфика трагикомедии обусловлена ее драматургическим построением, которое диктует свои законы и зависит от авторского видения объекта изображения, что преломляется в семантической и морфологической организации пьесы, во всех ее структурных компонентах. Трагикомический модус в ней трансформируется на уровне соотношения героя и ситуации»²⁵. И часто трагикомическое выражается «через авторское отношение к герою, которое, как правило, носит бинарный характер: драматург иронизирует над ним и одновременно сочувствует ему»²⁶.

Анализируя трагикомедии 70–80-х гг. XX в., автор приходит к выводу, что к этому периоду формируется четыре различных структурных типа трагикомедии.

1. Трагическое и комическое уравновешивают друг друга.

2. В произведении доминирует комическое.

3. В произведении доминирует трагическое.

Четвертый тип обнаруживает в себе три равноправных составных элемента: комическое, трагическое и драматическое.

Автор обращает особое внимание на то, что «среди современных трагикомедий есть пьесы авангардного характера, нетрадиционные по своей стилистике. Главную роль в них играет ирония. Несовместимость, противоречие и нелепость, с помощью которых достигается трагикомический эффект.

«Наиболее сложной, психологической комедией Тургенева» называет Е.К. Созина пьесу «Месяц в деревне»: «Здесь присутствует целая связка сюжетных схем и мотивов и этого писателя, и всей русской, а также мировой литературы, которые вновь возникают на пересечении социального и природно-родственного начала жизни...»²⁷. И далее доказательно иллюстрирует мысль о том, что в архетипической основе любви главной героини пьесы Натальи Петровны к юному учителю ее сына Беляеву лежит сюжет древней трагедии Еврипида «Федра», позже проинтерпретированный Расином в пьесе с таким же названием. Л.П. Гроссман указывает на сходство ситуаций «Месяца в деревне» с сюжетными ходами «Мачехи» Бальзака²⁸.

Выстраивая параллельные сюжетные цепочки, Е.К. Созина выявляет «почти текстуальное совпадение монологов расиновской Федры, узнавшей о сопернице, и тургеневской Натальи Петровны, совершившей то же открытие»²⁹.

Как и античные героини, Наталья Петровна испытывает чувства ревности и злобы, неистовую любовь, жгучий стыд, неискупимую вину. И непреодолимую страсть, неподвластную ее воле. Главный трагедийный мотив пьесы – разбитая жизнь воспитанницы Натальи Петровны – Верочки; воспользовавшись доверчивостью девушки, Наталья Петровна безжалостно растаптывает ее чувства. Так же как и Федра, Наталья Петровна в порыве страсти преступает нравственные запреты. Страсть, приносящая несчастье, демоническая природа любви, делающей человека рабом, – все это говорит о трагедийной основе тургеневской пьесы, жанрово обозначенной самим автором как «комедия».

Анатолий Эфрос поставил «Месяц в деревне» в 1978 г. в Театре на Малой Бронной. Анатолий Смелянский в рецензии на спектакль пишет: «Тут страдания без всякой видимой причины, без всяких оснований. Трагизм любви сам по себе... Понимания нет. Есть полное одиночество... Разгадки нет, как нет разгадки самой жизни»³⁰. Особое внимание рецензент обращает на финал спектакля – рабочие сцены начинают рушиться

декорации раньше, чем герои успевают покинуть место действия. «Стук молотков, разбивающих беседку, звучит, как стук топора, ударившего по вишневному саду»³¹. Эфрос, используя опыты Чехова и всей посттургеневской драматургии, проявляет в комедии самого Тургенева несомненные трагедийные черты.

Сергей Женовач, поставивший пьесу в 1996 г., предпослал спектаклю обозначение «лирическая комедия»: «Буря страстей и крушение судеб непринужденно проигрываются в круговом пространстве изящной беседки, отсылающей к легендарному спектаклю Анатолия Эфроса»³². Но излишний лиризм и «традиционность» (это определение рецензент Л. Юсипова употребляет в отрицательном смысле), по мнению критиков, – «феномен обворожительного, хотя и не удавшегося спектакля»³³. Анализируя постановку Женовача, рецензенты, вольно или невольно, берут за эталон эфросовские трагедийные мотивы.

Владимир Мирзоев поставил спектакль не сцене Ленкома двумя годами позже – в 1998-м, дав ему название «Две женщины» (один из тургеневских вариантов названия – «Студент»). Мирзоев назвал спектакль «драмой», хотя по всем внешним признакам спектакль претендует на иное жанровое определение. «Огромный, почти во всю сцену пень, боковые кулисы, напоминающие опаленные огнем деревья, – все вызывает ассоциации с душным летом, шумными липами и пожаром страстей, сжигающим тургеневских героев»³⁴. При этом в программке спектакля Мирзоев дает зрителям своего рода разъяснение: «Нас поразило и увлекло, насколько точно Тургенев выстроил взаимоотношения героев, имеющие, как бы мы теперь сказали, фрейдистский подтекст... Именно в этом пласте пьесы берет начало наша система образов».

Прочитав фрейдистский подтекст, Мирзоев погрузил героев в подобие сна – «двигаясь нарочито медленно (словно в трансе), персонажи исполняют странный танец... Изломанно-прихотливые движения, эстетско-декадентский антураж... безжизненные интонации, сухое шуршание дождя»...³⁵ Режиссер будто бы травестирует сюжет даже не самого Тургенева, а те архетипические мотивы пьесы, которые связаны прежде всего с античными текстами. Сон. Шекспировское «какие сны в том смертном сне приснятся, когда покров земного чувства снят», заставляет, если использовать современные аллюзии, говорить о вселенском холоде и вселенской пустоте, царящих в душах героев. Обеими блондинками – стареющей от скуки Натальей Петровной и эротической озабоченной Верочкой – движет только физиология. Они смешны настолько же, насколько беззащитны. В мире выхолощенных чувств об истинной страсти и губительных влечениях говорить не приходится.

Пьесу, названную Тургеневым «комедией», Мирзоев заявляет как «драму», на самом деле

поставив трагикомедию, в которой смешно наблюдать за героями, принимающими сон за жизнь, и страшно от того, что реальная жизнь все более напоминает этот сон.

Если говорить о сценической судьбе тургеневских пьес, то у «Месяца в деревне» она самая счастливая. Что же касается остальных, то большинство из них ставятся реже (чаще других лишь «Нахлебник»). Мнение об их недостаточных сценических достоинствах продолжает существовать как в театральной практике, так и в театроведческих исследованиях, т.е. в жанровом смысле тургеневские «сюжеты в форме диалога», как говорил он о пушкинских драматургических текстах, для современных интерпретаторов остаются загадкой. Почти такой же, какой они были и в тургеневские времена.

Примечания

- ¹ Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. М., 1978–1985. Здесь и далее ссылки на произведения И.С. Тургенева даются по этому изданию, с указанием номера тома и страницы.
- ² Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 17 т. М.; Л., 1949. Т. 11. С. 141.
- ³ Там же. Т. 13. С. 282.
- ⁴ См.: Бонди С.М. Драматургия Пушкина // Бонди С.М. О Пушкине. М., 1978; Финк Э.Л. Эпичность русской драмы // Вестн. Самар. гос. ун-та. Сер. Литературоведение. 2001. Вып. 3. С. 73–79 и др.
- ⁵ См.: Алексеев М.П. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. Л., 1972. С. 208–239; Листов В.С., Тархова Н.А. К истории ремарки «Народ безмолвствует» в «Борисе Годунове» // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1982. С. 96–102; Михайлова Н.И. К источникам ремарки «Народ безмолвствует» в «Борисе Годунове» // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1986. С. 150–153 и др.
- ⁶ Театральный нигилист [А.А. Соколов]. «Месяц в деревне» И. Тургенева // Петербургский листок. 1879. 18 янв.
- ⁷ Цит. по: Тургенев И.С. Полн. собр. соч.: В 12 т. М., 1979. Т. 2. С. 654.
- ⁸ Даль В.И. Словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1990. Т. 2. С. 776.
- ⁹ Ожегов С.В., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1993. С. 384.
- ¹⁰ Тучкова-Огарева Н.А. Воспоминания. М., 1959. С. 280–281.
- ¹¹ См.: Тургенев И.С. Полн. собр. соч.: В 12 т. М., 1978. Т. 2. С. 692.
- ¹² Созина Е.К. Архетипические сюжеты и литературные мотивы в пьесах И.С. Тургенева // Драма и театр. Тверь, 2002. Вып. 4. С. 61–62.
- ¹³ См.: Созина Е.К. Архетипические основания поэтической мифологии И.С. Тургенева (на материале творчества 1830–1860 годов) // Архетипические структуры художественного сознания. Екатеринбург, 1998. С. 68–73; Муратов А.Б. Романтическая драма Тургенева

- «Неосторожность» // И.С. Тургенев: Вопросы биографии и творчества. Л., 1990. С. 25–32. *Лотман Л.М.* История русской драматургии. XVII – первая половина XIX века. Л., 1982. С. 490; *Вишневская И.Л.* Театр Тургенева: Некоторые вопросы интерпретации классики на советской сцене. М., 1989. С. 93; *Гроссман Л.П.* Театр Тургенева. Пг., 1924. С. 67–80; *Собенников А.С.* Динамика жанров в драматургии И.С. Тургенева // Судьба жанра в литературном процессе. Иркутск, 1996. С. 22–29 и др.
- 14 *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 8. С. 96.
 - 15 *Созина Е.К.* Архетипические сюжеты и литературные мотивы в пьесах И.С. Тургенева. С. 61.
 - 16 *Гроссман Л.П.* Указ. соч. С. 34.
 - 17 *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1958. Т. 12. С. 164.
 - 18 Там же.
 - 19 Цит. по: *Пави П.* Словарь театра. М., 1991. С. 257.
 - 20 *Гончарова-Грабовская С.* Жанровая модель трагикомедии в русской драматургии конца XX века // Драма и театр. Тверь, 2002. Вып. 3. С. 58.
 - 21 *Guarini G.B.* Compendium of Tragicomic Poetry. N.Y., 1974. P. 3–24.
 - 22 *Guthke K.* Modern Tragicomedy: An investigation into the nature of the genre. N.Y., 1966. P. 79.
 - 23 *Бентли Э.* Жизнь драмы. М., 1978. С. 295.
 - 24 *Кипнис М.* Трагикомедия как жанр драматургии: Генезис и особенности развития: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1990. С. 7.
 - 25 *Гончарова-Грабовская С.* Указ. соч. С. 59.
 - 26 Там же. С. 58.
 - 27 *Созина Е.К.* Архетипические сюжеты и литературные мотивы в пьесах И.С. Тургенева. С. 56.
 - 28 *Гроссман Л.П.* Указ. соч. С. 67–80.
 - 29 *Созина Е.К.* Архетипические сюжеты... С. 57.
 - 30 *Смелянский А.* Концерт для скрипки с оркестром // Театр Анатолия Эфроса. М., 2000. С. 284–285.
 - 31 Там же. С. 289.
 - 32 *Юсупова Л.* Молодой месяц // Коммерсант. 1996. 10 окт. С. 7.
 - 33 Там же.
 - 34 *Сергеева А.* «Две женщины»: сценическая версия комедии И.С. Тургенева «Месяц в деревне» // <http://www.theatre.ru/review/lenkom.html/>
 - 35 Там же.

УДК 821.161.1–1+9293аболецкий

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ОБРАЗА В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ Н. ЗАБОЛОЦКОГО

С.В. Кекова

Саратовский государственный социально-экономический университет, кафедра истории культуры и искусства
E-mail: kekova@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности поэтической образности в раннем творчестве Заболоцкого, которая характеризуется своеобразной семантической парадоксальностью и «аномальностью». Через анализ макрообразов «женщина» и «конь» в структуре художественного мира Заболоцкого выявляются закономерности порождения «абсурдной» смысловой реальности.

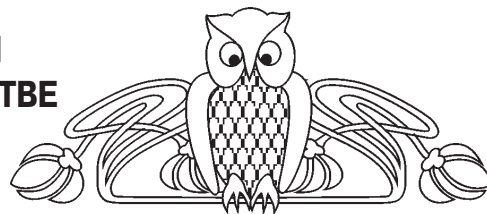
Ключевые слова: поэтический образ, художественный мир, семантический парадокс, абсурд.

Certain Aspects of the Poetic Image Functioning in Zabolotskiy's Early Poetry

S.V. Kekova

The article deals with the peculiar imagery in Zabolotskiy's early poetry, which is characterized by specific paradoxical and abnormal semantics. The analysis of macroimages *woman* and *horse* in Zabolotskiy's poetic works reveals the regularities of the genesis of the *absurd* reality.

Key words: poetic image, the world of the literary text, semantic paradox, absurd.

Исследователи поэзии Заболоцкого 20-х – начала 30-х гг. выделяют такие её качества, как экспрессивно-гротескное изображение действительности, затруднённость и сложность формы, ориентация на алогизм, загадочность отдельных образов и стихов в целом (Македонов, Роднянская, Турков, Ростовцева, Семёнова). Насыщенность текстов раннего Заболоцкого сложными для понимания сдвигами смысла, метаморфозами, трансформациями реальной действительности отмечается всеми, кто писал о его поэзии периода «Столбцов» и ранних поэм. Усложнённость смысловой структуры стихотворений раннего Заболоцкого проявляется на разных уровнях. Рассмотрим прежде всего уровень семантической синтагматики и парадигматики текста. Одно из наиболее «аномальных» в смысловом отношении текстов – стихотворение «Офорт»¹:

И грянул на весь оглушительный зал:
– Покойник из царского дома бежал!

Покойник по улицам гордо идёт,
его постояльцы ведут под уздцы;
он голосом трубным молитву поёт
и руки ломает наверх.

- «Неосторожность» // И.С. Тургенев: Вопросы биографии и творчества. Л., 1990. С. 25–32. *Лотман Л.М.* История русской драматургии. XVII – первая половина XIX века. Л., 1982. С. 490; *Вишневская И.Л.* Театр Тургенева: Некоторые вопросы интерпретации классики на советской сцене. М., 1989. С. 93; *Гроссман Л.П.* Театр Тургенева. Пг., 1924. С. 67–80; *Собенников А.С.* Динамика жанров в драматургии И.С. Тургенева // Судьба жанра в литературном процессе. Иркутск, 1996. С. 22–29 и др.
- 14 *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 8. С. 96.
 - 15 *Созина Е.К.* Архетипические сюжеты и литературные мотивы в пьесах И.С. Тургенева. С. 61.
 - 16 *Гроссман Л.П.* Указ. соч. С. 34.
 - 17 *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1958. Т. 12. С. 164.
 - 18 Там же.
 - 19 Цит. по: *Пави П.* Словарь театра. М., 1991. С. 257.
 - 20 *Гончарова-Грабовская С.* Жанровая модель трагикомедии в русской драматургии конца XX века // Драма и театр. Тверь, 2002. Вып. 3. С. 58.
 - 21 *Guarini G.B.* Compendium of Tragicomic Poetry. N.Y., 1974. P. 3–24.
 - 22 *Guthke K.* Modern Tragicomedy: An investigation into the nature of the genre. N.Y., 1966. P. 79.
 - 23 *Бентли Э.* Жизнь драмы. М., 1978. С. 295.
 - 24 *Кипнис М.* Трагикомедия как жанр драматургии: Генезис и особенности развития: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1990. С. 7.
 - 25 *Гончарова-Грабовская С.* Указ. соч. С. 59.
 - 26 Там же. С. 58.
 - 27 *Созина Е.К.* Архетипические сюжеты и литературные мотивы в пьесах И.С. Тургенева. С. 56.
 - 28 *Гроссман Л.П.* Указ. соч. С. 67–80.
 - 29 *Созина Е.К.* Архетипические сюжеты... С. 57.
 - 30 *Смелянский А.* Концерт для скрипки с оркестром // Театр Анатолия Эфроса. М., 2000. С. 284–285.
 - 31 Там же. С. 289.
 - 32 *Юсупова Л.* Молодой месяц // Коммерсант. 1996. 10 окт. С. 7.
 - 33 Там же.
 - 34 *Сергеева А.* «Две женщины»: сценическая версия комедии И.С. Тургенева «Месяц в деревне» // <http://www.theatre.ru/review/lenkom.html/>
 - 35 Там же.

УДК 821.161.1–1+9293аболецкий

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ОБРАЗА В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ Н. ЗАБОЛОЦКОГО

С.В. Кекова

Саратовский государственный
социально-экономический университет,
кафедра истории культуры и искусства
E-mail: kekova@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности поэтической образности в раннем творчестве Заболоцкого, которая характеризуется своеобразной семантической парадоксальностью и «аномальностью». Через анализ макрообразов «женщина» и «конь» в структуре художественного мира Заболоцкого выявляются закономерности порождения «абсурдной» смысловой реальности.

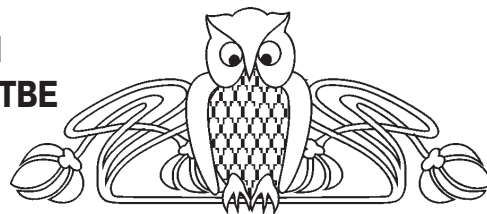
Ключевые слова: поэтический образ, художественный мир, семантический парадокс, абсурд.

Certain Aspects of the Poetic Image Functioning in Zabolotskiy's Early Poetry

S.V. Kekova

The article deals with the peculiar imagery in Zabolotskiy's early poetry, which is characterized by specific paradoxical and abnormal semantics. The analysis of macroimages *woman* and *horse* in Zabolotskiy's poetic works reveals the regularities of the genesis of the *absurd* reality.

Key words: poetic image, the world of the literary text, semantic paradox, absurd.

Исследователи поэзии Заболоцкого 20-х – начала 30-х гг. выделяют такие её качества, как экспрессивно-гротескное изображение действительности, затруднённость и сложность формы, ориентация на алогизм, загадочность отдельных образов и стихов в целом (Македонов, Роднянская, Турков, Ростовцева, Семёнова). Насыщенность текстов раннего Заболоцкого сложными для понимания сдвигами смысла, метаморфозами, трансформациями реальной действительности отмечается всеми, кто писал о его поэзии периода «Столбцов» и ранних поэм. Усложнённость смысловой структуры стихотворений раннего Заболоцкого проявляется на разных уровнях. Рассмотрим прежде всего уровень семантической синтагматики и парадигматики текста. Одно из наиболее «аномальных» в смысловом отношении текстов – стихотворение «Офорт»¹:

И грянул на весь оглушительный зал:
– Покойник из царского дома бежал!

Покойник по улицам гордо идёт,
его постояльцы ведут под уздцы;
он голосом трубным молитву поёт
и руки ломает наверх.

Он – в медных очках, перепончатых рамах,
переполнен до горла подземной водой,
над ним деревянные птицы со стуком
смыкают на створках крыла.

А кругом – громобой, цилиндров бряцанье
и курчавое небо, а тут –
городская коробка с расстёгнутой дверью
и за стёклышком – розмарин².

Текст в целом воспринимается как в высшей степени странный и непонятный, и проявляется это главным образом в области семантической синтагматики, причём как на уровне словосочетаний, так и на уровне предложений и всего текста. Семантически аномальные сочетания здесь представлены весьма широко: это и *оглушительный зал*, и *перепончатые рамы*, и *деревянные птицы*, и предикативное сочетание *он ... руки ломает наверх*. Заболоцкий намеренно нарушает законы семантической синтагматики. Согласно мысли Гака, «основной закон семантического сочетания слов сводится к тому, что для того, чтобы два слова составляли правильное сочетание, они должны иметь <...> одну общую сему»³. По Гаку, конкретная реализация этого закона в языке связано с соблюдением одного из трёх условий: 1) наличия общей семы у обоих членов; 2) отсутствия в одном из членов семы, противоречащей семам другого члена («рассогласование»); 3) погашения в одном из членов словосочетания сем, противоречащих семам другого члена, либо перенос из одной семантемы в другую недостающих сем⁴.

Если мы проанализируем с этой точки зрения выделенные выше словосочетания, то обнаружим, что в каждом из них имеет место явное рассогласование. В словосочетании «деревянные птицы», например, мы наблюдаем совмещение несовместимых сем «живое» и «неживое». Можно было бы предположить, что эти противоречащие друг другу семы в данном словосочетании «гасятся» (в соответствии с третьим принципом семантической синтагматики) за счёт изменения слова «птицы». Например, сема «живое существо» будет в этом слове погашена, если речь пойдёт не о живой птице, а, скажем, о её изображении, вырезанном из дерева или сделанном из какого-либо иного материала. Но такое предположение оказывается несостоятельным, поскольку его опровергает контекст: «над ним деревянные птицы со стуком смыкают на створках крыла».

Однако семантическая аномальность данного текста проявляется не только на уровне словосочетаний, но и на уровне предложений и текста в целом.

Так, семантический конфликт «живое» – «неживое»⁵ возникает в «Офорте» прежде всего в аномальной, алогичной ситуации: главный «герой» стихотворения – покойник – ведёт себя как живой человек («покойник по улице гордо идёт», «он голосом трубным молитву поёт» и т.д.). Осложняется этот семантический конфликт ещё и

тем, что строка «его постояльцы ведут под уздцы» сталкивает семы «человек» и «конь», что представляет собой реализацию более общего соотношения «человек»– «животное». Исследователи этого стихотворения неоднократно указывали на устойчивость соединения образов человека (покойника) и коня в поэзии Заболоцкого. (Как нам кажется, этот факт имеет отношение и к особенностям метафизики слова в поэзии Заболоцкого: в данном случае он как бы «включает» слово «конь» в слово «покойник».)

Некоторые образы стихотворения не имеют чёткой денотативной соотнесённости (это и загадочные цилиндры, и не менее загадочные постояльцы, и деревянные птицы, и перепончатые рамы). Неясны и связь между этими образами, и законы существования страшного и мучительного пространства, в котором происходит действие основной части стихотворения (можно это пространство назвать условно словом «там», потому что в конце стихотворения появляется пространство «тут»: «А тут – городская коробка с расстёгнутой дверью и за стёклышком – розмарин»).

Итак, мы видим, что текст буквально «раздирают» семантические конфликты. Между тем «Офорт» не только не исключение в системе «Столбцов», но, напротив, стихотворение чрезвычайно показательное с точки зрения смысловых особенностей произведений, входящих в этот сборник. Перед нами встаёт вопрос: каков порождающий механизм семантических аномалий в творчестве раннего Заболоцкого? Существует ли ключ к пониманию «Офорты» и подобных ему текстов?

Исследование других текстов раннего периода творчества Заболоцкого показывает, что принцип совмещения сем «живое» и «неживое» является регулярным, причём реализовываться он может двумя способами: 1) мёртвое ведёт себя как живое и 2) живое наделяется атрибутами мёртвого. «Покойники», «мертвецы», «утопленники» вообще частые герои в стихах периода «Столбцов». При этом сопутствующие им свойства живых существ повторяются, варьируясь, из стихотворения в стихотворение. Так, покойник из «Офорты» наделяется *способностью к передвижению* и *способностью издавать громкий звук*. Но те же признаки всплывают и в других стихах раннего Заболоцкого. Так, в стихотворении «Меркнут знаки Зодиака» покойник «стройно пляшет кекуок» (1,86), там же мы встречаем следующие строки: «Всё смешалось в общем танце, / И летят во все концы / Гамадрилы и британцы, / Ведьмы, блохи, мертвецы» (1,87). В стихотворении «Детство Лутони» имеется тот же смысловый признак: «Там на крепости старинной / Мёртвый царь сидит в меху, / Люди воют, дети плачут, / Царь танцует, как дитя» (1, 402).

Способность издавать громкий звук также акцентируется в стихах Заболоцкого, героями которых являются покойники. В стихотворении

«Искушение» читаем: «холмик во поле стоит, / Дева в холмике шумит» (1,381). Почти дословно совпадает с этой строкой строка из стихотворения «Баллада Жуковского»: «жена одна в гробу шумит» (1,84). Характерно, что в этом стихотворении встречается воспроизведение аномального семантического признака, отмеченного в «Офорте», – совершенно алогичное с точки зрения обыденной логики совмещение признаков человека и коня. Если покойника в «Офорте» «ведут под уздцы», то в «Балладе Жуковского» об утопленнике, пришедшем в гости к царю, говорится следующее: «Утопленник был рад вдвойне – / к войне он точит руки, / берёт поклажу на дыбы, / к царю поклоном головы / он обратился резко / и опустил в речку» (1,382).

Интерпретация выражения «на дыбы» в переносном смысле (т.е. для выражения противодействия, несогласия, упрямства) практически невозможна. В прямом же смысле «на дыбы» значит «на задние ноги» (о лошади)⁶. Не углубляясь в анализ выражения «на дыбы», носящего открыто аномальный характер, отметим, однако, что здесь каким-то странным образом оказались совмещёнными признаки покойника и коня. Свообразным способом оказались совмещёнными эти признаки и в стихотворении «Человек в воде».

Словно череп, безволос,
Как червяк подземный, бел,
Человек, расправив хвост,
Перед волнами сидел.

Разворачивая ладони,
Словно белые блины,
Он качался на попоне
Всем хребтом своей спины. (1,103)

Странный человек с хвостом, внешний облик которого указывает на его несомненную связь со смертью, имеет ещё и попону, которая, как известно, представляет собой «покрывало для лошадей, собак и др., закрывающее спину и туловище»⁷. Последняя строфа стихотворения опять акцентирует замеченную нами смысловую линию: «А на жареной спине, / Над безумцем хоча, / Инфузории одне / Ели кожу *лихача*» (1,103). Перед нами – своеобразный образ-кентавр, некий человек-конь, к тому же, с чертами, свойственными мёртвому миру.

Иначе проявляется принцип совмещения взаимоисключающих друг друга признаков человека и коня в стихотворении «Болезнь». Здесь больной герой видит свою жену в виде лошади:

Жена, ты девушкой слыла.
Увы, моя подруга,
Как кожа нежная была
В боках твоих упруга!
Зачем же лошадь стала ты?
Укройся в белые скиты
И, ставя богу свечку,
Грызи свою уздечку! (1,37)

Совмещение в одном телесном облике противоречащих друг другу анатомических деталей приводит к тому, что не только у человека возникают атрибуты коня, но и у коня – атрибуты человека: «А бедный конь руками машет, / То вытянется, как налим, / То снова восемь ног сверкают / В его блестящем животе» (1,44).

Встаёт, таким образом, вопрос о закономерностях формирования предметно-образного мира «Столбцов» и примыкающих к ним стихотворений и поэм. Чтобы эти закономерности обнаружить, попытаемся проанализировать образную ткань стихотворений раннего Заболоцкого в том аспекте, который был предложен ещё А. Белым в книге «Поэзия слова». Поставив проблему раскрытия «индивидуальных разностей зрения» трёх поэтов – Пушкина, Тютчева и Баратынского, исследователь пишет: «Каково отношение Пушкина – к воде, воздуху, солнцу, небу и прочим стихиям природы? Оно – в сумме всех слов о солнце, а не в цитате, и не в их ограниченной серии. Каково отличие *солнца* Пушкина от *солнца* Тютчева? Лишь цитатные суммы решат нам вопрос»⁸. Блестящий анализ, демонстрирующий индивидуальность каждого поэта, Белый завершает выводом о том, что «изучение трёх природ трёх поэтов по трём зрительным образам нас способно ввести в глубочайшие коды и их душ, и в тончайшие нервы творчества»⁹. Подобный же подход был осуществлён Я.Э. Голосовкером по отношению к группе мифов, в которых выделялись «целокупные образы»¹⁰. Е.М. Мелетинский не случайно относит к наибольшим удачам Голосовкера «изучение движения некоторых чувственных образов по «кривой смысла» до превращения этой кривой в замкнутый круг»¹¹. Подобные «суммы всех слов о солнце» (Белый) и целокупные образы (Голосовкер) можно назвать макрообразами.

Анализ макрообразов, вбирающих в себя комплекс образов, представленных в разных текстах того или иного поэта, – сложная и интересная задача. Исследователи творчества раннего Заболоцкого выделяют некоторые наиболее значимые макрообразы его поэтического мира, хотя и не применяют сам термин «макрообраз». Так, в работах Е. Васильева, К. Пчелинцевой, И. Лощилова¹² анализируются мифопоэтическая составляющая образов «женщина» и «конь», а в статье А. Герасимовой – иронический пласт образа «ребёнок»¹³.

Рассмотрим макрообраз «женщина». Этот образ обладает сложной и обширной парадигмой. Основные «падежи смысла» этой парадигмы можно представить через данную ниже схему:

1. *Женщина – змея* («Цирк». 1,77);
женщина – белая гагара («Цирк». 1,76);
женщина – лошадь («Болезнь». 1, 37);
«стая баб» («Свадьба». 1,358);
«рой баб» («Торжество земледелия». 1, 135).
2. *Женщины – девки с плоскими лицами,*

облупленными носами, шелушащейся кожей
(«Народный дом». 1,369);

женщины с «эмалированными руками»
(«Красная Бавария». 1,340).

3. Женщины – сирены «в клубках оранжевых
волос» («Ивановы». 1,356);

женщины – сирены «все в синеватом сере-
бре» («Белая ночь». 1,342).

4. Женщины – сирены, идущие наверх («Белая
ночь», 1,342);

женщины-сирены, простёршие «к небе-
сам эмалированные руки» («Красная Бавария».
1,340);

женщина «Сидит без платья, поднимаясь в
вышину» («Торжество земледелия». 1,128);

5. Женщина – черкешенка умирает, «смыкая
руки в треугольник» («Черкешенка». 1,347);

женщины с «вертикальными ручками» («На-
родный дом». 1,369).

6. Женщины-сирены идут, «ногами делая
балеты» («Ивановы». 1,356);

женщины – пляшут («И бабы выставили
в пляске / У перекрёстка гладких ног / Чижа на
розовой подвязке» («Фокстрот». 1, 350).

Мы приводим далеко не все «падежи смыс-
ла». Но отметим, что для макрообраза «женщина»
характерно приобщение к животному началу, тя-
готение к полюсу патологии как внешнего облика,
так и внутреннего (вот одна из самых ярких ха-
рактеристик образа «женщина» в стихотворении
«Свадьба»: «Они едят густые сласти, / Хрипят в
неутолённой страсти, / И, распуская животы, / В
тарелки жмутся и цветы» (1,358)). Эти моменты
присутствуют и в других макрообразах, например,
в макрообразе «ребёнок» (анализ макрообраза
«ребёнок» см. в нашей статье: «Особенности
строения макрообразов в поэзии раннего За-
болоцкого. Макрообраз «ребёнок» // Південний
архів. Філологічні науки: збірник наукових праць.
Вип. XXXVIII. Херсон, 2007. С. 52–62), что
приводит к своеобразному «пересечению» их
парадигм.

Проанализируем теперь ещё один макрообраз
– макрообраз «конь». В стихотворении «Движе-
ние» перед нами разворачивается «портрет» коня:
«А бедный конь руками машет, / То вытянется,
как налим, / То снова восемь ног сверкают / В его
блестящем животе» (1,44).

В стихотворении у коня появляются руки, у
лошади же из стихотворения «Цирк» вместо мор-
ды – «бледное личико»: «Лошадь белая выходит, /
Бледным личиком вертя» (1,75).

Напомним, что одно из стихотворений, входя-
щих в «Смешанные столбцы», называется «Лицо
коня». Следовательно, если в смыслообразовании
образов «женщина» и «ребёнок» происходила
мена «человек/животное», то при формировании
макрообраза «конь» происходит смысловая мена
«животное/человек». Таким образом, можно

говорить о наличии особого механизма смыс-
лообразования, который предполагает взаимную
перестановку противоположных по своему зна-
чению сущностей (в нашем случае животное и
человек как бы обмениваются своими постоян-
ными атрибутами).

Следующий «падеж смысла», входящий в па-
радигму макрообраза «конь», связан со смысловой
трансформацией, «переводящей» данный образ в
семантическую зону геометрических фигур (ср.
«ручки вертикальные» в составе макрообраза
«женщина»): «А конь струится через воздух, /
Спрягает тело в длинный круг / И режет острыми
ногами / Оглобель ровную тюрьму» (1,354).

В стихотворениях раннего периода проис-
ходят и другие трансформации образа коня (лоша-
ди): образ может подключаться к ряду архитектур-
ной лексики, и тогда смысловое видоизменение
образа может принимать следующий характер: «и
в окна конских морд собор / глядит, поставленный
в упор» («Обводный канал». 1,363) или (в том же
стихотворении): «и вот опять идут мустанги / на
колоннаде пышных ног» (1,364).

Таким образом, даже беглый обзор пара-
дигм разных макрообразов показывает, что их
«пересечения» не случайным. Различные образы
и макрообразы в мире раннего Заболоцкого фор-
мируются из определённого набора элементов, что
свидетельствует о системном устройстве поэти-
ческого мира «Столбцов». Образы создаются из
общего «строительного материала» по одним и
тем же моделям. Пересекающиеся же элементы
парадигм являются единицами поэтического язы-
ка, который можно определить как совокупность
средств и механизмов трансформации реальности
в реальность текста.

Примечания

- 1 См. блестящие анализы данного стихотворения в
следующих работах: Björling F. «Ofort» by Nikolaj
Zabolockij. The Poem and the Title // Scando-Slavica. 1977.
Т. 23. Р. 7–16 / Пер. с англ. А. Крамера [alexkrm] (2005);
Пчелинцева К.Ф. Об одном стихотворении Н. Заболоц-
кого // Филологические науки. 2001. № 1. С. 111–113;
Ljunggren Anna. Обличья смерти: к интерпретации сти-
хотворения Н. Заболоцкого «Офорт» // Scando-Slavica.
1981. Т. 27. С. 171–177; Васильев И.Е. «И грянул
на весь оглушительный зал...» (О стихотворении
Н. Заболоцкого «Офорт») // Филологический класс.
Екатеринбург, 2000. № 8. С. 38–41; Лоцилов И.Е. «Са-
мовар» и «Офорт» // Лоцилов И.Е. Феномен Николая
Заболоцкого. Helsinki, 1997. С. 220–224.
- 2 Заболоцкий Н.А. Собр. соч.: В 3 т. М., 1983. Т. 1. С. 346.
В дальнейшем цитаты приводятся по этому изданию с
указанием в скобках тома и страницы.
- 3 Гак В. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. 1971. М., 1972. С. 375.
- 4 Там же. С. 380.

- ⁵ См. об этом также: *Золотарева К.А.* «Кристаллическая техника»: Н. Заболоцкий и П. Филонов // Русская филология. Тарту, 2004. 15. С. 122–127.
- ⁶ *Ожегов С.* Толковый словарь русского языка. М., 1981. С. 383.
- ⁷ Там же. С. 498.
- ⁸ *Белый А.* Из книги «Поэзия слова». Пушкин, Тютчев и Баратынский в зрительном восприятии природы // Семиотика. М., 1983. С. 552.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ *Голосовкер Я.* Логика мифа. М., 1987.
- ¹¹ *Мелетинский Е.* Поэтика мифа. М., 1976. С. 142.
- ¹² См.: *Васильев И.Е.* Указ. соч.; *Лоцилов И.Е.* Указ. соч.; *Пчелинцева К.Ф.* Персонажи «Столбцов» Н. Заболоцкого в их связи с обрядом инициации // Литература и фольклорная традиция. Волгоград, 1993. С. 81–83.
- ¹³ *Герасимова А.Г.* Младенец кашку составляет: Иронический инфантилизм раннего Заболоцкого // «Scribantur haec...»: Проблема автора и авторства в истории культуры: Материалы науч. конф. (Москва, 12–15 мая 1993 г.). М., 1993. 75–78.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 324:316.6

АКТУАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГЛАЗАМИ ЖИТЕЛЕЙ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ (результаты социологических опросов)

А.А. Вилков, М.В. Данилов, А.А. Казаков, Д.В. Попонов

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: vil57@yandex.ru

В статье представлены аналитические обобщения материалов социологических опросов, проведенных лабораторией политических исследований кафедры политических наук. Дана оценка основным ценностным ориентациям населения, выявлен уровень поддержки конкретных российских политических партий, охарактеризованы основные идеологические предпочтения различных социальных групп.

Ключевые слова: общественное мнение, политические ценности, политические партии, политические идеологии.

Urgent Political Problems as Seen by Saratov Region Citizens (the Results of Sociological Polls)

A.A. Vilkov, M.B. Danilov, A.A. Kazakov, D.V. Poponov

The article represents analytical surveys of the sociological polls' materials which were fulfilled by the Political Research laboratory of the Chair of Political Science. In the paper main values of the population were estimated, the level of support of the definite Russian political parties were analyzed and the principal ideological preferences of different social groups were characterized.

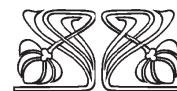
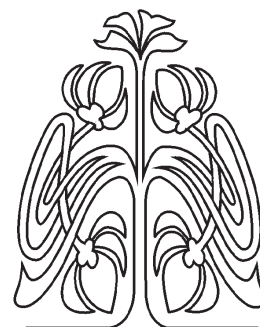
Key words: public opinion, political values, political parties, political ideology.

Не так давно в России завершился большой избирательный цикл 2007–2008 гг., в ходе которого были сформированы многие региональные законодательные собрания, Государственная дума V созыва, избран новый президент страны. Вслед за этим произошло утверждение целого ряда нововведений, касающихся порядка функционирования институтов высшей государственной власти. Сейчас, когда страна находится в преддверии нового избирательного цикла, особую актуальность приобретает изучение политических взглядов и настроений российского общества на данном этапе его развития и сравнение полученных данных с теми показателями, которые имели место быть полтора-два года назад.

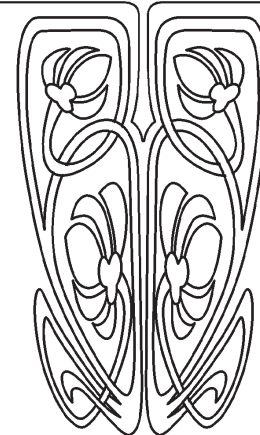
В этой статье мы представляем результаты массового социологического опроса жителей города Саратова, проведенного в конце 2008 г. лабораторией политических исследований кафедры политических наук Саратовского госуниверситета¹. Полученные результаты сравниваются с итогами аналогичного опроса, проведенного в начале 2007 г.², что дает нам возможность судить о динамике социально-политических настроений. Респондентам был задан ряд вопросов, которые можно условно разделить на три тематических блока: ценностно-идеологические ориентации россиян; общее отношение к политическим партиям; оценка произошедших в стране за последние годы изменений.

Ценностные ориентации россиян

Исследование вопросов, затрагивающих ценностные ориентации российского социума, представляется интересным как в научно-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

теоретическом, так и в политико-прикладном аспектах. Ценности, господствующие в обществе, являются не только важнейшей составляющей политической культуры, но и глубинной основой, фундаментом проведения разного рода политических кампаний, направленных на завоевание и удержание власти.

Что для Вас более всего ценно? (можно было отметить не более трех вариантов) (%)

свобода	34,6
равенство	18,6
возможность быть богатым	16,5
любовь к родине	18,6
стабильность	63,3
братство	4,5
коллективизм	4,0
индивидуальные права и свободы	33,8
частная собственность	20,2
гарантированная социальная защита	51,1
другое	66,7

Из представленного спектра ответов респонденты могли выбрать три наиболее подходящих их внутреннему мироощущению. В результате выделились наиболее приоритетные ценности современной России: стабильность (63,3%), гарантированная социальная защита (51,1%), свобода (34,6%), а также индивидуальные права и свободы (33,8%). Обращает на себя внимание тот факт, что, по сравнению с результатами аналогичного опроса, проведенного в апреле 2007 г., значительно (на 12,1% в обоих случаях) уменьшилась популярность таких ценностей, как свобода и любовь к родине, и увеличилась (на 10,4%) привлекательность индивидуальных прав и свобод человека.

При этом, как и полтора года назад, индивидуальные политические ценности заметно превзошли по своей распространенности ценности коллективистские, что, на наш взгляд, вполне можно считать важным результатом всего исследования. Таким образом, снова обозначились две основные опоры успешной жизни человека: с одной стороны, государство, с которым связывается стабильность и гарантирование различных прав и свобод, а с другой – самостоятельные усилия человека, направленные на достижение личного благополучия. Сообщество, в котором существует человек, не воспринимается им как помощник, способный оказать помощь в трудную минуту, да и само наличие подобной корпоративной внегосударственной социальной солидарности в современной России находится под вопросом. Это идет вразрез с уже устоявшимся мнением о коллективистской сущности российского общества, его общинности. Те реформы, которые активно проводились в стране последние два десятилетия, действительно, самым серьезным образом изменили привычный уклад жизни людей.

Каким Вы хотели бы видеть государственный строй России? (%)

демократия с сильной парламентской властью	24,3
демократия с сильной президентской властью	53,2
конституционная монархия	5,9
власть Советов народных депутатов	12,2
другое	4,1

Ответы респондентов на вопрос о наиболее привлекательной для них системе государственной власти в России показали, что в качестве желаемого образца подавляющее большинство респондентов (53,2%) выбрало демократию с сильной президентской властью. Возможно, своеобразным ответом на подобные чаяния большинства населения стала активно продвигаемая сегодня концепция «суверенной демократии», которая, по своей сути, и является российским вариантом демократии с сильной президентской властью.

К кому Вы себя причисляете? (%)

к коммунистам	13,1
к либералам	10,2
к консерваторам	6,4
к демократам	20,9
к социал-демократам	5,3
ни к кому	43,0
другое	0,8

Вообще популярность феномена демократии обнаруживает себя и при анализе особенностей самоидентификации российских граждан: большинство из способных отнести себя к сторонникам какой-либо политической силы людей (почти 21%) предпочитают считать себя именно демократами. Вместе с тем по-прежнему высокой остается доля респондентов, которые вообще ни к кому себя не причисляют (43%), что представляется вполне закономерным явлением в условиях внеидеологичности современной российской политики.

Какая из современных идеологий наиболее продуктивна сегодня? (%)

коммунистическая	15,3
либеральная	20,7
консервативная	11,7
фашистская	1,4
националистическая	6,8
христианская	12,3
исламская	1,6
социал-демократическая	23,4
другая	6,8

Судя по результатам проведенного исследования, в современном российском обществе отсутствует какая-либо абсолютно доминирующая

идеология. Тем не менее можно указать на ряд идеологических парадигм, которые воспринимаются сегодня в качестве наиболее продуктивных. Прежде всего, речь идет о социал-демократии (23,4%). Вряд ли большинство выбравших данный пункт анкеты имели четкое представление о действительной сути социал-демократической идеологии, но важен сам факт потенциальной привлекательности использования социал-демократической терминологии и риторики в политическом дискурсе.

Позади социал-демократии остались либерализм (20,7%), коммунизм (15,3%) и консерватизм (11,7%). Как и полтора года назад, христианская идеология (12,3%) намного опередила исламскую (1,6%) Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что реальных сторонников той или иной идеологии, обозначивших себя в нашем опросе, как правило (за исключением либералов), значительно меньше тех, кто в принципе симпатизирует соответствующей идеологии и считает ее позитивной. Вероятно, здесь имеет место перераспределение голосов тех самых неопределившихся и так называемых «демократов», которые составляют большинство нашего общества.

Общее отношение к политическим партиям

Достаточно интересными в контексте выявленных ценностных предпочтений граждан и их оценки политических идеологий выглядят данные о потенциальной поддержке различных политических сил. Как выяснилось в результате исследования, почти треть граждан не удовлетворены сложившейся конфигурацией партийной системы. Эти люди не видят в партиях выразителей своих интересов. В остальном же можно наблюдать сохранение в общем виде за основными политическими партиями страны позиций, завоеванных ими на последних парламентских выборах.

Какая политическая партия наиболее полно отражает Ваши интересы? (%)

Единая Россия	36,0
КПРФ	15,2
ЛДПР	8,0
Справедливая Россия	5,9
СПС	0,8
Яблоко	2,4
никакая	31,5
другие	0,3

Количество партий, которые активно действуют в политической системе, судя по данным проведенного исследования, не является значимым фактором в глазах обывателей. Нельзя сказать, чтобы явное предпочтение было отдано лишь одному варианту конфигурации партийной системы.

Какое количество партий, на Ваш взгляд, является оптимальным для России? (%)

одна	12,3
две	15,2
три	25,3
четыре	16,0
пять и более	17,6
чем больше, тем лучше	7,7
партии вообще не нужны	5,9

Наибольшей популярностью пользуется трехпартийная система (25,3%). Примерно равное число опрошенных (15–18%) считают оптимальным для России и две, и четыре, и пять, и больше партий. Момент разочарования в партиях выразился в том, что около 12,3% респондентов посчитали оптимальной для России однопартийную систему, а почти 6% опрошенных разделили мнение, что партии вообще не нужны.

В определенной степени это подтверждается тем, что, по мнению большинства опрошенных, существующие в настоящее время политические партии и движения либо отражают общественные интересы не совсем полно (35,2%), либо вообще не представляют большинство интересов (28,2%).

Насколько полно отражают общественные интересы существующие в настоящее время политические партии и движения? (%)

отражают максимально полно	17,2
отражают не совсем полно	35,2
большинство интересов вообще не представлено	28,2
затрудняюсь ответить	19,4

Оценка произошедших в стране изменений

Проводя исследование, мы поставили задачу выяснить отношение респондентов к изменениям, произошедшим в стране за последнее время. Результаты получились во многом предсказуемыми. Если правление Ельцина оценивается гражданами в основном отрицательно, то период нахождения у власти Путина характеризуется преимущественно положительно.

Как Вы оцениваете изменения, которые произошли в России в 1990-е гг. (время президентства Б.Н. Ельцина)? (%)

полностью положительно	5,3
скорее положительно, чем отрицательно	16,8
мне они безразличны	6,4
скорее отрицательно, чем положительно	35,9
резко отрицательно	30,1
затрудняюсь ответить	5,6

Как Вы оцениваете изменения, которые произошли в России в 2000-е гг. (время президентства В.В. Путина)? (%)

полностью положительно	30,1
скорее положительно, чем отрицательно	52,7
мне они безразличны	4,0
скорее отрицательно, чем положительно	7,2
резко отрицательно	2,7
затрудняюсь ответить	3,5

Как бы Вы оценили начало президентства Д.А. Медведева? (%)

жизнь постепенно улучшается	9,8
ничего принципиально не изменится	65,2
жизнь в целом ухудшилась	14,9
затрудняюсь ответить	10,1

В отношении же нынешнего президента страны подобной однозначности пока не наблюдается. 65,2% граждан уверены, что с приходом к власти Д. Медведева ничего принципиально не изменится. А оценивая уже произошедшие при нем изменения, чуть больше людей (14,9%) расценивают их как негативные, нежели как позитивные (9,8%). На фоне достаточно высокого рейтинга действующего главы государства, фиксируемого большинством социологических опросов, данное обстоятельство выглядит несколько странным.

В определенной степени сдержанно-настороженное отношение к новому президенту проявилось и в оценке наиболее громких его инициатив – в частности, по изменению срока полномочий главы государства и депутатов Государственной думы. Говорить об однозначной позиции общества относительно увеличения срока нахождения у власти президента, на наш взгляд, нельзя. Имеет место примерно равное распределение респондентов на тех, кто данное нововведение одобряет, и тех, кто не одобряет. При этом небольшой перевес все же можно наблюдать на стороне противников увеличения срока полномочий.

Как Вы относитесь к решению увеличить срок президентских полномочий с 4 до 6 лет? (%)

полностью положительно	13,9
скорее положительно, чем отрицательно	24,3
мне это безразлично	14,7
скорее отрицательно, чем положительно	27,2
резко отрицательно	15,7
не слышал об этом	4,3

Более однозначная позиция имеет место быть в отношении инициативы по увеличению срока депутатских полномочий: относится к ней резко негативно почти четверть населения страны, а еще почти 30% расценивают ее «ско-

рее отрицательно, чем положительно». На наш взгляд, это может говорить о том, что институт президентства по-прежнему пользуется в обществе большей популярностью, нежели институт парламентаризма.

Как Вы относитесь к решению увеличить срок полномочий депутатов Государственной думы с 4 до 5 лет? (%)

полностью положительно	7,5
скорее положительно, чем отрицательно	16,0
мне это безразлично	17,9
скорее отрицательно, чем положительно	29,4
резко отрицательно	23,5
не слышал об этом	5,3

Анализ политических взглядов и настроений российского общества на основе результатов социологических опросов жителей города Саратова, проведенных в 2007–2008 гг., позволяет сделать ряд важных выводов.

1. Наблюдается отчетливая динамика ценностно-идеологических ориентаций россиян, их отношения к политическим партиям, как базовым институтам современной политической системы, а также восприятия основных трендов реформаторского курса современной правящей элиты. В обществе формируется запрос на стабильность, социальное государство, моноцентричную систему государственной власти, умеренно многопартийную систему.

2. В общественном сознании просматривается тенденция пересмотра сущностного и функционального аспекта «демократических завоеваний» ельцинского периода. Об этом свидетельствует в целом негативное восприятие изменений, которые произошли в России в 1990-е годы. Кроме этого наблюдается ярко выраженный процесс деидеологизации общественной жизни на фоне фактического признания низкой эффективности модели либеральной демократии, стремления заключить общественно-политическую и социально-экономическую практику в новые, адаптированные для современной России, идейно-теоретические рамки.

3. Преимущественно положительное восприятие результатов президентства В.В. Путина во многом является следствием кризиса модели российской демократии образца 1990-х гг., инструментального и процессуального потенциала которой оказалось не достаточно для обеспечения законности и правопорядка, реализации социально-экономических и политических прав граждан. Проблемной зоной в этом направлении является отсутствие ярко выраженных позитивных ожиданий от деятельности действующего президента Д.А. Медведева и в целом сдержанная или преимущественно негативная оценка его инициатив по реформированию ключевых государственных институтов.

Примечания

- ¹ Опрос проводился в ноябре 2008 г. в городе Саратове, опрошено 600 человек по репрезентативной выборке.
- ² См.: Вилков А.А., Данилов М.В., Шестов Н.И. Обще-

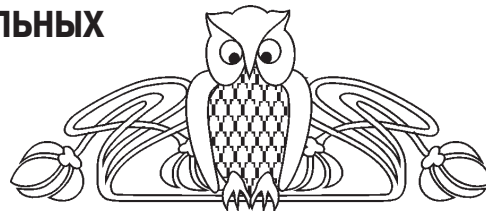
ственное мнение в преддверии избирательного цикла: глубинные основания и конъюнктурные проявления // Изв. Сарат. ун-та. Новая серия. Сер. Социология. Политология. 2007. Т. 7, вып. 2. С. 78–83.

УДК 329.059470+571

СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА КПРФ В ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ЦИКЛАХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ю.П. Суслов

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: vil57@yandex.ru

В статье рассмотрены проблемы стратегии и тактики одной из ведущих оппозиционных сил современной России – КПРФ – в период подготовки и проведения выборов кампаний по выборам Президента РФ, выборов в Государственную думу, представительные (законодательные) региональные органы. Анализ документов и материалов съездов КПРФ, съездов СКП-КПСС, пленумов ЦК показал различные творческие подходы к проведению этой работы в сложнейших условиях, несмотря на серьёзные трудности, связанные с объективными и нередко с субъективными причинами. В конечном итоге делается вывод о том, что КПРФ остаётся второй политической силой на политическом пространстве современной России.

Ключевые слова: партии, КПРФ, избирательные стратегии, избирательные кампании, избирательные циклы.

KPRF's Strategy and Tactics in Election Cycles in Modern Russia

Yu.P. Suslov

In the article different problems are examined about the strategy and tactics one the leading opposition parties in modern Russia – Communist Party – during preparation and holding of election companies of the Russian Federation President, Elections in the State Duma, elections in representative (legislative regional institutions). Analysis on the base of documents and sources of congresses of CPRF, congresses of UKP-CPSU, plenums of CC showed different creative approach on holding of that work in complicated conditions, in spite of serious difficulties concerning with objective and subjective motives. Finally, author makes a conclusion that CPRF remains the second political party in political space of modern Russia.

Key words: parties, CPRF, election strategies, election campaigns, election cycles.

Политологическое изучение деятельности любых политических партий имеет на первом месте тот практический смысл, что дает общественному сознанию некие более-менее объективные критерии для оценки ситуации. А именно для оценки того, насколько совпадают или же не совпадают между собой стратегические и тактические установки, заявляемые данной партией, и фактические результаты участия данной организации в политическом процессе. Именно этот акцент на востребованности политологических

оценок партийного строительства и участия массовым сознанием, на наш взгляд, создает эффект пересечения в плоскости одних и тех же политологических исследований идеологического и собственно научного дискурсов.

Применительно к исследованию опыта развития политических партий и движений либеральной направленности никаких проблем с таким пересечением обычно не возникает. С момента возникновения КПРФ в 1993 г. в её программе записано, что одной из важнейших задач её деятельности является задача восстановления власти трудящихся в лице Советов в результате избрания Президентом России представителя КПРФ, завоевания большинства депутатских мест на выборах в Государственную думу, в региональные законодательные органы, а также при выборах губернаторов. Уже в этом пункте, в плане заявки на использование понятия «власть трудящихся», как ключевого в идеологическом дискурсе и адекватного настроениям определенной части электората, обнаруживается несоответствие научному дискурсу. Этот дискурс знает «власть вообще», знает «власть элит». Но он не знает «власти трудящихся». Применительно к массам, участвующим в политике, он знает лишь «электоральное участие». А в данном случае необходимо на языке науки описать и оценить момент соединения двух несоединимых вещей – власти и общества, которые по логике либеральной научной традиции представляют собой две самостоятельные реальности в структуре одной политической системы.

Другая проблема совмещения дискурсов, на наш взгляд, состоит в том, что научный дискурс нацелен на описание деятельности партий и общественных движений как частных случаев «демократического транзита». Организации КПРФ приняли участие в проведении 3 выборов Президента РФ, 3 выборов депутатов Государственной думы, 5 туров выборов региональных органов власти. Но было ли это участие для тех людей, которые в нем реально участвовали и сегодня интересуются этой историей близкой им по духу организации, участием в «демократиче-

Примечания

- ¹ Опрос проводился в ноябре 2008 г. в городе Саратове, опрошено 600 человек по репрезентативной выборке.
- ² См.: Вилков А.А., Данилов М.В., Шестов Н.И. Обще-

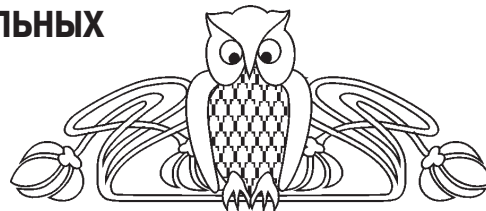
ственное мнение в преддверии избирательного цикла: глубинные основания и конъюнктурные проявления // Изв. Сарат. ун-та. Новая серия. Сер. Социология. Политология. 2007. Т. 7, вып. 2. С. 78–83.

УДК 329.059470+571

СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА КПРФ В ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ЦИКЛАХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ю.П. Суслов

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: vil57@yandex.ru

В статье рассмотрены проблемы стратегии и тактики одной из ведущих оппозиционных сил современной России – КПРФ – в период подготовки и проведения выборов кампаний по выборам Президента РФ, выборов в Государственную думу, представительные (законодательные) региональные органы. Анализ документов и материалов съездов КПРФ, съездов СКП-КПСС, пленумов ЦК показал различные творческие подходы к проведению этой работы в сложнейших условиях, несмотря на серьёзные трудности, связанные с объективными и нередко с субъективными причинами. В конечном итоге делается вывод о том, что КПРФ остаётся второй политической силой на политическом пространстве современной России.

Ключевые слова: партии, КПРФ, избирательные стратегии, избирательные кампании, избирательные циклы.

KPRF's Strategy and Tactics in Election Cycles in Modern Russia

Yu.P. Suslov

In the article different problems are examined about the strategy and tactics one the leading opposition parties in modern Russia – Communist Party – during preparation and holding of election companies of the Russian Federation President, Elections in the State Duma, elections in representative (legislative regional institutions). Analysis on the base of documents and sources of congresses of CPRF, congresses of UKP-CPSU, plenums of CC showed different creative approach on holding of that work in complicated conditions, in spite of serious difficulties concerning with objective and subjective motives. Finally, author makes a conclusion that CPRF remains the second political party in political space of modern Russia.

Key words: parties, CPRF, election strategies, election campaigns, election cycles.

Политологическое изучение деятельности любых политических партий имеет на первом месте тот практический смысл, что дает общественному сознанию некие более-менее объективные критерии для оценки ситуации. А именно для оценки того, насколько совпадают или же не совпадают между собой стратегические и тактические установки, заявляемые данной партией, и фактические результаты участия данной организации в политическом процессе. Именно этот акцент на востребованности политологических

оценок партийного строительства и участия массовым сознанием, на наш взгляд, создает эффект пересечения в плоскости одних и тех же политологических исследований идеологического и собственно научного дискурсов.

Применительно к исследованию опыта развития политических партий и движений либеральной направленности никаких проблем с таким пересечением обычно не возникает. С момента возникновения КПРФ в 1993 г. в её программе записано, что одной из важнейших задач её деятельности является задача восстановления власти трудящихся в лице Советов в результате избрания Президентом России представителя КПРФ, завоевания большинства депутатских мест на выборах в Государственную думу, в региональные законодательные органы, а также при выборах губернаторов. Уже в этом пункте, в плане заявки на использование понятия «власть трудящихся», как ключевого в идеологическом дискурсе и адекватного настроениям определенной части электората, обнаруживается несоответствие научному дискурсу. Этот дискурс знает «власть вообще», знает «власть элит». Но он не знает «власти трудящихся». Применительно к массам, участвующим в политике, он знает лишь «электоральное участие». А в данном случае необходимо на языке науки описать и оценить момент соединения двух несоединимых вещей – власти и общества, которые по логике либеральной научной традиции представляют собой две самостоятельные реальности в структуре одной политической системы.

Другая проблема совмещения дискурсов, на наш взгляд, состоит в том, что научный дискурс нацелен на описание деятельности партий и общественных движений как частных случаев «демократического транзита». Организации КПРФ приняли участие в проведении 3 выборов Президента РФ, 3 выборов депутатов Государственной думы, 5 туров выборов региональных органов власти. Но было ли это участие для тех людей, которые в нем реально участвовали и сегодня интересуются этой историей близкой им по духу организации, участием в «демократиче-

ском транзите» или участием в борьбе против либеральной версии такого транзита? Очевидно, что несомненно научная оценка политического участия КПРФ как частного случая «демократического транзита» не может быть адекватно воспринята ни в лагере сторонников этой партии, ни в лагере ее идейных противников в современном российском обществе. Для массового сознания сторонников КПРФ трудности в работе Коммунистической партии Российской Федерации в период 1993–2008 гг. будут во многом связаны и с политическим и с экономическим развитием России в исследуемый период, тогда как научный дискурс объективно будет уводить внимание аналитика в область отклонений стратегии и тактики этой партии от «магистральной дороги» в поле «общечеловеческих политических ценностей».

До сих пор не предложено приемлемой для массового сознания и научных задач периодизации политической деятельности КПРФ. Идеологический дискурс будет ориентирован на следующее определение событийного ряда. XIV пленум ЦК КПРФ 29 июня 2008 г. отметил, что работу партии с электоратом можно разделить на два периода. **Первый период** – 90-е гг. XX века. Это было время, когда КПРФ была значительно представлена во всех структурах власти, могла останавливать какие-то разрушительные решения власти и проводить в жизнь некоторые свои социальные инициативы. **Второй период** – первое десятилетие XXI века. По мнению руководства КПРФ, это было время «сбора осколков» в условиях построения властью авторитарной «вертикали лояльности». Необходимо было освободить себя от ответственности там, где коммунисты реально ничего не решали, но при этом работать на тех участках, чтобы сохранить политическую независимость и твердо следовать своей программе, расширяя круг сторонников. В этом периоде коммунисты не имеют того представительства, которое было, когда были губернаторский корпус, председатели региональных парламентов и большая фракция в Государственной думе¹.

Научный дискурс объективно нацеливает аналитика на постановку проблемы в другом ракурсе: а нужна ли периодизация для того, что с либеральной точки зрения выглядит просто «тормозом прогресса»? Для «тормоза» периодизация не нужна, она мало что способна выявить в сущности данного феномена.

В идеологическом дискурсе оценка ситуации будет такой, что влияние КПРФ в 90-е гг. на политический процесс и законодательство в какой-то мере способствовало смягчению антисоциальных процессов и тем самым косвенно стабилизировало режим. В настоящее время отсутствие рычагов принятия социально-экономических решений в течение последних семи лет объективно открыло дорогу капиталистическим процессам². В научном же дискурсе нацеленность на критически-

негативную оценку результатов деятельности КПРФ объективно должна превалировать.

Анализ итогов участия коммунистов в выборах президента, депутатов различных уровней позволяет отметить неравномерный уровень популярности КПРФ: определённый успех в выборных кампаниях 90-х гг., начала президентства В.В. Путина, затем период снижения, а затем подъём её к завершению путинского правления. В 2000 г. в результате прошедших выборов в 30 регионах России к власти пришли коммунисты и представители народно-патриотических сил, в том числе в 7 областях и краях России главами администраций были избраны члены и секретари ЦК КПРФ³. На выборах в III Государственную думу за КПРФ голосовало более 16 млн избирателей, или 24,3% от числа голосовавших. Фракция КПРФ в этой же Думе насчитывала 86 депутатов. Кроме того, часть членов КПРФ находилась в составе агропромышленной депутатской группы⁴. Это стало возможным, по мнению политологов, в результате некоторого усиления общероссийского процесса «полевления» электората в городских центрах, который позволял рассчитывать на продолжение успеха⁵. То, что в научном дискурсе выглядит в качестве ситуативной характеристики электорального поведения, в идеологическом дискурсе будет определяться как свидетельство образования некоего альтернативного вектора развития политических процессов в современной России.

По оценке ряда политологов и средств массовой информации, результаты участия кандидатов-коммунистов и сторонников КПРФ в губернаторских выборах 2000 г. считаются положительными. При этом отмечалось, что в ряде регионов местные отделения КПРФ или их отдельные влиятельные представители выражали недовольство политикой «красных губернаторов» и даже были готовы отказать им в поддержке. Тем не менее отмечено было, что в результате губернаторских выборов «красный пояс» увеличился на 3 субъекта. Одновременно произошло расширение списка «красных» мэров. То, что в данном случае политолог оценит как проявление кризисных моментов в российском демократическом транзите, идеолог определит как стратегический и тактический успех в борьбе за приостановление демократического транзита в его либеральной версии. Хотя идеолог должен будет признать, что последующая работа отдельных «красных губернаторов» показала серьёзные недостатки штаба КПРФ по выдвижению кандидатов в губернаторы. Об этом свидетельствует «отказничество» от КПРФ губернаторов Краснодарского и Ставропольского краёв А. Ткачёва и А. Черногорова⁶. Но именно это он оценит как частный случай, тогда как политический аналитик увидит в этом общую тенденцию к снижению популярности коммунистической идеи.

Возьмем для примера ряд фактов. В 2002 г. электоральная стратегия подверглась серьёзным

испытаниям. Законотворческая сфера оказалась, после отказа правящей партии «Едиство» от достигнутых ранее договорённостей по распределению руководящих постов в руководстве Государственной думы, под контролем режима. Произошла, несмотря на официальный демарш КПРФ об отказе от руководящих постов в Думе⁷, предельная монополизация всей системы принятия властных решений. Дума, Совет Федерации, администрация Президента и правительство стали действовать как одна команда⁸. Именно с этого времени в массовое сознание стала настойчиво проталкиваться мысль о том, что произошедшие во властных верхах перемены делают КПРФ «неужной».

На волне определённого успеха в избирательных кампаниях конца XX – начала XXI в. КПРФ определила формат предстоящей избирательной кампании, 3 её этапа (референдум о земле – сентябрь 2002 – май 2003 г.; выборы депутатов Госдумы – декабрь 2003 г.; выборы Президента РФ – март 2004 г.) и сроки основных мероприятий⁹.

Были разработаны стратегические цели по созданию в ходе предстоящих выборов в Госдуму и Президента РФ авторитетной, хорошо подготовленной, представляющей все регионы России депутатской группы, получение контрольного пакета голосов в Думе, что позволило бы на выборах Президента РФ избрать настоящего патриота.

В рамках агитации в этой избирательной кампании выдвигались поддержка и проведение конкретных политических инициатив оппозиции: проведение референдума о земле, защита русского народа и русской культуры, выступление против повышения цен и тарифов на жилищно-коммунальные услуги, электроэнергию и транспорт, отставка правительства¹⁰.

Для победы на выборах коммунисты предполагали привлечь на свою сторону 20% избирателей протестного электората, 30 – избирателей «центристского» электорального поля, 15% – избирателей либерального поля¹¹.

Как никогда раньше были определены и охарактеризованы силы оппонентов КПРФ, которые в ходе борьбы формировали атакующую колонну, состоящую из 3 линий: первая – ядро антикоммунистическая сила, включавшая СПС и ЛДПР. На них возлагалась задача проведения наиболее грубой агитации против КПРФ. Вторая главная – «Единая Россия» со своей более осторожной позицией. Третья – её представители должны были перехватить тех, кого не смогла напугать пропаганда первой линии и не удержала агитация представителей второй линии¹².

Анализ документов, принимаемых коммунистами на съездах, пленумах ЦК КПРФ, в постановлениях ЦК по теоретическому обоснованию стратегии партии в электоральном процессе современной России показывает возможность в этот период значительного усиления влияния коммунистов в политической жизни страны.

Однако в вопросах тактики руководство КПРФ значительно отставало от политической активности населения, вызванной ухудшением благосостояния значительной части трудящихся. Это в немалой степени стало возможным в результате «избиения кадровых ошибок, грубейшего искажения ленинских норм, которые имели место в современный период деятельности КПРФ. Не способствовали усилению боевитости парторганизаций в подготовке к выборам в декабре 2003 и марте 2004 г. и регулярно публикуемые в партийных СМИ итоги социологических исследований об эффективности агитационно-пропагандистской работы в этот период¹³.

На этапе подготовки и проведения выборов в 2003 и 2004 гг. была решена стратегическая задача: впервые в современной истории России была создана система контроля над выборами, которая позволила выявить и убедительно показать обществу механизм махинаций. На 94 тысячах избирательных участков работало свыше 200 тысяч членов комиссий и наблюдателей от КПРФ¹⁴. При этом «главным контролёром» от партии был назначен секретарь ЦК С.А. Потапов. На пленуме ЦК в июне 2003 г. особо подчёркивалось, что состав выдвинутых кандидатов в депутаты Государственной думы 4-го созыва от КПРФ как никогда отличался от кандидатов других партий профессиональной подготовкой, знанием жизни, политического и законодательного процесса¹⁵.

Социологические опросы населения, проводимые летом 2003 г., показали, что в целом за период с января по август 2003 г. активность и эффективность коммунистов среди населения снизилась с 9 до 7%. Другим тревожным фактом для руководства партии должны были стать сведения о снижении с 32 до 23% лиц, считавших КПРФ единой сильной оппозиционной силой¹⁶.

Всё вышесказанное стало следствием субъективных и объективных обстоятельств. Первое – углубляющиеся противоречия внутри руководства КПРФ по вопросам стратегии и тактики деятельности партии. Второе – политика администрации Президента и фракции правящей партии «Единая Россия» в Государственной думе в отношении оппозиционной политики КПРФ, приведшая к расколу избирателей, созданию альтернативы КПРФ в лице «Родины». По указанию администрации Президента 21 июня 2003 г. была распущена единственная в стране комиссия Госдумы по контролю за выборами¹⁷.

КПРФ на декабрьских выборах в IV Государственную думу смогла провести только 52 депутата. В ходе голосования КПРФ потеряла 8,5 млн голосов избирателей, в том числе в Краснодарском крае – 480, Москве и Московской области – соответственно 249 и 379, Ростовской области – 340 тысяч, 24 региональных парторганизаций потеряли от 40 до 50%, 15 организаций – 2/3 голосов избирателей¹⁸.

Руководство КПРФ в лице Г.А. Зюганова на IX (внеочередном) съезде партии, с нашей точки

зрения, достаточно объективно оценило итоги прошедших в декабре 2003 г. выборов, признав, что в стратегии избирательной кампании Президиумом ЦК КПРФ допущены были серьезные ошибки. Руководство партией оказалось неготовым предпринять упреждающие действия против массированного и агрессивного информационного террора. Многие региональные и местные отделения недостаточно энергично работали в трудовых коллективах, после выборных успехов 1995 и 1999 гг. самоуспокоились, монополия КПРФ на левом фланге вылилась в благодушие, затем в застой.

Вся эта фактура, охарактеризованная нами в идеологическом дискурсе, в научном политологическом дискурсе будет определена одним понятием – «падение популярности коммунистической идеи и практики», и мотивировка этой оценки будет привязана к базовой для либерального дискурса идее, что только понятия «демократическая идея» и «демократическая практика» обладают абсолютной ценностью, а все остальное – это «суета» на обочине «магистрального пути цивилизации». Эту «суету» можно изучать, но не для того, чтобы существенно откорректировать основания концептуальных подходов научной оценки демократической перспективы России.

Анализ решений IX (внеочередного) съезда КПРФ, последующих постановлений ЦК КПРФ, проведенный с идеологических позиций, даёт основание полагать, что ЦК и его Президиум не только серьёзно и самокритично отнеслись к ошибкам, допущенным в ходе подготовки организации выборной кампании в Госдуму, но и определили новую стратегию предвыборной работы. Вводится новая оценка работы партийных организаций: конкретное политическое действие (КПД). Эффективность этого КПД будет больше при переносе борьбы не за избирателя, а за интересы людей. Тогда КПРФ поддержку получит и без особых избирательных технологий. Для научного же дискурса само понятие «политические технологии» обладает самостоятельным смысловым значением, тогда как «интересы людей» вообще не вписываются в его структуру.

По мнению политологов, к концу 2003 г. в стране сложилась система, являющаяся продуктом победы бюрократии над другими ведущими кланами 90-х гг. – олигархическим и криминальным. В идеологическом же дискурсе, не ориентированном на учет таких «частностей» и апеллирующем к понятию «интересы общественных групп», все будет выглядеть так, что коммунисты могли реально помешать клановому конфликту, могли взять политический процесс под свой контроль, но оказались объективно не готовыми ко всем этим совершенно новым условиям. Вместо обновления содержания и форм борьбы, перестройки своей работы они втянулись во внутренние разборки, поставив себя в позицию оправдывающихся. Не имея по-настоящему выверенной тактики борьбы с авторитарным режимом административного и

информационного произвола, КПРФ не имела возможности серьёзно провести кампанию по выборам Президента РФ¹⁹ и выборам по партийным спискам депутатов в представительные (законодательные) органы власти 6 субъектов РФ²⁰.

Этот идеологический дискурс озвучили отдельные руководители региональных отделений КПРФ, которые с горечью отмечали, что «поражения на выборах в период 2002–2004 гг. – наказание за оппортунистические грехи, за терпимость к оппортунизму²¹. Г.А. Зюганов признался в том, что Президиум ЦК и он как председатель партии «оказались не готовы к новому рецидиву опасной болезни в партии (фракционность и оппортунизм), хотя её родимые пятна и метастазы уже были видны... Фракционеры отвлекли наше внимание от самой тяжёлой в истории нашей партии избирательной кампании. Посеяли ростки неуверенности и сомнений среди избирателей... Мы обязаны были раньше разобраться в так называемом “казусе Глазьева”, ...вовремя вскрыть колоссальный вред, нанесённый партии Потаповым и его группировкой, ...разобраться с сепаратистскими действиями исполкома НПСР, ...за суетой текущих дел не заметили. Что партийная дорога стала более ухабистой и опасной. Что ряд организаций сполз с главной магистрали общего движения. Это было особенно заметно при рекомендации в списочный состав на выборах в Госдуму»²².

Анализ, проведенный нами, наводит на два соображения. Он показывает объективную природу того отчуждения от проблематики становления леворадикального сегмента партийного спектра современной России, которое наблюдается в среде отечественных политологов. Коммунистическую идею и практику изучать «предметно» сегодня не очень популярно. В приведенных нами фактах обнаруживает себя и природа взаимного непонимания тех, кто средствами науки пытается сформировать массовое сознание в русле приверженности демократическому транзиту, и тех, кто решает ту же задачу, но в русле развития идеологического дискурса. И пока пересечение двух дискурсов будет сохранять такой характер, «расставание» с коммунизмом как научно и общественно в одинаковой мере осмысленной проблемой вряд ли скоро состоится.

Примечания

- 1 См.: Мельников И.И. Об усилении партийного руководства и повышении ответственности депутатских фракций и групп коммунистов по выполнению программных положений КПРФ и наказов избирателей // Правда. 2008. № 67. 1–2 июля.
- 2 Там же.
- 3 См.: Зюганов Г.А. Политический отчёт Совета СКП-КПСС XXII съезду // Политическое просвещение. 2001. № 5(6). С. 24.

- 4 См.: *Осадчий И.П.* Коммунистическая партия Российской Федерации // Политическое просвещение. 2001. № 1(2). С. 98.
- 5 См.: Участие КПРФ в региональных выборах 2000 года: итоги и анализ // Политическое просвещение. 2001. № 1(2). С. 61.
- 6 Там же. С. 62, 65.
- 7 См.: Доклад Президиума ЦК КПРФ «О выполнении решений VI и VII (внеочередных) пленумов ЦК КПРФ» // Политическое просвещение. 2002. № 3. С. 9–19.
- 8 *Зюганов Г.А.* О стратегии Компартии Российской Федерации в избирательных кампаниях 2002–2004 годов // Политическое самообразование. 2002. № 4(10). С. 8.
- 9 См.: *Зюганов Г.А.* Пленум ЦК КПРФ. 22 июня 2002 года // Политическое просвещение. 2002. № 4(10). С. 10–12.
- 10 Там же. С. 10.
- 11 Там же. С. 13.
- 12 Там же. С. 28.
- 13 Предвыборные маневры начались // Политическое просвещение. 2003. № 3. С. 115.
- 14 IX (внеочередной) съезд КПРФ (второй этап работы) // Политическое просвещение. 2004. № 1(19). С. 14.
- 15 Пленум ЦК КПРФ. 27 июня 2003 г. // Политическое просвещение. 2003. № 4. С. 29–30.
- 16 *Васильцов С.И., Пешков В.П., Обухов С.П.* Партии в ожидании выборного указа // Политическое просвещение. 2003. № 5(17). С. 58.
- 17 Политическое просвещение. 2003. № 4(16). С. 21.
- 18 IX (внеочередной) съезд КПРФ (второй этап работы) // Политическое просвещение. 2004. № 1(19). С. 8–9.
- 19 *Мельников И.И.* Об эффективности работы коммунистов в органах законодательной, исполнительной власти и в местном самоуправлении // Политическое просвещение. 2004. № 3(21). С. 7–8.
- 20 *Васильцов С.И., Обухов С.П.* Итоги выборов по партийным спискам в представительные (законодательные) органы власти субъектов РФ // Политическое просвещение. 2004. № 3(21). С. 131–132, 135.
- 21 *Федоткин В.Н.* Об опасности правого оппортунизма в наших рядах // Политическое просвещение. 2004. № 2(20). С. 16.
- 22 *Зюганов Г.А.* Мы выстояли. Впереди трудный марш. Политический отчет ЦК КПРФ X съезду КПРФ // Политическое просвещение. 2004. № 4(22). С. 9, 12, 34.

УДК 329.059470+571

«РУССКАЯ ДОКТРИНА»: О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ЛИБЕРАЛЬНОЙ КРИТИКИ

В.И. Головченко

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: golovchenkoav@mail.ru

В статье рассмотрены некоторые направления критики «Русской доктрины» со стороны либерально-ориентированных публицистов и общественно-политических деятелей, дана оценка их аргументированности и состоятельности.

Ключевые слова: «Русская доктрина», идеологический фактор, либерализм, либеральные ценности, эволюция партий.

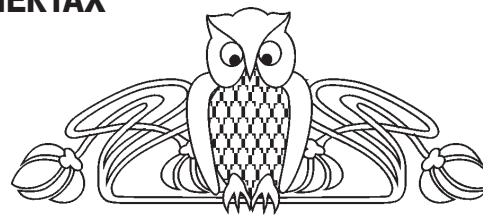
«Russian Doctrine»: Some Aspects of Liberal Criticism

V.I. Golovchenko

The article deals with some directions of the criticism to «Russian Doctrine» by liberally oriented publicists and statesmen. The veracity and validity of their arguments have been estimated.

Key words: «Russian Doctrine», ideological factor, liberalism, liberal values, the parties' evolution.

Концепция «суверенной демократии» стала толчком для обсуждения со стороны представителей самых различных политических сил, публицистов и научного сообщества. Появление «Русской доктрины» – коллективного труда авторов и экспертов, под общей редакцией А.Б. Кобякова и В.В. Аверьянова¹ – также вы-

звало общественный резонанс среди российских интеллектуалов, но масштаб его и вектор обсуждения был намного уже. Содержание большинства откликов на этот документ представляет, на наш взгляд, самодостаточный объект для изучения особенностей мировоззрения либерально-ориентированной интеллектуальной элиты в современной России.

Как представляется, несмотря на неоднозначность и противоречивость многих положений, общий пафос «Русской доктрины» и обозначенные в ней важнейшие проблемы и пути их решения заслуживают более серьезного отношения, анализа и общественного обсуждения, чем то ерничанье и шутовское осмеяние, которые имели место в значительной части российских СМИ. Не позиционируя себя как апологета данной доктрины, попытаемся разобратся в том ракурсе, который был обозначен в ее восприятии со стороны либерального интеллектуального сообщества.

Первый вопрос, который вызывает противоречивое восприятие данного документа, связан с самим использованием понятия «доктрина», не

- 4 См.: *Осадчий И.П.* Коммунистическая партия Российской Федерации // Политическое просвещение. 2001. № 1(2). С. 98.
- 5 См.: Участие КПРФ в региональных выборах 2000 года: итоги и анализ // Политическое просвещение. 2001. № 1(2). С. 61.
- 6 Там же. С. 62, 65.
- 7 См.: Доклад Президиума ЦК КПРФ «О выполнении решений VI и VII (внеочередных) пленумов ЦК КПРФ» // Политическое просвещение. 2002. № 3. С. 9–19.
- 8 *Зюганов Г.А.* О стратегии Компартии Российской Федерации в избирательных кампаниях 2002–2004 годов // Политическое самообразование. 2002. № 4(10). С. 8.
- 9 См.: *Зюганов Г.А.* Пленум ЦК КПРФ. 22 июня 2002 года // Политическое просвещение. 2002. № 4(10). С. 10–12.
- 10 Там же. С. 10.
- 11 Там же. С. 13.
- 12 Там же. С. 28.
- 13 Предвыборные маневры начались // Политическое просвещение. 2003. № 3. С. 115.
- 14 IX (внеочередной) съезд КПРФ (второй этап работы) // Политическое просвещение. 2004. № 1(19). С. 14.
- 15 Пленум ЦК КПРФ. 27 июня 2003 г. // Политическое просвещение. 2003. № 4. С. 29–30.
- 16 *Васильцов С.И., Пешков В.П., Обухов С.П.* Партии в ожидании выборного указа // Политическое просвещение. 2003. № 5(17). С. 58.
- 17 Политическое просвещение. 2003. № 4(16). С. 21.
- 18 IX (внеочередной) съезд КПРФ (второй этап работы) // Политическое просвещение. 2004. № 1(19). С. 8–9.
- 19 *Мельников И.И.* Об эффективности работы коммунистов в органах законодательной, исполнительной власти и в местном самоуправлении // Политическое просвещение. 2004. № 3(21). С. 7–8.
- 20 *Васильцов С.И., Обухов С.П.* Итоги выборов по партийным спискам в представительные (законодательные) органы власти субъектов РФ // Политическое просвещение. 2004. № 3(21). С. 131–132, 135.
- 21 *Федоткин В.Н.* Об опасности правого оппортунизма в наших рядах // Политическое просвещение. 2004. № 2(20). С. 16.
- 22 *Зюганов Г.А.* Мы выстояли. Впереди трудный марш. Политический отчет ЦК КПРФ X съезду КПРФ // Политическое просвещение. 2004. № 4(22). С. 9, 12, 34.

УДК 329.059470+571

«РУССКАЯ ДОКТРИНА»: О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ЛИБЕРАЛЬНОЙ КРИТИКИ

В.И. Головченко

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: golovchenkoav@mail.ru

В статье рассмотрены некоторые направления критики «Русской доктрины» со стороны либерально-ориентированных публицистов и общественно-политических деятелей, дана оценка их аргументированности и состоятельности.

Ключевые слова: «Русская доктрина», идеологический фактор, либерализм, либеральные ценности, эволюция партий.

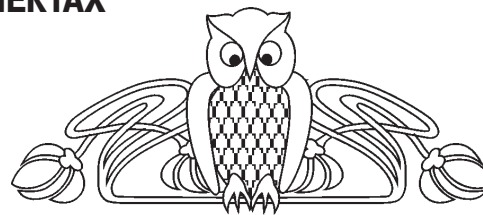
«Russian Doctrine»: Some Aspects of Liberal Criticism

V.I. Golovchenko

The article deals with some directions of the criticism to «Russian Doctrine» by liberally oriented publicists and statesmen. The veracity and validity of their arguments have been estimated.

Key words: «Russian Doctrine», ideological factor, liberalism, liberal values, the parties' evolution.

Концепция «суверенной демократии» стала толчком для обсуждения со стороны представителей самых различных политических сил, публицистов и научного сообщества. Появление «Русской доктрины» – коллективного труда авторов и экспертов, под общей редакцией А.Б. Кобякова и В.В. Аверьянова¹ – также вы-

звало общественный резонанс среди российских интеллектуалов, но масштаб его и вектор обсуждения был намного уже. Содержание большинства откликов на этот документ представляет, на наш взгляд, самодостаточный объект для изучения особенностей мировоззрения либерально-ориентированной интеллектуальной элиты в современной России.

Как представляется, несмотря на неоднозначность и противоречивость многих положений, общий пафос «Русской доктрины» и обозначенные в ней важнейшие проблемы и пути их решения заслуживают более серьезного отношения, анализа и общественного обсуждения, чем то ерничанье и шутовское осмеяние, которые имели место в значительной части российских СМИ. Не позиционируя себя как апологета данной доктрины, попытаемся разобратся в том ракурсе, который был обозначен в ее восприятии со стороны либерального интеллектуального сообщества.

Первый вопрос, который вызывает противоречивое восприятие данного документа, связан с самим использованием понятия «доктрина», не

имеющего единой трактовки в общественном сознании. С советских времен «доктрина» понималась не просто как учение, научная теория, политическая система, руководящий теоретический или политический принцип, но в соотношении с «доктринерством», трактуемым как слепое, некритическое следование какой-либо доктрине, как синоним начетничества и схоластики².

Почему же тогда было выбрано именно это понятие, а не «концепция», не «идеология»? Думается, что одной из причин стало широкое использование понятия доктрины в российском правоведении, которое оказало воздействие и на его позитивное восприятие в других сферах общественно-политической жизни. С юридической точки зрения доктрина рассматривается: а) как мнения ученых-юристов по тем или иным вопросам, касающимся сущности и содержания различных юридических актов, по вопросам правотворчества и правоприменения; б) как научные труды наиболее авторитетных исследователей в области государства и права; в) в виде комментариев различных кодексов, отдельных законов, «аннотированных версий» (моделей) различных нормативно-правовых актов. В целом с точки зрения правовой практики доктрина – это исходящее от юристов-теоретиков разъяснение законов и отдельных правовых норм³. По определению В.С. Нерсисянца, «доктрина права разрабатывает и обосновывает определенные юридико-познавательные формы (принципы, понятия, термины, конструкции, способы, средства, приемы и т.д.), трактовки позитивного права (его источников, системы и структуры, его действия и применения, его нарушения и восстановления и т.д.)»⁴.

Кроме того, в постсоветский период понятие доктрины прочно вошло в российскую социально-политическую практику в виде официально утвержденных документов, либо проектов («доктрина информационной безопасности», «демографическая доктрина России», «военная доктрина Российской Федерации», «экологическая доктрина России», «этнополитическая доктрина России» и др.).

Важно отметить, что данное понятие нередко рассматривается как синоним идеологии, особенно с учетом нарастания негативного отношения к последней как среди интеллектуалов, так и среди значительной части населения. По мнению С.В. Бошно, это не совсем правомерно, так как доктрина «обычно имеет доказательства своих тезисов, она рациональна», а идеология «тяготеет к религиозным способам воздействия на общество»⁵. Думается, лучше всех соотношение между доктриной и идеологией (без упоминания последнего термина) методологически обосновал Л. фон Мизес: «для того чтобы заставить работать социальные доктрины, необходима поддержка общественного мнения»⁶.

Исходя из этого, в ракурсе политологии доктрину в широком смысле, на наш взгляд, можно

определить как совокупность теоретически обоснованных идей по какой-либо важнейшей общественной проблеме, представляющих собой объяснение породивших ее причин и социальный проект ее решения на основе определенных принципов и использования оригинальных механизмов и способов реализации.

С этой точки зрения «Русская доктрина» представляет собой максимально широкий социальный проект развития всех сфер общественной жизни, который авторы предполагали предложить населению России. В 2007 г., выступая перед московскими студентами, митрополит Кирилл дал очень лестную оценку концепции «Русской доктрины»: «Ее разработчики считают, что модернизация России неотделима от сохранения национально-духовных ценностей русского народа. Базовые ценности не должны быть предметом дискуссий ... Что будет с Россией, если она вступит на путь модернизации, не определив те базисные ценности, которые ни при каких условиях не могут быть изменены. Те ценности, которые определяют нашу национальную культурную и духовную идентичность»⁷.

Однако большая часть откликов со стороны обществоведов и журналистов не была комплиментарной. Чего стоят одни эпитеты, которыми авторы награждали данную доктрину («суверенная теократия», «атомное православие», «получит ли церковь власть над Кремлем», «православный сталинизм» и т.п.).

Одним из резких критиков доктрины выступил А. Солдатов. Особенное недовольство у автора вызвала глава 9 доктрины «Идеология сверхнационализма», в которой главной опасностью для Русской империи объявляются «интернационалистские и космополитические тенденции». Видимо, А. Солдатов подразумевает, что эти тенденции принесли российскому народу одни только позитивные последствия. Вызывает неприятие автора и положительное отношение к ядерному оружию, сформулированное в «Русской доктрине», как к инструменту сдерживания внешних врагов России. Содержание статьи достаточно очевидно наталкивает на мысль, что ядерное оружие должно было получить публичное осуждение со стороны православия и его иерархов. При этом речь в статье идет только о российском оружии, что позволяет предположить, что ядерное оружие демократических стран (особенно США с их опытом Хиросимы и Нагасаки), в представлении Солдатова, – это гуманный инструмент для защиты идеалов демократии.

Для осуждения православия автор приплетает любое лыко в строку. По его мнению, «русское благочестие и раньше частенько приобретало brutальные, самоубийственные формы – казни и самобичевания Ивана Грозного, самосожжения староверов, общины бегунов и странников, уходящих в дремучие леса или хоронящихся подвалами у “верных”»⁸. Как бы здесь не вспом-

нить «благочестивую» борьбу с еретиками в Западной Европе, публичные сожжения на костре по приговору инквизиции, Варфоломеевскую ночь, Крестовые походы и т.д. Но это же история демократических собратьев, которых, видимо, по мнению Солдатова, критиковать нельзя. Им можно только подражать и слепо учиться уму-разуму для того, чтобы уйти от варварского российского традиционализма.

Не случайно, что данная статья размещена на сайте Музея и общественного центра «Мир. Прогресс. Права человека» имени Андрея Сахарова⁹. Учредителем Музея и общественного центра является Фонд Андрея Сахарова, а его председателем – Елена Боннэр. Об её отношении к России красноречивее всего говорит тот факт, что в 1992 г. на «свободном» ведущем российском телевизионном канале, в лучшее эфирное время, в течение двух часов вдова А.Д. Сахарова на всю страну критиковала Б.Н. Ельцина за то, что он не выполнил до конца заветы покойного диссидента по разрушению СССР как «тюрьмы народов» и не создал на территории России еще 50–60 и более самостоятельных демократических государств. Сколько десятков миллионов граждан второго сорта появятся на территориях вновь образованных государств, сколько территориальных претензий они будут иметь друг к другу, сколько при этом прольется крови, каков будет характер «самостоятельных» политических режимов – все эти вопросы Е. Боннэр не интересовали. Главное – «Карфаген должен быть разрушен!» – любой ценой. Ну, а в случае возникновения конфликтных ситуаций на бывшей территории Российской Федерации всегда можно пригласить международные силы в лице НАТО, которые своими «точечными» ударами высокотехнологичного «гуманного» оружия быстро наведут демократический порядок, отделят «чистых» от «нечистых». К последним, очевидно, отнесут «русских колонизаторов», которых нужно будет вернуть на территорию Московии. Саха (Якутия), Ханты-Мансийское государство, княжества абазов, камчадалов, эскимосов, ительменов, эвенков и т.д. будут самыми «демократическими» государствами, с помощью «демократических» выборов под контролем международных наблюдателей сформируют этнически чистые автохтонные правительства и создадут все условия для деятельности транснациональных корпораций на своей территории. Мечта американской администрации поставить под международный контроль природно-сырьевые ресурсы России для более «справедливого» их использования будет воплощена в жизнь руками наиболее последовательных российских «демократов»¹⁰.

С. Бычков в своей критике «Русской доктрины» также не утруждает себя серьезными аргументами. Передергивание смысла концептуальных предложений авторов доктрины, цитатничество на основе манипуляционной интерпретации, наклеивание ярлыков, использование либеральных

штампов представляют собой основной ернический инструмент автора («марксистские догмы», «марксистская фразеология», «словотворчество», «сногшибательные открытия», «бесхитростные предложения», «воинственность» и т.п.)¹¹.

Подобные аргументы дополняются намеками на корыстные и криминальные интересы авторов доктрины. Например, по утверждению Г. Поляковой, «спрос на универсальные идеологические основы и ценности государства, по законам рыночного жанра, породил массу предложений со стороны различных сил, начиная от либерально-демократических и заканчивая православно-консервативными. Этим не преминули воспользоваться рвущиеся к власти олигархические группы, в том числе и связанные с РПЦ (достаточно вспомнить скандалы по поводу огромных капиталов, сколоченных на торговле безакцизными сигаретами и водкой). Именно они приняли самое деятельное участие в разработке и курировании таких масштабных политических проектов, как “Основы православной культуры” и “Русская доктрина”»¹².

Г. Полякова констатирует, что «оба проекта, появившиеся на свет в год политических выборов, делают ставку на декларативный популизм и имеют мало чего общего с реалиями сегодняшнего дня. Например, авторы “Русской доктрины” ратуют за восстановление России в границах СССР на 1 января 1989 года, призывают отказаться от признания ценностей прав человека и принципа разделения властей»¹³. Кроме того, в документе объявляется, что все государственные посты в России должны занимать исключительно православные.

Примером того, как можно увести читателя от серьезного обсуждения «Русской доктрины», может послужить статья П. Круга¹⁴. Приемы очень просты, но достаточно действенны. Первый заключается в уничижительной характеристике авторов доктрины как группы публицистов, «чьи имена, что называется, широко известны в узких кругах».

Второй прием состоит в запугивании представителей различных этнических групп современной России: «в правозащитных кругах уже бьют тревогу: текст “Русской доктрины” содержит “дискриминационные положения в отношении представителей нерусских этносов и неправославных верующих”». При этом никакого анализа проявлений «дискриминации» нет, есть лишь ссылка «на авторитеты».

Ну и, наконец, третий – основной прием, суть которого сводится к настраиванию читателя на несерьезное, юмористическое отношение к данному документу: «слишком многое мешает воспринимать документ всерьез. Настолько пафосно звучат речи разработчиков проекта, настолько насыщен экзотическими метафорами его текст». Для подкрепления такого восприятия П. Круг приводит оригинальную терминологию авторов “Русской

доктрины» «Тут и “смыслократия”, и “остальгия”, и “нейромир”, и “псевдоморфоз”, и “макрос государственности»» без ее авторского разъяснения. Интерпретация русской истории, по мнению П. Круга, «местами вообще напоминает фэнтези, а рассуждения об особой русской православной экономике – сказку Николая Лескова о том, как тульский левша аглицкую блоху подковал. Правда, вряд ли авторы стремились к такому эффекту. В любом случае слушать их во сто крат веселее, чем изучать журналы заседаний Священного Синода или тем более читать экзерсисы наших высокопоставленных чиновников в области православного вероучения»¹⁵.

Если суммировать всю критику «Русской доктрины», то суть ее можно свести к ряду тезисов. По мнению либералов, в случае её реализации Россия будет:

теократической (то есть как Иран при аятолах или Афганистан при талибах);
самодержавной (то есть тюрьмой народов);
националистической (русский фашизм).

Ни один из этих тезисов в содержании доктрины реально не представлен. Главный ее смысл, по справедливому утверждению А. Ципко, заключается в том, что «новый, молодёжный русский патриотизм пронизан пафосом “собирания камней”, пафосом собирания русских святынь, русской истории и даже русских земель. Понятия “Россия”, “империя”, “державность” соединены воедино в этом новом молодёжном сознании»¹⁶.

Молодёжный российский консерватизм создаёт проблемы не только для тех, кто победил в октябре 1993 г., но и для новой власти. За молодёжным консерватизмом стоит главный запрос новой России – запрос на духовную, политическую суверенность. По мнению А. Ципко, «сейчас трудно и, наверное, опасно переименовать нашу подражательную Конституцию 1993 года, написанную с позиций испуганного ученика демократии, под новые требования национального развития. Но не реагировать на многие разумные предложения “Русской доктрины” нельзя. Без союза, взаимодействия, сотрудничества власти с молодой, национально ориентированной Россией у нас нет будущего»¹⁷.

Смысл же неконструктивной, огульной и бес-содержательной либеральной критики «Русской доктрины», по нашему мнению, заключается в том, чтобы оправдать свою идейно-мировоззренческую несостоятельность в вопросе о поддержке преобразований 1990-х гг., которые привели к превращению России в сырьевой придаток западных стран, к укреплению олигархического, компрадорского варианта экономического развития и его соответствующего политического оформления. Это попытка переложить ответственность за социально-экономический и духовный кризис российского общества на само общество, ориентированное на традиционализм, патернализм, уравнительность, специфическое понимание социальной справедливости. В результате,

любые попытки выйти из кризисного состояния на основе использования российских социокультурных особенностей либералами встречаются в штыки. Тем самым вместо выявления и внедрения рациональных зерен, имеющихся в «Русской доктрине», нам предлагают высмеять ее и еще раз наступить на «либеральные грабли».

Примечания

- 1 Русская доктрина // <http://www.rusdoctrina.ru/index.php?subject=4&t=1> (просмотр от 18 февр. 2009 г.).
- 2 См.: Современный словарь иностранных слов. М.: Рус. яз, 1992. С. 211.
- 3 Роль правовой доктрины проявляется в создании конструкций, понятий, определений, которыми пользуется правотворческий орган. Судьи высших или международных судов, выражая своё особое мнение, зачастую ссылаются на труды известных правоведов. А в судебных заседаниях приглашают учёных-юристов для дачи экспертных заключений.
- 4 *Нерсесянц В.С.* Общая теория права и государства. Учебник для юридических вузов и факультетов. М.: НОРМА–ИНФРА, 1999. С. 382–383.
- 5 *Бошно С.В.* Доктрина как форма и источник права // Журн. рос. права. 2003. № 12. С. 17.
- 6 *Мизес Л. фон.* Роль доктрин в человеческой истории // Либерализм. М.: Социум, Экономика, 2001. С. 191.
- 7 Митрополит Кирилл рассказал студентам о «Русской доктрине» // <http://www.rusdoctrina.ru/index.php?subject=6&o=80> (просмотр 9 нояб. 2007 г.).
- 8 Там же.
- 9 *Солдатов А.* Атомное православие // Огонек. 2007. № 37. 10–16 сент. // http://sakharov-museum.ru/museum/exhibitionhall/religion_notabene/religion/index.php?subaction=showfull&id=1189609418&archive=&start_from=&ucat=3&
- 10 Не случайно, что финансовые средства на реконструкцию здания Музея и общественного центра «Мир. Прогресс. Права человека» имени Андрея Сахарова предоставили: Американское агентство международного развития, Национальный фонд развития демократии (США) при посредстве юридического консорциума АРД/ЧЕККИ и Дома Свободы (США), Фонд Мак-Артуров (США) при посредстве Университета Брэндайса (США), Фонд Сороса (США), Алан Вин (Великобритания).
- 11 *Бычков С.* В России построят суверенную теократию // Московский комсомолец. 2007. 12 сент.
- 12 *Полякова Г.* Получит ли церковь власть над Кремлем // IslamNews.Ru. 2007. 7 нояб.
- 13 Там же.
- 14 *Круг П.* Кому ляжет на стол «Русская доктрина»? // Независимая газ. 2007. 5 сент.
- 15 Там же.
- 16 *Ципко А.* В ожидании Гагарина. Сила и слабость молодёжного консерватизма // Лит. газ. 2006. 14 янв.
- 17 Там же.

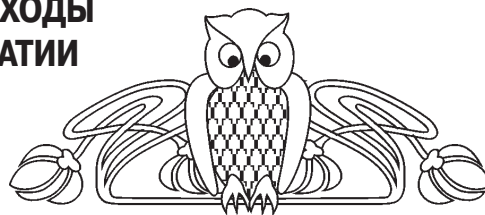

УДК 32.130.3

НОРМАТИВНЫЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОДЫ К КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПРОБЛЕМ ДЕМОКРАТИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Н.Н. Филатов

Саратовский государственный университет,
кафедра государственно-правовых дисциплин
E-mail: FILATOVNN@info/squ.ru

В статье анализируются особенности основных научных подходов к проблемам демократии, которые оформились в постсоветский период, рассматриваются основные аргументы их представителей, обозначившиеся в ходе непрекращающейся дискуссии о перспективах демократии в России.

Ключевые слова: концепции демократии, нормативный подход, функциональный подход, перспективы демократии в России.

Normative and Functional Approach to the Democracy Problems Conceptualization in Modern Russia

N.N. Filatov

The article analyzes the peculiarities of the principal scientific approaches to democracy problems, formed during the post-Soviet period, and examines the main arguments of their representatives, which are being put forward during the continuing discussion devoted to the Russian democracy perspectives.

Key words: democratic conceptions, normative approach, functional approach, Russian democracy perspectives.

Одним из важнейших направлений политических исследований являются проблемы, связанные с концептуализацией понятия демократии, ее особенностей в условиях перехода от одного общественного состояния к другому. На первом этапе политического развития России в постсоветский период преобладала либеральная логика и риторика демократического транзита. По мнению П.И. Симуша, «в 90-е годы XX в. “демократия”, как и общественная собственность, стала приватизированной усилиями амбициозных кланов олигархов и чиновников»¹.

Уже в середине 1990-х гг. реальный опыт политических преобразований заставил исследователей по-новому посмотреть на данную проблему, в том числе и на проблему концептуального осмысления сущности демократии, возможностей рефлексии демократических институтов с точки зрения их универсализма, возможностей заимствования и перенесения на российскую социокультурную почву. Развернулась дискуссия по этому поводу, которая, по сути, продолжается до сих пор среди российских обществоведов, периодически оживляясь в связи с различными политическими событиями.

В целом по поводу перспектив демократии в постсоветской России изначально обозначились несколько основных исследовательских позиций.

Одна из них заключалась в том, что потенциальная угроза для демократии лежит в самой демократии: большинство может поддержать авторитарные или даже тоталитарные силы. Уже после выборов 1993 г. и особенно после выборов в Государственную думу 1995 г. российские политологи заговорили о «синдроме веймаровской демократии»², который начинает проявляться в России, о том, что либеральные демократы оказываются перед дилеммой: использовать демократические или авторитарные методы проведения либеральных реформ и установления демократии³. В рамках такой оценки Г. Вайнштейн обозначил состояние демократии в постсоветской России, как «избыточное», преждевременное, не соответствующее качеству политической культуры большинства населения и политической элиты России в результате преобладания этатистских и анархистских установок⁴. По его мнению, еще не факт, что большинство стран, в том числе и Россия, в действительности находятся на некоторой «промежуточной» станции своего пути трансформации, а не в конечном пункте того развития, на которое они оказались способны. В этой связи «действительной проблемой российской демократии является, как это ни прискорбно признать, не столько ее совершенствование в соответствии с классическими стандартами, сколько сохранение того, что уже достигнуто»⁵.

Вторую позицию, на наш взгляд, наиболее развернуто представляла точка зрения В. Гельмана. Он утверждал, что политические режимы в России и ряде других постсоветских государств не могут быть квалифицированы как демократические в том смысле, какой ему придают нормативные теории⁶. По мнению В. Гельмана, Г. Вайнштейн некритически применяет к анализу российской политики положения концепции процедурной демократии, разработанной американским политологом Робертом Далем. Между тем политический режим в России отнюдь не соответствует семи критериям процедурной демократии, которые были предложены Далем⁷.

Тем самым, сторонники обоих подходов использовали идеально-типический подход, предложенный в свое время еще М. Вебером и ориентированный на выявление проблемных характеристик реально существующих конкретных политических систем. Однако, на наш взгляд, у М. Вебера акцент в его методологической модели делался на анализе функциональности и адаптивности действующих политических и общественных институтов и механизмов, а не на их соответствии идеально-типической модели как целеполагания⁸. Р. Даль и его последователи сместили акцент на процедурные характеристики, обоснованные в виде нормативных параметров, обязательных для воплощения⁹. Модель полиархии при таком подходе выступает не просто инструментом для сравнительного анализа реально существующих политических систем, но и шкалой для их ранжирования на предмет соответствия (несоответствия) стандартам демократии.

Примером такого подхода могут служить оценки уровня и характера демократического состояния различных стран, сделанные Томасом Карозерсом, вице-президентом Фонда Карнеги. По его мнению, с начала 1990-х некоторым странам удалось или почти удалось построить демократию; другие столь же очевидно скатились назад к авторитаризму. Большинство «переходных» стран, однако, находясь в некоей «серой зоне» и делятся на две группы. Все эти страны являются демократиями, но демократиями неполными (полудемократия, формальная, электоральная, фасадная, псевдodemократия, слабая, частичная, нелиберальная и виртуальная демократия). Во всех этих странах налицо свободные выборы и известная доля политических свобод. Для одной группы стран, однако, характерна политическая нестабильность, когда партии сменяют друг друга у власти, ничего не меняя; в других, несмотря на наличие политической оппозиции, власть фактически находится в руках одной партии (группы, клана). Во всех этих странах степень вовлеченности населения в политический процесс низка, а государственные институты слабы и неэффективны¹⁰.

Подобный подход характерен для многих западных политологов. Например, Т.Л. Карл и Ф. Шмиттер подчеркивают, что «никто никогда не утверждал, что режимный транзит всегда означает переход к демократии. Напротив, в литературе, посвященной исследованию различных типов транзита, ясно говорится, что даже после начала режимных изменений траектории развития могут быть самыми разными: одни страны будут двигаться к консолидации демократии, другие – к некоей новой форме авторитарного правления, в третьих будет установлена та или иная версия «гибридного» режима»¹¹.

В. Меркель и А. Круассан в качестве эталона для оценивания используют понятие «ли-

беральные демократии», которые ограничены конституционно-правовыми нормами и процедурами, благодаря которым гарантированы важнейшие гражданские права и свободы, взаимный контроль ветвей власти, четкое разделение полномочий исполнительной и судебной властей. Отступление от данных параметров приводит к тому, что демократия оказывается «дефектной». По мнению авторов, перед «дефектными демократиями» открыты три пути: они могут: 1) эволюционировать в направлении полной демократии; 2) «застыть» на неопределенное время в промежуточном состоянии; 3) повернуть вспять, отказавшись от уже усвоенных элементов демократии¹².

В то же время среди западных исследователей еще в 1970 г. была обоснована и получила распространение иная концепция по данному вопросу, представленная У. Растроу. Среди основных его тезисов принципиальное значение, по нашему мнению, имеют два: 1. «Факторы, обеспечивающие устойчивость демократии, не обязательно равнозначны тем, которые породили данную форму устройства политической системы: при объяснении демократии необходимо проводить различия между ее функционированием и генезисом»; 2. «Процесс зарождения демократии не обязательно должен быть единообразным во всех точках земного шара: к демократии может вести множество дорог»¹³. Остальные тезисы У. Растроу, как представляется, подчинены вышеуказанным.

В рамках такого подхода обосновывается позиция российских исследователей, наиболее последовательно представленная Ю.А. Красиным в виде анализа серии конкретных шагов России в сторону демократии¹⁴. Полемизирующий с Красиным М.В. Ильин доказывает, что современные представительная демократия, гражданское общество, федерализм есть не что иное, как результат компромисса и антиномичного соединения разнонаправленных альтернатив. По его заключению, именно принятие антиномий современного бытия позволяет избежать революций со связанными с ними потрясениями и подменить их мелкими выборами-предпочтениями. Поэтому он считает, что «тотальным» может быть лишь «выбор» в пользу того, чтобы сделать выбор постоянным и неокончательным, чтобы научиться принимать современный мир, в котором демократия, федерация, гражданское общество и прочие «ценности» сочетаются со своими альтернативами и образуют антиномичные единства¹⁵.

На наш взгляд, в подходах М.В. Ильина и Ю.А. Красина не существует принципиальных противоречий. И в том и другом случае исследователи, использующие данные ракурсы на проблему демократического транзита, могут делать акцент, прежде всего, на функциональности действующих политических институтов с точки зрения успешности решения ими важнейших

социально-экономических проблем данного конкретного общества.

Нельзя не согласиться с утверждением, что перед каждой страной, которая решалась на модернизационный марафон, непременно вставали одни и те же проблемы – как постичь премудрости экономического успеха, где взять силы и средства, позволяющие догнать ушедших вперед и справиться с их возможным противодействием? Ответить на эти вопросы – значит найти и проявить политическую волю¹⁶. Однако варианты обосновываются самые непримиримые – от возвращения к Госплану, которое предлагают радикальные коммунисты, до либеральной диктатуры, которую предлагала В.И. Новодворская, чтобы «загнать» россиян в рынок и демократию. По мнению либерального экономиста Е. Ясина, для проведения либеральных рыночных реформ целесообразно было бы использовать активную реформаторскую политику авторитарного режима до начала демократизации. «Тогда наиболее непопулярные экономические меры были бы проведены заблаговременно»¹⁷.

Кроме того, нельзя не учитывать, что демократия в современных условиях сталкивается с беспрецедентными вызовами, в основе которых лежат два взаимосвязанных процесса: революционные изменения технологической базы цивилизации и глобализация. В результате в распоряжении политических элит появляются «чрезвычайно эффективные инструменты манипулирования людьми, что, в свою очередь, ставит под вопрос возможность самостоятельного участия граждан в политическом процессе, свободного выбора ими своих решений и линии поведения»¹⁸. Под влиянием происходящих перемен разрушаются устои общественной солидарности, «общество все более фрагментируется и атомизируется, его способность влиять на государственную политику, в которой усиливаются корпоративные и авторитарные тенденции, падает. Сквозь демократический декор отчетливо просматриваются контуры корпоративно-автократического правления»¹⁹.

А. Мельвил акцентирует внимание на том, что с точки зрения транзитологии «все же неизбежен некий первичный выбор конкретного институционального дизайна новой демократии, тех процедур, которые в дальнейшем (в случае успешного транзита) позволяли бы “снимать” антиномическое напряжение, подтверждать и реализовывать “большой” выбор на уровне “малых” и становящихся уже привычным ритуалом политических действий и решений. Как представляется, российская реальность пока не дает достаточных оснований вести речь об успешном (с точки зрения демократического результата) первичном выборе “большого” институционального дизайна...»²⁰.

Однако большинство исследователей считают, что Россия все же вступила на путь демократических преобразований и с большей или

меньшей результативностью продвигается в этом направлении. Задача обществоведов как раз и заключается в теоретическом осмыслении этого движения и предложении адекватной модели демократического развития России.

Одни исследователи при этом считают, что «ориентиром демократического транзита России остается либеральная демократия, что динамика развития нашей страны – это постепенное, медленное, трудное, сложное, но все-таки реальное обретение полноты демократии. Сценарий стабилизации “дефектной демократии” в России вряд ли осуществим, вопреки утверждениям ряда авторов»²¹. Другие утверждают, что в российской модели демократии «должно найти отражение все присущее России разнообразие, все характерные для нее различия – в местных условиях, в исторических судьбах народов, их культуре и вероисповедании, в климате, ресурсах, в отношении к труду, к собственности и т.д.»²².

Резюмируя рассмотренные подходы к анализу состояния демократии в постсоветской России, можно констатировать следующие положения.

Несмотря на многообразие различных исследовательских моделей демократического транзита, большая часть их сторонников априорно исходят из нормативного основания о наличии некоего универсального «конечного пункта» движения большинства авторитарных сообществ, вставших на путь демократизации. Различия касаются преимущественно характера, способов, этапов, скорости, промежуточного состояния и результативности данного продвижения. В этих сюжетах наблюдается многообразие оценок: от многовариантности путей к конечной цели, до возвратно-поступательных траекторий движения («ущербные», «дефектные» и т.п.). Либеральные параметры стратегической цели данного транзита сомнению не подвергаются. Само собой подразумевается, что данные параметры определяются состоянием развитых демократических стран, как образцов для такого перехода.

При этом не учитывается, что сам «образец» постоянно претерпевает внутреннюю трансформацию в условиях глобализации и перехода к информационному обществу. Изменение сущности и функциональности партий, «театрализация» электорального процесса, распространение имиджевых манипуляционных информационно-коммуникационных технологий приводят к тому, что многие классические схемы демократического взаимодействия между властью и обществом становятся формальными, декоративными.

В таких условиях, на наш взгляд, среди совокупности ведущих критериев успешности демократического развития на первом плане должны находиться показатели результативности политических институтов в вопросах решения важнейших общественных проблем. Реакция большинства демократических государств на продолжающийся финансовый и социально-

экономический кризис свидетельствует, что их лидеры руководствуются не идеологическими либерально-демократическими принципами, а соображениями прагматизма, социально-экономической целесообразности и национальной безопасности. Думается, что и для российской политической системы главными параметрами для оценки ее демократичности целесообразно использовать не только нормативно-заданные характеристики, но и оценки ее общественной функциональности. Адаптивность политических институтов к постоянно меняющимся условиям, умение адекватно и эффективно отвечать на самые сложные и опасные вызовы современности должны стать важнейшими критериями для отечественных политологов, исследующих и оценивающих характер и особенности демократии в современной России.

Примечания

- 1 Симуш П. Демократический проект: почему потерпел фиаско? // Власть. 2005. № 8. С. 15.
- 2 См.: Клямкин И.М. Новая демократия или диктатура? М., 1994.
- 3 Качановский И.И. Будущее либеральной демократии в России // Общественные науки и современность. 1995. № 2. С. 54–55.
- 4 См.: Вайнштейн Г. Между полной несвободой и полным хаосом: О природе политической системы современной России // Pro et Contra. 1998. Т. 3, № 3. С. 43.
- 5 См.: Вайнштейн Г. Российский транзит на фоне глобальной демократизации // Демократия и демократизация на рубеже веков. М., 2000. С. 145–146.
- 6 См.: Гельман В. Как выйти из неопределенности? // Pro et Contra. 1998. Т. 3, № 3. С. 21.
- 7 См.: Гельман В. Демократия избыточная или недостаточная? (И вновь о природе политической системы современной России) // Pro et Contra. 1998. Т. 3, № 4. Осень. С. 166–172.
- 8 См.: Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 50–53.
- 9 См.: Даль Р. О демократии / Пер. с англ. А.С. Богдановского; Под. ред. О.А. Алякринского. М., 2000.
- 10 См.: Carothers Th. The End of the Transition Paradigm // J. of Democracy. 2002. Vol. 1, № 1.
- 11 Карл Т.Л., Шмиттер Ф. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы (Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций) // Полис. 2004. № 4. С. 11–12.
- 12 См.: Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях (I) // Полис. 2002. № 1. С. 6–17; № 2. С. 20–30.
- 13 Рапоу Д.А. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. 1996. № 5. С. 5–15.
- 14 См.: Красин Ю.А. Политическое самоопределение России: проблемы выбора // Полис. 2003. № 1. С. 124–133.
- 15 См.: Ильин М.В. Российский выбор: сделан, отсрочен, отменён? // Полис. 2003. № 2. С. 157–163.
- 16 См.: Шанталов Б.Н. Выбор России через призму «классической демократии» // Полис. 2004. № 1. С. 148–149.
- 17 Ясин Е. Приживется ли демократия в России. М., 2005. С. 317.
- 18 Красин Ю.А. Судьба демократии в России // Демократия, управление, культура: проблемные измерения современной политики. Политическая наука: Ежегодник 2006 / Российская ассоциация политической науки; Гл. ред. А.И. Соловьев. М., 2007. С. 40–41.
- 19 Там же. С. 41.
- 20 Мельвил А.Ю. Так что же случилось с российским выбором? // Полис. 2003. № 4. С. 161–164.
- 21 Лебедева Т.П. Либеральная демократия как ориентир для посттоталитарных преобразований // Полис. 2004. № 2. С. 79–80.
- 22 Пантин И.К. Демократия в России: противоречия и проблемы // Полис. 2003. № 1. С. 147–148.

УДК 323.232

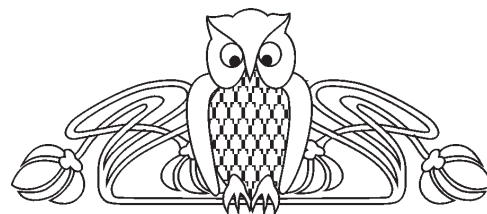
АНАЛИЗ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ В ОБЩЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ю.А. Мартынова

Саратовский государственный университет,
кафедра английского языка и межкультурной коммуникации
E-mail: martynovayu@mail.ru

В статье рассматриваются коммуникативные стратегии современного общественно-политического дискурса. Автором делается попытка выявить средства реализации коммуникативных стратегий в тексте на материале российской прессы.

Ключевые слова: коммуникативная стратегия, манипуляция, конвенция, презентация, гуманитарные технологии, воздействие.

Analysis of Communicative Strategies in Political Discourse

Yu.A. Martynova

In this article the communication strategies of modern political discourse are considered. The author makes an attempt to reveal the means of the communication strategies realization in the articles of Russian press.

Key words: communication strategy, manipulation, convention, presentation, human technologies, influence.

экономический кризис свидетельствует, что их лидеры руководствуются не идеологическими либерально-демократическими принципами, а соображениями прагматизма, социально-экономической целесообразности и национальной безопасности. Думается, что и для российской политической системы главными параметрами для оценки ее демократичности целесообразно использовать не только нормативно-заданные характеристики, но и оценки ее общественной функциональности. Адаптивность политических институтов к постоянно меняющимся условиям, умение адекватно и эффективно отвечать на самые сложные и опасные вызовы современности должны стать важнейшими критериями для отечественных политологов, исследующих и оценивающих характер и особенности демократии в современной России.

Примечания

- 1 Симуш П. Демократический проект: почему потерпел фиаско? // Власть. 2005. № 8. С. 15.
- 2 См.: Клямкин И.М. Новая демократия или диктатура? М., 1994.
- 3 Качановский И.И. Будущее либеральной демократии в России // Общественные науки и современность. 1995. № 2. С. 54–55.
- 4 См.: Вайнштейн Г. Между полной несвободой и полным хаосом: О природе политической системы современной России // Pro et Contra. 1998. Т. 3, № 3. С. 43.
- 5 См.: Вайнштейн Г. Российский транзит на фоне глобальной демократизации // Демократия и демократизация на рубеже веков. М., 2000. С. 145–146.
- 6 См.: Гельман В. Как выйти из неопределенности? // Pro et Contra. 1998. Т. 3, № 3. С. 21.
- 7 См.: Гельман В. Демократия избыточная или недостаточная? (И вновь о природе политической системы современной России) // Pro et Contra. 1998. Т. 3, № 4. Осень. С. 166–172.
- 8 См.: Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 50–53.
- 9 См.: Даль Р. О демократии / Пер. с англ. А.С. Богдановского; Под. ред. О.А. Алякринского. М., 2000.
- 10 См.: Carothers Th. The End of the Transition Paradigm // J. of Democracy. 2002. Vol. 1, № 1.
- 11 Карл Т.Л., Шмиттер Ф. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы (Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций) // Полис. 2004. № 4. С. 11–12.
- 12 См.: Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях (I) // Полис. 2002. № 1. С. 6–17; № 2. С. 20–30.
- 13 Растоу Д.А. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. 1996. № 5. С. 5–15.
- 14 См.: Красин Ю.А. Политическое самоопределение России: проблемы выбора // Полис. 2003. № 1. С. 124–133.
- 15 См.: Ильин М.В. Российский выбор: сделан, отсрочен, отменён? // Полис. 2003. № 2. С. 157–163.
- 16 См.: Шанталов Б.Н. Выбор России через призму «классической демократии» // Полис. 2004. № 1. С. 148–149.
- 17 Ясин Е. Приживется ли демократия в России. М., 2005. С. 317.
- 18 Красин Ю.А. Судьба демократии в России // Демократия, управление, культура: проблемные измерения современной политики. Политическая наука: Ежегодник 2006 / Российская ассоциация политической науки; Гл. ред. А.И. Соловьев. М., 2007. С. 40–41.
- 19 Там же. С. 41.
- 20 Мельвил А.Ю. Так что же случилось с российским выбором? // Полис. 2003. № 4. С. 161–164.
- 21 Лебедева Т.П. Либеральная демократия как ориентир для посттоталитарных преобразований // Полис. 2004. № 2. С. 79–80.
- 22 Пантин И.К. Демократия в России: противоречия и проблемы // Полис. 2003. № 1. С. 147–148.

УДК 323.232

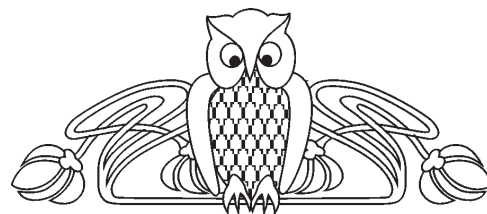
АНАЛИЗ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ В ОБЩЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ю.А. Мартынова

Саратовский государственный университет,
кафедра английского языка и межкультурной коммуникации
E-mail: martynovayu@mail.ru

В статье рассматриваются коммуникативные стратегии современного общественно-политического дискурса. Автором делается попытка выявить средства реализации коммуникативных стратегий в тексте на материале российской прессы.

Ключевые слова: коммуникативная стратегия, манипуляция, конвенция, презентация, гуманитарные технологии, воздействие.

Analysis of Communicative Strategies in Political Discourse

Yu.A. Martynova

In this article the communication strategies of modern political discourse are considered. The author makes an attempt to reveal the means of the communication strategies realization in the articles of Russian press.

Key words: communication strategy, manipulation, convention, presentation, human technologies, influence.

Язык является мощным средством коммуникативного воздействия. Он позволяет не просто описывать какие-либо объекты или ситуации внешнего мира, но и интерпретировать их, задавая нужное адресанту видение мира, управлять восприятием объектов и ситуаций, навязывать их положительную или отрицательную оценку. Как отмечают исследователи¹, способ коммуникации является относительно устойчивым элементом культуры и существует довольно продолжительное время. Поэтому любое производимое социальное действие есть всегда в то же время производимая или воспроизводимая этим действием коммуникативная стратегия, которая создает новый или поддерживает старый способ коммуникации. В понятие коммуникативной стратегии входит содержание выбора, перспективы и необходимость постоянных усилий, направленных на поддержание этого выбора и перспективы, то есть, выбор коммуникативной стратегии является задачей, решаемой при осуществлении любого социального действия.

В последнее время проблемы коммуникации часто рассматриваются в ракурсе гуманитарных технологий, которые настойчиво вторгаются в нашу жизнь наряду с промышленными и экономическими технологиями. Гуманитарная технология – это социальная технология, основанная на практическом использовании знаний о человеке в целях создания условий для свободного и всестороннего развития личности². Другими словами, гуманитарные технологии – это технологии самовыражения людей, самореализации их интеллектуальных качеств. Методологическим аппаратом гуманитарных технологий является система научно-гуманитарных знаний, использование которых позволяет реализовать конкретный человековедческий замысел при помощи определённых условий, средств и способов.

Гуманитарные технологии давно признаны за рубежом. Многие исследователи, среди них Хабермас, Ясперс, Апель, заложили основы подхода к цивилизации или культуре с точки зрения того, насколько ее коммуникация является основополагающей для культуры в целом и для ее материального производства в частности³. Интерес к этой проблематике возник в России в связи с появлением в 70–80-х гг. XX в. в Болгарии двух крупных работ Н. Стефанова и М. Маркова⁴. В рамках социологии и социальной психологии стали проводиться исследования по управлению социальными процессами. В свою очередь, это потребовало обращения к социальной инженерии, а потом и к социальным и гуманитарным технологиям.

Сферой деятельности гуманитарных технологий являются основные коммуникационные действия в области рекламы, идеологии, общественных отношений, имиджмейкинга, социально-культурного проектирования. Внедряясь в коммуникативный процесс, который протекает по

определенным законам, гуманитарные технологии могут превратить его как в манипуляционный, так и в конвенциональный. Для этого используются те или иные коммуникативные стратегии.

В целях более четкого изложения материала необходимо несколько подробнее остановиться на определении употребляемых терминов. Среди отечественных ученых крупнейший вклад в теорию коммуникации внесли Бахтин, Лотман, Мамардашвили, Щедровицкий⁵. Эти ученые подчеркивали содержательный характер коммуникации, в отличие от более формального подхода западных исследователей, в частности, Хабермаса, который разделял коммуникацию на коммуникативное действие и дискурс⁶. Вслед за С. Дацюком и В. Грановским, разработавшими описание коммуникативной стратегии на основе трудов как западных авторов, так и отечественных ученых, мы будем понимать под коммуникативной стратегией «концептуально положенное в технологии мировоззренческое намерение и его действительное осуществление касательно производства содержания коммуникационного процесса, то есть выбор того или иного коммуникативного пространства, той или иной среды коммуникации, того или иного типа взаимодействия, того или иного места порождения смысла, и, тем самым, одного или нескольких дискурсивных измерений, относительно которых мы строим дискурс коммуникации»⁷.

Следует также различать представления о коммуникационной среде и коммуникативном пространстве, коммуникативном и некоммуникативном тексте (речи), сообщенности и посланности знания, коммуникационном действии и коммуникационном процессе.

По мнению вышеупомянутых авторов, текст или речь является не коммуникативным, а лишь потенциально коммуникативным. Коммуникативным он становится, включаясь в процесс коммуникации. Рассматривая эту проблему, Мамардашвили говорит о различии послания и сообщения. Посланность текста не означает еще его сообщенности, как и произнесенность некоторой фразы не означает диалога (Бахтин). С такой точкой зрения согласен и Хабермас, который писал, что никакой текст не может считаться коммуникативным действием без учета внеречевого (внетекстуального) контекста. Следовательно, процесс коммуникации означает, что некоторый текст обладает качеством сообщенности кому-либо, что он включен в пространство преобразования, а его коммуникационная среда доступна непосредственно или при помощи специально организованных средств. При этом сама коммуникация является не потенциальной, а реально intersubjectивной.

Синтетически объединяя подход Хабермаса и Бахтина–Мамардашвили, а также опираясь на описание внутреннего смыслового пространства текста, по Щедровицкому, В. Грановский и С. Дацюк дают следующее определение коммуника-

тивности. Содержание любого текста формирует его коммуникативное пространство, намеренно встроенное во множество актуальных контекстов, содержащее совокупность прямых или косвенных адресатов, которым он предназначен или которым явно или скрыто оппонирует. Для того чтобы процесс коммуникации осуществился, всякий текст помещается в коммуникационную среду, которая является внешней по отношению к внутреннему содержанию текста – его коммуникативному пространству. Таким образом, коммуникативное пространство – внутренний коммуникативный содержательный смысл текста, среда коммуникации (или коммуникационная среда) – внешняя реальная среда процесса коммуникации, в который вовлечен текст⁸.

Стремясь к успешному осуществлению коммуникативного действия, авторы посланий используют те или иные коммуникативные стратегии. Исследователями выделяются три основных типа коммуникационных стратегий, концептуально описывающих основные социальные процессы, порождающие коммуникационные действия. К ним относятся презентация, манипуляция и конвенция. Они отличаются по уровню открытости, симметрии и способу производимой коммуникации: презентационный тип является пассивной коммуникацией; манипуляционный – активной коммуникацией, конвенциональный – интерактивной коммуникацией. Точно так же основными средствами являются: для презентации – послание, для манипуляции – сообщение, для конвенции – диалог.

Осуществляя манипуляционную коммуникацию, ее создатели ставят целью управление ситуацией через управление поведением людей. В конвенциональной коммуникативной стратегии применяются технологии, нацеленные на управление ситуацией через взаимодействие и согласование поведения людей. Для манипуляционных технологий инструменты управления поведением и цель, которая ставится при таком управлении, как правило, скрыты от людей, чьим поведением управляют. Содержание сообщения (коммуникативное пространство текста) создается заранее и определенным образом «упаковывается» для того, чтобы изменить его смысловую, целевую или ценностную идентификацию адресантом. Манипуляционные стратегии коммуникации особенно характерны для таких способов структурирования информации, как идеология, пропаганда и реклама. Для конвенциональных технологий инструментов коммуникации не являются инструментами управления, они открыты для участников общения. Содержание сообщения корректируется в процессе коммуникации в результате взаимодействия его участников. Целью конвенциональной коммуникационной стратегии является обеспечение коммуникации между различными участниками общения (например, разными социальными группами гражданского

общества), и достижение конвенции, то есть такого содержательного договора, который позволит коммуникантам, с одной стороны, воплощать в жизнь практические задачи (реализовывать какой-либо проект), а с другой – будет воспроизводить конвенциональный коммуникационный процесс в дальнейшем и противостоять манипуляционным коммуникационным стратегиям.

Задачей презентационной стратегии является сообщение знания. При этом коммуникационная среда, в которой происходит общение, может оставаться неизменной, а понимания авторы сообщения пытаются добиться за счет представления целостной картины мира. В таком случае презентационная стратегия выступает тактической задачей в ходе реализации конвенциональной стратегии – знание передается в форме сообщения. Знание может преподноситься как обсуждение или рассуждение (коммуникационная среда будет расширяться в ходе общения), что предполагает взаимодействие участников общения. И в этом случае презентация также осуществляется на основе конвенциональной коммуникативной стратегии.

Презентационная стратегия может сочетаться и с манипуляционной стратегией, если в ходе ее реализации знание передается не открыто, а в «упакованном» виде. Картина мира представлена искаженно, в виде целенаправленных выбранных фрагментов, совпадающих с установками той или иной идеологии. Если, анализируя конвенциональное общение, можно задать вопрос «Что говорится?», то при манипуляционном общении логичными будут вопросы «Кто и кому что говорит, и какой реакции ожидает?». Таким образом, коммуникационные стратегии можно подразделить на коммуникативные (конвенциональные) и некоммуникативные (манипуляционные), так как, несмотря на кажущийся успех коммуникации при применении манипуляционной стратегии, она ведет к ухудшению общей ситуации доверия и солидарности, разрушая в итоге коммуникативный процесс.

Анализируя коммуникативные стратегии с точки зрения их реализации в общественно-политическом дискурсе, необходимо рассмотреть приемы выбора, структурирования и подачи информации. Представляется правильным различать стратегическую коммуникативную цель и дополнительные коммуникативные цели, без достижения которых трудно достичь основную. Дополнительные цели связаны с преодолением неблагоприятных условий коммуникации, связанных с особенностями восприятия излагаемой информации и отношения к ней. В числе неблагоприятных факторов процесса коммуникации могут быть названы отсутствие непосредственного контакта коммуникантов, воздействие на адресата конкурирующих сообщений и других потоков информации, создающих помехи в процессе восприятия.

Таким образом, рассматривая коммуникативные стратегии презентации, манипуляции и конвенции как базовые, направленные на формирование планируемого восприятия сообщаемой информации, следует выделить дополнительные стратегии, направленные на оптимизацию воздействия самого сообщения, на облегчение его восприятия. Если основные стратегии выполняют задачи дифференциации объекта сообщения, создания его ценностной ориентации, то оптимизирующие стратегии пытаются согласовать язык и картину мира коммуникантов, повышают притягательную силу сообщения и его аргументативную обоснованность. В целях реализации вышеперечисленных стратегий используются различные коммуникативные средства – в первую очередь, естественный язык, а также средства иных семиотических систем и кодов. Следовательно, рассматривая средства, служащие воплощению коммуникативной стратегии в речи, можно выделить вербальные и невербальные, эксплицитные и имплицитные. В рамках вербальных средств выделяются выразительные (лексические) и изобразительные (синтаксические) средства, используемые для реализации той или иной коммуникативной стратегии.

Для проведения анализа общественно-политического дискурса воспользуемся методологическим аппаратом, разработанным учеными для описания коммуникативного воздействия рекламных и PR-текстов⁹ и попытаемся применить его на том основании, что реклама, политика, общественная жизнь являются разными жанрами общественно-политического функционального стиля и подчиняются общим законам. Коммуникативное воздействие (как манипулятивное, так и конвенциональное) направлено на разные уровни сознания адресата: на знания (когнитивный), отношения (аффективный) и намерения (конативный). Способы воздействия также различаются: можно влиять на сознание путем выстраивания рациональной аргументации (убеждение), через эмоциональную сферу (вызов чувственной реакции), или воздействуя на подсознание (суггестия)¹⁰. Осуществляется воздействие с помощью вербальных (речевое воздействие) или невербальных средств.

Рассмотрим на конкретных примерах, взятых из газетных статей российской прессы, с помощью каких коммуникативных стратегий строится процесс общения государства, в лице представителей власти, политических обозревателей, журналистов и народа.

Учитывая многообразие жанров газетно-публицистического стиля, ограничимся статьями, посвященными проблемам общеполитического характера, а именно сравним освещение одной проблемы (отставки ряда губернаторов, имевшие место в феврале текущего года) разными изданиями (Российской газетой, Аргументами и фактами, Независимой газетой и др.)

Сообщения по избранной теме можно разделить на те, которые передают сообщение о событии (статьи новостного жанра), и те, которые не только сообщают новость, но и обсуждают ее (статьи-комментарии). Очевидно, что в обоих случаях авторами используется презентационная коммуникативная стратегия. Тем не менее, уже в названиях статей проявляется разнообразие средств, избираемых для передачи информации: от нейтрального изложения информации – «16 февраля Президент России Дмитрий Медведев освободил от должности трех и не продлил полномочия одного губернатора», «Кремль объяснил отставки губернаторов»¹¹ – до стилистически окрашенного: «Президент Медведев поменял сразу четырех губернаторов и обезглавил Минсельхоз»¹², «“Чистка” губернаторов: в отставку ушел Егор Строев»¹³, «Кресла на вынос. Медведев формирует собственный губернаторский корпус»¹⁴, «Книга перемен: четыре новых главы. Президент Медведев предложил новых руководителей Орловской, Псковской, Воронежской областей и Ненецкого автономного округа»¹⁵. В последних примерах суть сообщения передана настолько образно (кресла на вынос, книга перемен), что требует развернутого комментария в подзаголовках.

Сообщив главную новость (об отставке губернаторов), авторы статей приводят возможные причины события, ссылаясь на различные источники, в первую очередь, на слова президента: «Президент пообещал, что не будет закрывать глаза на недостатки в деятельности чиновников: “Придется принимать какие-то серьезные решения”. И ждать себя не заставил, начав с губернаторского корпуса»¹⁶, «В ситуации, когда кризисные явления в экономике не ослабевают, а скорее нарастают, от руководителей российских территорий требуется умение работать в новых условиях, требования такого рода будут предъявляться ко всем, расслабляться сейчас нельзя»¹⁷. Приводятся объяснения высоких должностных лиц: «Первый заместитель главы администрации президента Владислав Сурков, слова которого приводит «Интерфакс», заявил, что ... речь здесь идет об оценке эффективности государственного управления»¹⁸, «Сурков также подчеркнул, что произошедшие отставки не свидетельствуют о наличии специального плана по перестановкам в губернаторском корпусе», «Как сообщает пресс-служба Кремля, Кузнецов подал в отставку по собственному желанию»¹⁹, «Политологи считают, что отставки губернатора связаны с их неэффективной работой»²⁰. В качестве дополнительной информации могут даваться небольшие справки: «Отметим, что Строев является губернатором-долгожителем (он занимает этот пост с 1993 г.), Кузнецов – один из последних избранных губернаторов, а Потапенко был предложен на пост администрации Ненецкого автономного округа в

2006 г. бывшим Президентом РФ Владимиром Путиным»²¹.

Приведенные примеры демонстрируют реализацию конвенциональной коммуникационной стратегии. Авторы статей излагают объективную информацию о событии, дополняя ее другими фактами и предоставляя читателю самостоятельно делать выводы: «Однако источники в Кремле отметили, что причин для принятия кадровых решений “было несколько”. Среди них – “недостатки в экономической и социальной сферах в ряде регионов, наличие в каких-то из субъектов Федерации хронических социально-экономических проблем”. Источники напомнили, что в ряде случаев “работой местных органов власти заинтересовались правоохранительные органы, и не без основания”. По их словам, “при внимательном анализе можно рассмотреть в некоторых случаях коррупционную составляющую”»²². В статьях, содержащих комментарии, выдержанные в русле конвенциональной коммуникации, присутствует объективная эксплицитно выраженная аргументация со ссылками на источник: «...вопрос, почему Президент РФ отправил в отставку нескольких губернаторов, возникает сегодня у многих. Есть ли в этом еще и политическая подоплека? Подробнее об этом мы беседуем с секретарем президиума Генерального совета партии “Единая Россия” Вячеславом Володиным»²³.

Рассматривая реализацию коммуникативной стратегии конвенционального типа, можно выявить следующие особенности языкового выражения. Стиль изложения материала близок к нейтральному, авторами употребляется небольшое количество образных средств и фигур речи, что придает изложению большую объективность. Образные средства, которые встречаются в тексте, несут в основном «мирный» характер: так, следующие фразы отсылают читателя к базовой метафоре СПОРТА: «Как стало известно «НГ», в намерения президента входит не только удаление с поля не справляющихся с работой региональных начальников, но партийная рокировка», «...кандидатура [Игоря Барина] ... включена в сотню президентского кадрового резерва. Барин играет активную роль в регионе ... Очки он зарабатывает на том, что не боится идти на открытый конфликт с Росселем»²⁴. Характерным является большое количество цитат и ссылок, текст может строиться в виде интервью (диалога).

В ряде статей, особенно содержащих комментарии по поводу события, можно обнаружить признаки реализации манипуляционной коммуникативной стратегии. Так, например, в статье «Президент Медведев поменял сразу четырех губернаторов и обезглавил Минсельхоз», не высказывая прямо своего негативного отношения к событию, автор подводит читателя к мысли, что то, о чем он говорит, заслуживает отрицательной оценки. При кажущейся объективности изложения материала, факты подбираются так,

чтобы создать ощущение угрозы, неуверенности в завтрашнем дне для других губернаторов: «... целый ряд губернаторов может полатиться за недостаточно активную борьбу с кризисом. Вскоре возможны новые отставки...», «Сменить могут главу Мурманской области», «В 2009 году истекают полномочия 15 губернаторов». Совершенно нейтральная справка о бывших губернаторах подается так, что читатель начинает думать, что отставки являются несправедливыми. Рассказывая о кандидатах на освободившиеся должности, автор статьи подает информацию тенденциозно: «Новый глава Псковской области известен в основном папой: тот занимался дзюдо с Путиным», «Гордеев “удовлетворен”: его желания совпали с желанием руководства». Помимо этого автор постоянно использует лексику, содержащую отрицательные коннотации: «президент ... обезглавил Минсельхоз», «Российская оппозиция скептически отнеслась к отставке...», «целый ряд губернаторов может полатиться...». Очевидно, что таким образом автор статьи пытается вызвать у читателя негативную реакцию при восприятии текста. Данное предположение подтверждается немногочисленными эксплицитно выраженными утверждениями: «Отметим, что еще в ноябре 2008 г., после X съезда “Единой России”, некоторые представители партии обвинили губернаторов в неадекватной реакции на кризис. По мнению СМИ, это была попытка “найти крайнего” в трудной экономической ситуации», «Оппозиция не верит, что отставки помогут справиться с кризисом»²⁵. По-видимому, автор статьи сам принадлежит к оппозиции.

В другой статье, напротив, имплицитно проводится прямо противоположная линия: автор так подает материал, что читатель может поверить, что именно губернаторы, оставившие свои должности, виноваты в неурядицах, поразивших регионы во время кризиса. Об этом говорит уже название статьи и расшифровывающий ее подзаголовок: «Президент мобилизует губернаторов. Слухи о перестановках в российских регионах заставят их глав лучше работать». Исходной пресуппозицией, таким образом, является следующий тезис: «в регионах плохо, потому что их главы плохо работают». Семантическим следствием такой пресуппозиции является: «надо продолжать смещать глав регионов, чтобы улучшить ситуацию». На доказательство этого тезиса работают многообразные средства, задействованные в тексте. Образный ряд сообщения строится с помощью базовых метафор ВОЙНЫ, БУРИ, которые передают идеи напряженности, необходимости принятия крайних мер: «президент мобилизует..., есть надежда сгладить беду..., рейтинг выживаемости губернаторов..., продержаться на губернаторском посту..., [омский глава] в случае возникновения новой волны отставок рискует под нее попасть..., ожидаемая буря в районе Питера...». Губернаторы описываются как по-

литические игроки, озабоченные лишь тем, чтобы как можно дольше сохранить за собой должность: «...президент Башкирии... яростно опровергал слухи о своей отставке..., другие главы регионов – “долгожители”, которые пересидели в своих должностях все возможные сроки полномочий..., включение на максимум своего лоббистского ресурса..., давно закаленный слухами о своей отставке..., “старые” губернаторы..., “двоечник” по рейтингу выживаемости...». Лексика, используемая для называния губернаторов, несет в себе явно отрицательные коннотации: «...дело не в сроке, а в эффективности региональных управленцев»²⁶.

Итак, в заключение можно сделать некоторые выводы об особенностях реализации коммуникативных стратегий в общественно-политическом дискурсе. Конвенциональная коммуникативная стратегия принципиально отличается от манипуляционной стратегии содержанием и набором средств для своего выражения. Для конвенции характерен прямой диалог, вопросно-ответные построения, ссылки на источники информации, аргументированность изложения. Проблемы и их возможные решения выражаются эксплицитно. При реализации манипулятивной стратегии текст содержит большое количество имплицатур, которые могут быть реализованы за счет образных средств языка (метафор, метафорических эпитетов, аллюзий). Использование в тексте специальных синтаксических построений (параллелей, антитезы) также способствует достижению желаемого эффекта воздействия на адресата. Источником коммуникативных скрытых смыслов является также коннотативная и ассоциативная семантика слов. Используя коммуникативные приемы, действующие в обход сознательного восприятия адресата, автор текста добивается формирования у адресанта желаемого представления о мире, которое может не соответствовать действительности.

Примечания

- 1 См.: Дацюк С., Грановский В. Агентство гуманитарных технологий // <http://korolevstvo.narod.ru>.
- 2 См.: Чупрасова В.И. Современные технологии в образовании. Владивосток, 2000.
- 3 См.: Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуни-

кативное действие. СПб., 2000; Рокмор Т. К критике этики дискурса // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 106–117.

- 4 См.: Стефанов Н. Общественные науки и социальная технология. М., 1976; Марков М. Технология и эффективность социального управления. М., 1982.
- 5 См.: Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986; Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М., 1970; Мамардашвили М. Классический и неклассический идеал рациональности // Необходимость себя. М., 1996; Щедровицкий Г.П. Смысл и значение // Избр. тр. М., 1995.
- 6 См.: Хабермас Ю. Указ. соч.
- 7 Дацюк С., Грановский В. Указ. соч.
- 8 Там же.
- 9 См.: Пирогова Ю.К. Проблемы прикладной лингвистики 2001. М., 2001. С. 209–227.
- 10 См.: Городецкий Б.Ю. Компьютерная лингвистика: моделирование языкового общения // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1989. Вып. 24.
- 11 Кремль объяснил отставки губернаторов / Ред. рубрики «Политика» А. Петяев // Взгляд. РИА Новости. 2009. 16 февр. (<http://kommentarii.ru/theme>).
- 12 Президент Медведев поменял сразу четырех губернаторов и обезглавил Минсельхоз // Новости России. 2009. 16 февр. (NEWSru.com)
- 13 Миодушевская Т. «Чистка» губернаторов: в отставку ушел Егор Строев // Аргументы и факты. 2009. 16 февр. (<http://www.aif.ru/politic/article/24648>)
- 14 Самарина А., Родин И., Билевская Э. Кресла на вынос. Медведев формирует собственный губернаторский корпус // Независимая газ. 2009. 19 февр.
- 15 Книга перемен: четыре новых главы / Беляева А., Передельский Д., Карташова Л., Шкель Т., Моисеенко Ю. // Рос. газ. 2009. 17 февр. Центр. вып. № 4850.
- 16 Там же.
- 17 Григорьева Е. Президент мобилизует губернаторов // Известия. 2009. 13 марта.
- 18 Lenta.ru: Политика. 16.02.2009.
- 19 Кремль объяснил отставки губернаторов... .
- 20 Новости России. 2009. 16 февр. // NEWSru.com.
- 21 Там же.
- 22 Книга перемен... .
- 23 Рыбин А. Политическая подоплека // Рос. газ. 2009. 20 февр. Центр. вып. № 4854.
- 24 Самарина А., Родин И., Билевская Э. Указ. соч.
- 25 Новости России. 2009. 16 февр. (NEWSru.com).
- 26 Известия. 2009. 13 марта.

УДК 32:070:004:056

РОССИЙСКИЕ МЕХАНИЗМЫ САМОРЕГУЛИРОВАНИЯ СМИ

А.В. Россошанский

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: ie57@yandex.ru

В статье рассмотрены механизмы саморегулирования СМИ как одного из способов общественного воздействия и контроля в сфере информационно-коммуникационных отношений.

Ключевые слова: СМИ, механизмы саморегулирования СМИ, общественные организации, общественный контроль.

Russian Mass-Media Self-Regulation Mechanisms

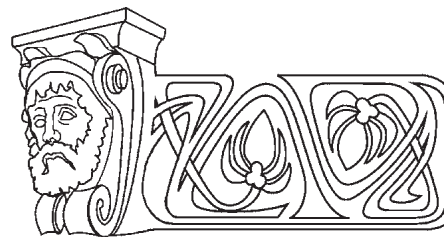
A.V. Rossoshansky

The article considers the Mass-Media self-regulation mechanisms as one of the means of public influence and control in the sphere of information and communication relationship.

Key words: Mass-Media, regulation self-mechanisms, public organizations, public control.

В современной российской и мировой практике СМИ нередко становятся источником недостоверной информации, выступают в качестве транслятора информационных искажений, превращаются в инструмент информационных противоборств. В результате массовая аудитория испытывает мощнейшее негативное информационно-психологическое воздействие, угрожающее информационной безопасности не только личности, но и другим субъектам общественно-политической жизни. В свою очередь, сами СМИ тоже зачастую становятся объектом противоправных притязаний, например, со стороны органов власти различных уровней.

Чтобы добиться справедливости, защитить свои права в информационной сфере рядовые граждане, представители СМИ чаще всего обращаются в суд. Помимо судебных разбирательств существует практика правового контроля в информационной сфере со стороны специальных государственных органов. Речь идет о таких структурах, как Федеральная служба по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия, Судебная палата по информационным спорам при Президенте РФ (функционирующая с 1994 по 2000 г.) и некоторых других. Иными словами, наиболее традиционными субъектами обеспечения информационной безопасности общества в нашей стране являются государственные структуры. В этой связи представляет интерес ситуация с организациями гражданского общества, обеспечивающими саморегулирование

деятельности СМИ, имеют ли такие механизмы перспективы на российской почве?

На сегодняшний день проблема саморегулирования СМИ вызывает интерес как со стороны общества, так и со стороны государственных структур. Существующие проблемы обсуждаются на различных форумах, реализуются научно-практические проекты, направленные на улучшение взаимодействия СМИ с некоммерческими организациями (НКО). Один из таких проектов был реализован на территории Саратовской области Саратовским региональным отделением Союза журналистов России¹. С их же участием в феврале 2009 г. была проведена конференция, посвященная изучению шведского опыта и его преломлению в деятельности саратовских СМИ.

При всей распространенности термина «саморегулирование» сегодня не существует однозначных трактовок его понимания. Можно выделить следующие основные подходы.

Некоторые специалисты в области права СМИ утверждают, что под саморегулированием следует понимать только добровольные (т.е. являющиеся продуктом свободного волеизъявления журналистов) средства воздействия на СМИ. Любая попытка законодательно обязать СМИ, либо поощрить их за учреждение органов саморегулирования, сторонниками данной теории категорически отвергается. При этом не отрицается возможность существования так называемого «законодательного саморегулирования», когда сам закон обязывает СМИ учреждать органы саморегулирования.

Другой подход базируется на понятии законодательного каркаса, когда в закон включены общие (основные) принципы концепции саморегулирования с целью их детализации в практических руководствах, кодексах профессиональной этики и других институтах саморегулирования СМИ (конкретные институты саморегулирования СМИ будут рассматриваться нами ниже). Закон в данном случае не обязывает, а наделяет правом общество, общественные объединения, СМИ создавать добровольные органы саморегулирования².

Сторонники еще одного подхода исходят из того, что характер саморегулирования СМИ зависит от ряда факторов, в том числе от формы государственного правления, степени развития демократических институтов, культурно-исторических,

нравственных и других особенностей конкретного общества и государства. Эти условия объявляются первопричинами существования «законодательного саморегулирования», либо добровольного саморегулирования СМИ.

При всем многообразии существующих подходов под саморегулированием СМИ понимают негосударственную организационную систему, обеспечивающую «социальную ответственность» СМИ, т.е. ответственность СМИ за свою деятельность не перед государством на основании закона, а перед обществом на основании этических норм³.

Механизмы саморегулирования в сфере СМИ успешно функционируют во многих странах мира. Общественные организации, занимающиеся этой деятельностью, объединяются, как правило, в региональные общественные объединения. Одной из крупнейших организаций является Европейский альянс независимых советов по делам прессы. Этот Альянс представляет собой международную неправительственную организацию, объединяющую независимые от государства органы саморегулирования в сфере СМИ. Альянс основан в целях сотрудничества и регулярного обмена мнениями и информацией. При этом все организации – члены Альянса – стремятся отстаивать исключительно общественные интересы, а не интересы правительств или бизнеса.

В каждой стране существуют свои социокультурные и политические особенности, которые не позволяют создать универсальный этический кодекс, обеспечивающий экологическую безопасность информационной среды. Поэтому нет большой необходимости в наднациональных органах саморегулирования ни на европейском, ни на глобальном уровне. Функции общественных организаций, занимающихся такой деятельностью, очень схожи, отличны лишь названия. В одних странах они называются советами по делам прессы (Австрия, Дания, Эстония, Финляндия, Германия, Люксембург, Босния и Герцеговина, Швеция, Швейцария), в других – комиссиями по жалобам на прессу (Великобритания, Кипр, Норвегия), в третьих – советами по журналистской этике (Исландия, Литва) и т.д.

Основная деятельность организаций этого типа – рассмотрение конфликтных ситуаций, связанных с деятельностью СМИ, и вынесение решений, предотвращающих судебные разбирательства между сторонами. Так, например, в Швеции, которая является общепризнанным эталоном в сфере саморегулирования СМИ, виновной стороне выносятся порицание, которое обязательно должно опубликоваться в данной газете. Кроме этого возможно наложение административного взыскания в сумме от одной до двух с половиной тысяч евро.

В нашей стране первым своеобразным аналогом таких организаций стало Большое жюри Союза журналистов России, которое было

учреждено в 1998 году. Оно создано по образу третейского суда и представляет собой негосударственный орган, действующий на постоянной основе и рассматривающий споры, связанные с деятельностью СМИ. Как следует из его устава: «Большое Жюри является органом саморегулирования, рассматривающим конфликтные ситуации нравственно-этического характера, возникающие в журналистском сообществе в связи с исполнением журналистами своих профессиональных обязанностей, в том числе дела о нарушениях принципов и норм профессиональной журналистской этики».

В работе Большого жюри можно выделить несколько особенностей. Во-первых, как и положено третейскому суду, его компетенция основывается на соглашении сторон. Стороны, передавая спор на рассмотрение третейского суда, принимают на себя обязательство подчиниться решению последнего. Как показывает практика, компетенцию Большого жюри приняли далеко не все субъекты медийного пространства, скорее, кто это сделал – меньшинство. Хотя в список, признавших юрисдикцию Большого жюри, входит по всей России более сотни газет, более десятка телерадиокомпаний, сразу бросается в глаза, что фактически отсутствуют центральные газеты и телерадиокомпания⁴. Да и общее число, признавших юрисдикцию, по российским масштабам (по количеству зарегистрированных печатных и электронных СМИ) оставляет желать лучшего.

Во-вторых, решения, предписания Большого жюри носят рекомендательный характер, а не обязательный, как это, например, в Швеции. То есть провинившаяся редакция может просто его проигнорировать. Вопрос здесь связан с авторитетом данной структуры и с показателями социальной ответственности самих СМИ, насколько они готовы следовать этическому кодексу. В какой-то степени индикатором работы Большого жюри может служить количество рассмотренных дел. Как можно судить по информации, размещенной на сайте Союза журналистов России⁵, за период с 1998 по 2005 г. Большим жюри было вынесено 45 решений, то есть в среднем за год рассматривалось около 6 дел. Причем работа Большого жюри в динамике носила угасающий характер. Так, если 2003 г. было принято 13 решений, то в 2004 г. только 4, а в 2005 г. – два решения.

По своей структуре Большое жюри состоит из центральной коллегии, на местах образуются межрегиональные, региональные и местные коллегии. Для рассмотрения конкретных конфликтных ситуаций создается ad hoc коллегия Большого жюри. Коллегии Большого жюри созданы во многих субъектах Российской Федерации, но эффективность их работы далеко не одинакова. Так, например, в Саратовской области еще в 2003 г. было принято положение о Большом жюри Саратовского регионального отделения Союза журналистов России, избран состав региональной

коллегии. Однако с того времени им не было рассмотрено ни одного дела. На сайте Саратовского регионального отделения Союза журналистов России информация о Большом жюри Саратовского регионального отделения Союза журналистов России не обновлялась с 2006 г.⁶ Можно было бы подумать, что на территории Саратовской области отсутствуют медийные конфликты, но, как можно судить по судебной практике, это далеко не так. Скорее, это говорит о состоянии регионального информационного пространства, которое постоянно сотрясают информационные войны, со всеми вытекающими отсюда «этическими» последствиями поведения журналистов. Оно характеризуется большой зависимостью региональных СМИ от местных администраций, собственников отдельных печатных и электронных СМИ, более частым использованием СМИ на региональном уровне в целях политического, экономического влияния, а также для предвыборной борьбы в ходе кампаний по выборам в представительные и исполнительные органы власти Федерации, области и районов области. В этих условиях эффективность общественного органа саморегулирования СМИ – Большого жюри Саратовского регионального отделения Союза журналистов России, как показывает практика, крайне невелика.

В некоторых субъектах создаются аналогичные по функциям Большому жюри общественные организации. Так, например, в Ростовской, Нижегородской областях созданы Общественные советы по информационным спорам. В такие советы помимо журналистов входят еще юристы, психологи, социологи, культурологи, филологи, лингвисты, специализирующиеся на изучении деятельности СМИ, некоторые из них являются одновременно и представителями органов власти⁷.

К компетенции Общественных Советов по информационным спорам относится рассмотренные дела:

- а) о защите чести, достоинства и деловой репутации;
- б) возникающих в сфере деятельности СМИ;
- в) о вмешательстве в частную жизнь, нарушении законодательства о допуске к информации, нарушении законодательства о выборах и т.п. (кроме тех, которые отнесены законом к юрисдикции судов РФ).

Как видно, Общественный совет по информационным спорам по своей функциональности во многом повторяет Большое жюри. Единственно, что Общественный совет имеет по составу более широкое общественное представительство и, как можно судить по имеющимся делам, является эффективным региональным объединением.

По пути расширения общественного представительства пошло и Большое жюри Союза журналистов России. По их инициативе в ноябре-декабре 2004 г. многим общероссийским некоммерческим организациям было направлено приглашение принять участие в формировании

надкорпоративного Большого жюри по жалобам на прессу, или, как впоследствии было принято официальное название, Общественной коллегии по жалобам на прессу. В 2005 г. такая организация была создана. Она состоит из двух палат: палаты медиа-общества и палаты медиа-аудитории.

В палату медиа-общества входят 25 человек, выдвинутых и избранных на альтернативной основе медийными ассоциациями издателей, вещателей, журналистов, редакторов, рекламодателей, специалистов по связям с общественностью. Туда входят представители Гильдии издателей периодической печати (ГИПП), Национальной ассоциации телерадиовещателей (НАТ), Альянса руководителей региональных СМИ России (АРС-ПРЕСС), Академии российского телевидения, Союза журналистов России и т.д.

Аналогичная численность и у палаты медиа-аудитории – 25 человек, которые выдвигаются и избираются политическими партиями, профессиональными и творческими союзами, религиозными и другими общественными организациями. Туда вошли представители из Общественной палаты РФ, РОДП «ЯБЛОКО», Совета судей РФ, Российского союза промышленников и предпринимателей и др. Эта палата коллективно представляет аудиторию СМИ в целом.

Коллегия в своей деятельности преследует следующие цели:

- формирование культуры профессиональной и честной журналистики;
- восстановление и укрепление доверия к средствам массовой информации;
- утверждение свободы массовой информации в Российской Федерации;
- защиту профессиональной независимости и издательско-редакционной свободы в средствах массовой информации;
- укоренение в сфере массовой информации идеалов толерантности и культуры мира в контексте предотвращения опасностей, связанных с предрассудками и дискриминацией, ксенофобией, агрессивным национализмом, этнической и религиозной разобщенностью;
- противодействие политическому и другим формам экстремизма в сфере массовой информации;
- содействие большей прозрачности государственных органов, судебной системы, а также экономических отношений в сфере массовой информации;
- противодействие монополизации средств массовой информации, в том числе со стороны государства⁸.

Очень отраднo, что данная организация является типичным институтом гражданского общества, содействующая его развитию в нашей стране и демократизации общественных отношений. Если сравнивать с региональными Общественными советами по информационным спорам, которые были созданы в Нижегородской

и Ростовской областях, то эта структура, и это очень ценно, стала плодом эволюции гражданского развития, самостоятельно вышедшим в недрах самого российского общества, тогда как упомянутые региональные советы стали результатом международных проектов. Так, в Ростовской области стимулом стал проект «Развитие саморегулирования СМИ в Ростовской области», который реализовывался в течение 2001–2004 гг. совместными усилиями Ростовского регионального центра «Право и СМИ», Программы сравнительного права и политики СМИ Оксфордского университета (Великобритания) и Московского института проблем информационного права – при поддержке Министерства Великобритании по делам международного развития (DFID).

За время своего существования Общественной коллегией по жалобам на прессу было проведено 16 заседаний, в том числе одно заседание в феврале 2009 года. Рассмотренные жалобы затрагивают деятельность всех видов СМИ: печатных и электронных (радио, телевидение). Судя по количеству всевозможных обращений, этот орган стал компетентной инстанцией в российской медиа-среде.

Основная проблема состоит в развитии институтов саморегулирования в регионах. Как показывает практика, во многих субъектах (в том числе в Саратовской области), уровень развития гражданского общества не позволяет развернуться процессам самоорганизации, результатом которых

стали бы компетентные общественные структуры саморегулирования СМИ. Это проявляется во многих случаях, например, в процессе создания Общественной палаты, где главной движущей силой стали органы государственной власти, а не общественные организации. Все это говорит о том, что для создания эффективных региональных институтов саморегулирования СМИ необходим импульс или даже участие государственных структур, что, на наш взгляд, является уже традицией, российской политической особенностью.

Примечания

- 1 См.: СМИ и НКО: взаимодействие в защиту прав человека. Саратов, 2008. 256 с.
- 2 Proceedings of the information seminar on self-regulation by the media. Strasbourg, 1998. P. 7
- 3 См.: Ткач А. Органы саморегулирования СМИ: зарубежный опыт // Актуальные проблемы саморегулирования СМИ / Под ред. Г.В. Винокурова, А.Г. Рихтера, В.В. Чернышова. М., 2005.
- 4 <http://www.ruj.ru/granjury/>
- 5 Там же.
- 6 <http://www.sarunion.ru/jury/>
- 7 Итоговый аналитический доклад о создании и деятельности Совета по информационным спорам в Ростовской области // <http://www.medialaw.ru/selfreg/9/6.htm>
- 8 Устав Общественной коллегии по жалобам на прессу // <http://www.presscouncil.ru>

УДК 355:32 (100) «19/20»

АРМИЯ И ПОЛИТИКА

В.А. Дубровский

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: dubrik80@mail.ru

В данной статье с позиции политической науки анализируются характер и содержание взаимоотношений армии и политики государства в условиях трансформации общественного развития.

Ключевые слова: военная политика, армия в политике, военный фактор, государство.

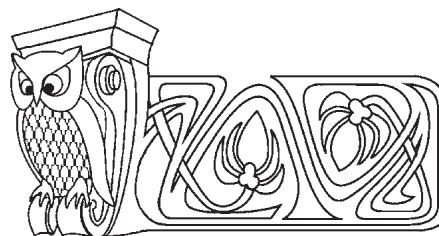
The Army and Politics

V.A. Dubrovskiy

This paper speaks in terms of political science and examines the character and content of the State policy and the army interaction during the process of society transformation.

Key words: military policy, army in the political process, military factor, state.

В настоящее время проблемы взаимоотношения армии и политики являются едва ли не самым популярным направлением в военной и

политической науке. Это подтверждается непрерывающимися многочисленными дискуссиями ученых-обществоведов, военных и политических деятелей по данной проблематике. Все они без исключения отмечают, что в силу различных субъективных и объективных причин эти взаимоотношения не всегда выстраивались и развивались в одном векторном направлении.

История знает немало примеров, когда интересы армии и государства расходились, и тогда эти отношения вступали в противоречие и даже конфронтацию, ввергая общество в кризисное состояние, а государство лишалось стабильности и даже суверенитета. Образцом этого может служить Римская империя, где армия, нередко недовольная своим положением, свергала диктаторов, консулов и даже императоров, расчищая дорогу новым Цезарям, Калигулам и Помпеям.

и Ростовской областях, то эта структура, и это очень ценно, стала плодом эволюции гражданского развития, самостоятельно вызревшим в недрах самого российского общества, тогда как упомянутые региональные советы стали результатом международных проектов. Так, в Ростовской области стимулом стал проект «Развитие саморегулирования СМИ в Ростовской области», который реализовывался в течение 2001–2004 гг. совместными усилиями Ростовского регионального центра «Право и СМИ», Программы сравнительного права и политики СМИ Оксфордского университета (Великобритания) и Московского института проблем информационного права – при поддержке Министерства Великобритании по делам международного развития (DFID).

За время своего существования Общественной коллегией по жалобам на прессу было проведено 16 заседаний, в том числе одно заседание в феврале 2009 года. Рассмотренные жалобы затрагивают деятельность всех видов СМИ: печатных и электронных (радио, телевидение). Судя по количеству всевозможных обращений, этот орган стал компетентной инстанцией в российской медиа-среде.

Основная проблема состоит в развитии институтов саморегулирования в регионах. Как показывает практика, во многих субъектах (в том числе в Саратовской области), уровень развития гражданского общества не позволяет развернуться процессам самоорганизации, результатом которых

стали бы компетентные общественные структуры саморегулирования СМИ. Это проявляется во многих случаях, например, в процессе создания Общественной палаты, где главной движущей силой стали органы государственной власти, а не общественные организации. Все это говорит о том, что для создания эффективных региональных институтов саморегулирования СМИ необходим импульс или даже участие государственных структур, что, на наш взгляд, является уже традицией, российской политической особенностью.

Примечания

- 1 См.: СМИ и НКО: взаимодействие в защиту прав человека. Саратов, 2008. 256 с.
- 2 Proceedings of the information seminar on self-regulation by the media. Strasbourg, 1998. P. 7
- 3 См.: Ткач А. Органы саморегулирования СМИ: зарубежный опыт // Актуальные проблемы саморегулирования СМИ / Под ред. Г.В. Винокурова, А.Г. Рихтера, В.В. Чернышова. М., 2005.
- 4 <http://www.ruj.ru/granjury/>
- 5 Там же.
- 6 <http://www.sarunion.ru/jury/>
- 7 Итоговый аналитический доклад о создании и деятельности Совета по информационным спорам в Ростовской области // <http://www.medialaw.ru/selfreg/9/6.htm>
- 8 Устав Общественной коллегии по жалобам на прессу // <http://www.presscouncil.ru>

УДК 355:32 (100) «19/20»

АРМИЯ И ПОЛИТИКА

В.А. Дубровский

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: dubrik80@mail.ru

В данной статье с позиции политической науки анализируются характер и содержание взаимоотношений армии и политики государства в условиях трансформации общественного развития.

Ключевые слова: военная политика, армия в политике, военный фактор, государство.

The Army and Politics

V.A. Dubrovskiy

This paper speaks in terms of political science and examines the character and content of the State policy and the army interaction during the process of society transformation.

Key words: military policy, army in the political process, military factor, state.

В настоящее время проблемы взаимоотношения армии и политики являются едва ли не самым популярным направлением в военной и

политической науке. Это подтверждается непрерывающимися многочисленными дискуссиями ученых-обществоведов, военных и политических деятелей по данной проблематике. Все они без исключения отмечают, что в силу различных субъективных и объективных причин эти взаимоотношения не всегда выстраивались и развивались в одном векторном направлении.

История знает немало примеров, когда интересы армии и государства расходились, и тогда эти отношения вступали в противоречие и даже конфронтацию, ввергая общество в кризисное состояние, а государство лишалось стабильности и даже суверенитета. Образцом этого может служить Римская империя, где армия, нередко недовольная своим положением, свергала диктаторов, консулов и даже императоров, расчищая дорогу новым Цезарям, Калигулам и Помпеям.

Неизмеримо возросла взаимосвязь армии и политики в XVII–XIX веках – в эпоху формирования национальных государств. Не осталась в стороне от этого процесса и Россия, где гвардия играла ключевую роль в престолонаследии. Именно благодаря военным стало возможным правление Петра I и императрицы Елизаветы Петровны, Екатерины Великой и Александра I. Военные деспотии были характерным явлением для большинства античных государств, феодальных монархий Европы и империй Востока.

Об огромном влиянии армии на политическую жизнь общества в свое время указывали Н. Макиавелли, Петр I, А. Жомини, Ф. Энгельс, К. Клаузевиц, К. Маркс, В. Ленин, М. Фрунзе и другие политики и военные¹.

Проблемы взаимоотношений армии и политики в современную эпоху волновали умы видных ученых, военных, политических деятелей: Ш. де Голль, Г. Мольтке, Ч. Москос, А. Свечин, С. Тюшкевич, В. Серебренников, М. Гареева, А. Кокошин, Х. Ортега-и-Гассет и др.² Все они как в прошлом, так и в настоящем отмечали, что армия в многовековой истории человечества всегда являлась постоянным, непреходящим и активным участником политической жизни, выступала основной опорой и силой государства в реализации его внутренней и внешней политики. Кроме того, как в свое время отмечал К. Маркс, армия не только оказывала поддержку тем или иным политическим силам в борьбе за власть, но и сама неоднократно брала ее в свои руки, определяя иногда на долгие годы судьбы народов и государств³.

Еще более возросла роль армии в жизни государств в условиях развития капитализма и его высшей стадии – империализма. Она все чаще стала выступать в качестве ударной силы империалистических государств в международных отношениях. В частности, милитаристские круги Германии, Австро-Венгрии и других государств сначала ввергли народы в пучину Первой мировой войны, а затем реваншистские силы во главе с Германией развязали самую кровопролитную и разрушительную агрессию против народов Европы и СССР. Разгром агрессивных сил германского империализма и японского милитаризма во Второй мировой войне государствами антигитлеровской коалиции коренным образом изменил облик планеты. Это нашло свое выражение в победе народно-демократических революций в ряде восточно-европейских стран и Азии, в росте национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах, что в конечном счете повлияло на расстановку политических сил в мире и привело к расколу мира на две противоположные общественно-политические системы. Эти процессы вызвали всплеск милитаристских и реваншистских настроений у военных и политиков Западной Европы и США и, как следствие, привели к военному противостоянию, развязыванию

гонки вооружений, переросшую в итоге в «холодную войну» между капитализмом и социализмом. В эти годы в странах Западной Европы и США вновь стала слышна милитаристская риторика политиков и военных, которые, как и прежде, стремились с позиции силы определять характер международной политики.

Активность военных в Западной Европе и США не была исключением. Ей вторили и политические лидеры социалистического лагеря и в первую очередь Советского Союза и Китая. Первую скрипку играли военные в молодых независимых государствах, которые выступали ключевыми звеньями национально-освободительных движений, оказываясь в большинстве своем единственно сплоченной силой, способной осуществить или поддержать революционно-демократические преобразования.

В начале третьего тысячелетия взаимосвязь армии и политики обрела качественно иное состояние. Ушли в прошлое времена, когда военная верхушка практически единолично могла решать проблемы власти: в государстве, определять или изменять его внутреннюю политику, выбирать стратегию общественного развития, влиять на характер и содержание межгосударственных отношений. На смену военным к власти во многих государствах пришли гражданские лидеры, а армия из активного средства политики превратилась в ее объект, и военным в новых условиях отводилась роль исполнителей политической воли господствующих в обществе социальных групп. Время наложило отпечаток и на саму армию. Во-первых, она перестала быть кастовой группировкой, превратилась в серьезную общественно-политическую силу. Во-вторых, армия сегодня – это многочисленный, активный, сплоченный и дисциплинированный коллектив. В-третьих, вооруженные силы, и в первую очередь их командный состав, в настоящее время представляют собой значительный интеллектуальный потенциал, который при определенных условиях может оказывать существенное влияние на общественную и политическую жизнь современного государства.

Прекрасно это понимая, государственные деятели, представители политических партий и организаций постоянно «заигрывают» с военной элитой, стремясь заручиться ее поддержкой, преследуя при этом свои определенные корпоративные цели. В свою очередь высший командный состав, или так называемая военная элита, превратился в мощную лоббистскую корпоративную группировку, которая оказывает сильнейшее влияние на политическую власть по таким важным для себя вопросам, как военный бюджет, военные заказы и выделение других ресурсов на содержание армии и поддержку ВПК. Ведущую роль в этих процессах играют отставные военные, многие из которых становятся депутатами законодательных органов власти, членами правительств, входя в

составы советов директоров крупных компаний и различных фондов, оказывают воздействия на национальные правительства и международные военно-политические структуры. Примером этого может служить деятельность бывших военных в США, странах Западной Европы и других стран, в том числе и Российской Федерации, где высшие офицеры армии и других силовых структур после завершения военной службы по протекции политического руководства оказываются в креслах министров, губернаторов, представителей президента в федеральных округах и других властных и бизнес-структурах, что предоставляет им широкие возможности влиять на принятие управленческих решений в интересах военных, ВПК и финансово-промышленных групп, связанных с армией.

Хорошо известно, что армия – самая организованная мобильная и мощная сила, обладающая наибольшим арсеналом технических и людских ресурсов. По силе с ней не может конкурировать никакой другой социальный институт государства. Благодаря своему могуществу и влиянию армия способна подчинить себе другие институты государства, дать решающий перевес той партии, которую она поддерживает, военные могут довлеть над гражданской властью. На эти качества армии еще в XIX в. указывал Ф. Энгельс, который писал, что если армия будет против тех или иных политических сил, то никакой класс не сможет осуществить революцию, что она не победит, пока армия не станет на ее сторону. Это хорошо усвоили Ленин и большевики в России, когда в годы Первой мировой войны они сначала идейно разложили армию, а в октябре 1917 года сумели привлечь ее на свою сторону, и это, как известно, во многом обеспечило успех революции.

Аналогичной ситуацией в 70-е гг. прошлого века воспользовались демократические силы Португалии, которые, опираясь на революционно настроенную часть военных во главе с генералом Гомешем, свергли реакционный режим в своей стране. В 90-е гг. Российская армия проявила себя активным сторонником переориентации политического и социально-экономического развития страны, при ее поддержке были осуществлены социальные трансформации, произведено разрушение старой и укрепление новой власти в России.

В различные периоды развития общества и государства армия часто проявляет себя как относительно самостоятельное и активное средство политики. Эти качества вооруженных сил не раз проявлялись в переходные этапы жизни различных стран, на стыке эпох, в периоды острых общественно-политических кризисов. В такой обстановке на смену гражданской администрации обычно приходит власть военных. При этом армия выступает в качестве основного субъекта политики. Последнее проявляется в росте влияния людей в погонах на формирование внутренней и внешней политики, в сближении армии с политическими

группировками, интересы и цели которых совпадают с вождениями военной верхушки. Так вела себя армия в 60–70-е гг. XX в. в Греции, Южной Корее, Бразилии, Аргентине, Индонезии, Чили и других государствах.

К настоящему времени в научном сообществе сформировались в основном две диаметрально противоположные точки зрения на место и роль армии как средства и объекта политики. Одна из них базируется на примате военных в качестве главного средств разрешения в территориальных, национальных, социальных и иных разногласий. Другая строится на мнении, что в современных условиях армия должна быть нейтральной и поэтому военные должны быть отстранены от участия в политике. Такую точку зрения в свое время высказывали западные политологи Ж. Дорон, Х. Болдуин, Д. Шлоссер и др.⁴ Позиции этих исследователей, на наш взгляд, как минимум, являются спорными, ибо как показывает практика последних десятилетий, их выводы в ряде случаев не находят практического подтверждения. События в Югославии, Закавказье, Молдавии, противостояние курдов и правительства в Турции, баскский сепаратизм в Испании, проблема Косова в Сербии и другие конфликты были прекращены или заморожены во многом благодаря вооруженными силами. По нашему мнению, армия наряду с другими средствами в ближайшей перспективе по-прежнему будет оставаться гарантом стабильности и мира во взрывоопасных регионах планеты. И это сегодня подтверждается многочисленными фактами, когда армия в силу своего положения держит руку на политическом пульсе страны. Не столь давние события в Пакистане, Малайзии, Турции, Венесуэле и других государствах свидетельствуют, что военные не только внимательно следят за развитием политической ситуации в обществе, но и активно воздействуют на нее. В частности, в мае 2007 г. в период избирательной кампании в Турции армия недвусмысленно заявила устами начальника генерального штаба страны, что военные, являясь гарантом существования светского государства, не допустят его исламизации.

Не раз различные политические силы, идя на сближение или союз с армией, преследовали свои корпоративные интересы и цели. Как правило, это делается посредством различных программ, специальных обращений к военнослужащим, провозглашением проектов укрепления и совершенствования вооруженных сил, улучшения их социального положения. Особенно пристальное внимание к армии со стороны различных политических сил проявляется в периоды политических кризисов и назревания социальной напряженности. В такой обстановке армия, критически оценивая сложившуюся ситуацию, сама проявляет инициативу и устраняет с политической арены деструктивные силы и берет всю полноту ответственности за судьбу страны в собственные руки. К примеру, в

Чили, Индонезии, Пакистане и Филиппинах военные долго удерживали власть, в других случаях армия удерживала власть до готовности противостоящих сторон создать на компромиссной основе устойчивое правительство, которому она и передавала управление государством. В более чем 30 странах военные прямо или косвенно принимали участие во внутригосударственных острых социальных, этнических и территориальных конфликтах⁵.

В борьбе за власть различные политические группировки ясно осознают, что армия при определенных условиях может оказаться непреодолимым препятствием на их пути к этой цели. Тогда они осознанно идут на подрыв устоев армии, пытаются дискредитировать ее в глазах общественного мнения и тем самым отстранить от политического процесса, связанного с овладением власти. С этой целью применяются самые различные приемы и технологии: это использование военных в качестве полицейских сил для подавления выступлений народных масс; устранение оппозиционно настроенных по отношению к власти политиков, осуществление террористических акций против наиболее популярных в стране общественных и государственных деятелей. Классическим примером таких действий стало недавнее убийство лидера Народной партии Пакистана Б. Бхутто. Тем самым преднамеренно вбивается клин между армией и народом, что делает общество нестабильным, а процесс захвата власти более доступным. Такие методы наиболее характерны для развивающихся стран, хотя отдельные примеры можно привести и из новейшей истории европейских государств.

Еще одна форма взаимосвязи армии и политики сложилась в мире после Второй мировой войны. Это широкое использование вооруженных сил национальных государств в качестве своеобразного «товара» в межгосударственных отношениях. Воинские контингенты по решению политического руководства вводятся на территории других суверенных государств и используются там для борьбы с внутренней оппозицией, незаконными вооруженными формированиями, для поддержки правящих политических режимов, а также реализации национальных интересов тех государств, от имени которых они используются в качестве силы.

Примером такой взаимосвязи армии и политики могут служить действия США в Южной Корее, на Филиппинах, в Сомали, в Афганистане, в Ираке и т.д. Схожую политику в 60–70-е гг. проводили и Советский Союз, направляя свои воинские контингенты в Египет, на Кубу, во Вьетнам, Анголу, Эфиопию, Афганистан и другие страны.

Важнейшим показателем взаимоотношений армии и политики является ее участие в общественно-политической жизни страны в качестве граждан. В отдельных государствах (например, в США) военные частично или полностью

отстранены от политической сферы общества. Им запрещено находиться в рядах политических партий, организаций, участвовать в выборах или избирательных кампаниях, заниматься политикой, находясь на действительной военной службе. В других странах армия – неперемный участник политической жизни. Так, в Германии, России и других государствах военнотружущие принимают активное участие в избирательном процессе, им разрешено создавать общественные организации, состоять в них, если это не противоречит действующему законодательству. В частности, в российском Законе о «О статусе военнотружущего» в статье 7 говорится о том, что военнотружущие вправе в неслужебное время участвовать в митингах, собраниях, уличных шествиях демонстрациях, пикетировании, не преследующих политических целей и не запрещенных органами государственной власти; а в статье 9 того же закона записано, что военнотружущие могут состоять в общественных объединениях, не преследующих политических целей, и участвовать в их деятельности, не находясь при исполнении обязанностей военной службы⁷.

На стыке тысячелетий кардинальным образом изменился характер взаимоотношений армии и политики в международных делах. Это связано с тем, что качественно другой стала картина мира: он стал многополярным; исчезли потенциальные глобальные военные угрозы; власть в большинстве современных государств сосредоточилась в руках демократических сил, в то же время появились такие новые проблемы, как международный терроризм. Это заставило многие государства пересмотреть отдельные положения своих военных доктрин и внести в них существенные коррективы, согласно которым их основной задачей в настоящий момент является не разгром потенциального противника в условиях противостояния главных акторов мировой политики, а предотвращение развязывания военной конфронтации, устранение локальных вооруженных конфликтов.

При этом внешняя политика государств стала более взвешенной и открытой, другими словами, она перестала быть остроконфликтной. Во многом это результат действия принципов нового политического мышления, ставших в конце 80-х гг. XX в. основой консенсуальной политики государств в международных отношениях и деятельности таких организаций, как ООН, ОБСЕ и региональных политико-правовых структур. Однако это никоим образом не означает, что сегодня влияние армии на содержание и характер межгосударственных отношений сведено на нет. Несмотря на то, что многие международные проблемы и противоречия в современном мире не носят взрывоопасный характер, тем не менее, всегда в процессе их решения просматривается присутствие военных. На это указывают события в мире последних лет, когда разблокирование локальных конфликтов и между-

народных проблем путем переговоров не давало желаемого результата и в дело вступала военная сила отдельных государств или их коалиций.

Этнические конфликты на территории бывшей Югославии, в Ливане, антииракская военная операция «Буря в пустыне», военные действия коалиционных сил НАТО в Афганистане, Ираке, всплеск международного терроризма в различных регионах мира – все это наглядное подтверждение того, что устранение конфликтных ситуаций невоенными средствами оказывается зачастую малоэффективным. Это наглядно подтвердили последние события на постсоветском пространстве и, в частности, военные действия Грузии в Южной Осетии.

Новой сферой деятельности вооруженных сил в послевоенный период стало их участие в такой трудной, опасной, но очень важной для судеб мира и прогресса миссии, как миротворческая деятельность. Она берет свое начало с 1948 г., когда ООН осуществила свою первую миротворческую операцию. За почти 60-летний период ООН провела 48 операций по поддержанию мира в различных странах, в которых приняло участие более 750 тыс. военнослужащих и сотрудников гражданской полиции из 110 стран мира⁸.

Советские миротворцы впервые приняли участие в операции ООН в 1973 г., когда группа военных наблюдателей прибыла в Египет для обеспечения условий перемирия между Египтом и Израилем. С тех пор сначала советские, а затем российские «голубые каски» постоянно участвуют в операциях по поддержанию мира в различных регионах земного шара. Действия миротворческих сил чаще приходится на такие страны, руководители которых в силу своих политических и военных амбиций не всегда осознают опасность развязываемых вооруженных конфликтов, готовых перерасти в крупномасштабные военные действия. В таких случаях миротворческие силы, облеченные мандатом ООН или другой международной организацией, предпринимают все необходимые меры, вплоть до применения силы, чтобы остановить вооруженное противостояние конфликтующих сторон и прекратить военные действия. В большинстве своем миротворческие силы действуют в горячих точках на временной основе, хотя продолжительность их миссии иногда растягивается на годы. Примером такой деятельности может служить нахождение международных миротворческих сил на территориях Анголы, Сомали, Сьерра-Леоне, в Руанде, на Кипре, на Ближнем Востоке, Балканах, в Азии и других частях света. Наличие миротворческих сил в зонах конфликта способствует обеспечению мира и стабильности в регионе. Именно благодаря действиям «голубых касок» удается остановить массовое кровопролитие и тем самым спасти тысячи жизней, сохранить материальные и культурные ценности, прекратить геноцид против отдельных народов, вернуть к местам постоянного проживания сотни тысяч беженцев.

Сегодня многие государства, несмотря на общемировую тенденцию, направленную на демилитаризацию общества, продолжают считать, что сильная, хорошо оснащенная и обученная армия служит лучшей визитной карточкой государства. Видимо, с этой целью японское правительство и правящая либерально-демократическая партия в начале мая 2007 г. внесли в парламент предложение об изменении тех статей Конституции, которые на данный момент запрещают Стране восходящего солнца иметь полноценную армию. Это, по мнению японских политиков, не соответствует статусу великой державы и ограничивает возможности Японии более активно воздействовать на развитие политических процессов в мире.

Отчетливо представляя, что армия является одним из самых аргументированных инструментов политики, большинство стран из года в год наращивает военные бюджеты, накачивая тем самым мускулы своих вооруженных сил. И это несмотря на то, что мировая общественность и миролюбивые силы выступают против растущей милитаризации на планете, против создания новых образцов обычных вооружений, которые по своим боевым характеристикам приближаются, а их отдельные виды в ряде случаев превосходят оружие массового уничтожения. Однако позиции этих сил не находят отклика у правительств, и снижение уровней военного потенциала государств практически не отмечается, а заключенные договоренности в этом направлении не выполняются. Доказательством такой политики служат действия США и их партнеров по НАТО, которые, подписав договор о сокращении обычных вооружений, не соблюдают его положений.

Еще одним важным примером участия военных в политике стало движение «Партнерство ради мира». Это новая форма военно-политического сотрудничества с НАТО, в котором участвует более 20 государств, в том числе и Россия. Основная цель его это решение сложных международных проблем на основе выработки совместных действий по обеспечению всеобщей безопасности и борьбы с международным терроризмом.

Таким образом, в современном общественном сознании, как и в политической науке, в настоящее время сложилось устойчивое убеждение, что армии, как средству политики, по-прежнему принадлежит важнейшая роль в реализации внутренней политики государства и разрешении конфликтных международных проблем, с которыми в настоящее время сталкивается человечество.

Примечания

¹ См.: *Жоини А.* Очерк военного искусства. М., 1979; *Клаузевиц К.* О войне. М., 1995; *Ленин В.* О защите социалистического Отечества // Избр. соч. М., 1968; *Макиавелли Н.* О военном искусстве. М., 1959; *Фрунзе М.* Избранные произведения. М., 1957; *Маркс К., Энгельс Ф.* Армия // Избр. произведения: В 3 т. М., 1986. Т. 3.

- ² См.: *Гареев М.А.* О некоторых общих положениях военной доктрины и военной стратегии // *Военная мысль*. 1993. Спец. выпуск; *Кокошин А.А.* Политика национальной безопасности России в условиях глобализации. М., 2001; *Москос Ч.* Вооруженные силы в обществе отрицания войны // *Армия и общество*. М., 2003; *Ортега-и-Гассет Х.* Испания с перебитым хребтом // *Федерализм*. 2003. № 3; *Серебряников В.В.* Социология армии. М., 1996; *Стратегия в трудах военных классиков*. М., 1994; *Тюшкевич С.А.* Война и современность. М., 1986; *Голль Ш. де.* На острие шпаги // *За профессиональную армию // Идеи Шарля де Голля и их развитие в XX веке*. М., 1998.
- ³ См.: *Маркс К.* Правление преторианцев // *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. произведения. Т. 3.
- ⁴ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Указ соч. С. 112
- ⁵ См.: *Основы политологии / Под ред. Е.И. Рыбкина*. М., 1995.
- ⁶ См.: *Военная политология: Учеб. пособие / Под ред. В.М. Шевцова*. М., 1999.
- ⁷ См.: *Закон РФ «О статусе военнослужащих» // Сб. законодательных актов РФ*. М., 2000. С. 152.
- ⁸ См.: *Варталов В.Н.* Главное управление международного военного сотрудничества Министерства обороны РФ (1951–2001). М., 2001. С. 206.

Слово молодым политологам

УДК 316.42 (100)

РОСТ МНОГООБРАЗИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ И ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

А.В. Кузнецов

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: andreikuzz@mail.ru

В статье рассмотрено понятие многообразия общественных интересов как фактор, влияющий на качество государственного управления и уровень демократичности политической системы. Проанализированы различные варианты оптимизации системы органов государственного управления.

Ключевые слова: общественные интересы, государственное управление, информационное общество, демократия.

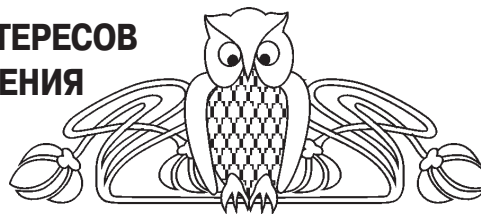
The Growth of the Diversity of Social Interests in and Problems of Governance in Information Society

A.V. Kuznetsov

The article examines the idea of diversity of social interests as a factor that influences on a quality of governance and a level of democracy in political system. Author analyzes different versions of reducing the system of governance to necessary level of complexity by the reason of complication of governance object.

Key words: public interest, governance, information society, democracy.

За прошедшие пятьдесят лет темпы мирового развития ускорились в десятки раз, что в свою очередь наложило отпечаток на все сферы общественной жизни. Государство, гражданское общество, бизнес и СМИ стоят перед лицом или уже находятся в состоянии перемен. Причина такого положения дел заключается в том, что процесс изменений проходит с неодинаковой скоростью в разных регионах мира. Это

позволяет утверждать, что информационное общество в полной мере проявило себя там, где индустриальное развитие достигло наивысших показателей. К таким государствам-лидерам следует отнести США, ряд стран Европейского союза, Японию, а также государства, демонстрирующие высокие темпы экономического роста. В указанных государствах, помимо перемен в секторе производства–потребления, стали актуализироваться тенденции, которые не имели места ранее, а именно плюрализация общественных структур, высокий уровень общественных потребностей и ожиданий, большой масштаб неопределённости и риска, информатизация общества, падение доверия населения к органам управления. Перечисленные тенденции можно объединить под одним общим знаменателем, таким как рост многообразия общества, а именно многообразия его интересов и потребностей. Исчерпывающую характеристику этому явлению можно будет дать только в будущем, но некоторые выводы можно сделать уже сегодня.

В конце прошлого столетия мир вошёл в эпоху административных реформ. Это было связано с кризисными симптомами в системе государственного управления, что выражалось в чрезмерном разрастании управленческого аппарата, в увеличении издержек на его содержание и низком качестве предоставляемых государством услуг. Всё перечисленное выражалось в росте недоверия к государственному сектору и его представителям.

- ² См.: *Гареев М.А.* О некоторых общих положениях военной доктрины и военной стратегии // *Военная мысль*. 1993. Спец. выпуск; *Кокошин А.А.* Политика национальной безопасности России в условиях глобализации. М., 2001; *Москоч Ч.* Вооруженные силы в обществе отрицания войны // *Армия и общество*. М., 2003; *Ортега-и-Гассет Х.* Испания с перебитым хребтом // *Федерализм*. 2003. № 3; *Серебряников В.В.* Социология армии. М., 1996; *Стратегия в трудах военных классиков*. М., 1994; *Тюшкевич С.А.* Война и современность. М., 1986; *Голль Ш. де.* На острие шпаги // *За профессиональную армию // Идеи Шарля де Голля и их развитие в XX веке*. М., 1998.
- ³ См.: *Маркс К.* Правление преторианцев // *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. произведения. Т. 3.
- ⁴ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Указ соч. С. 112
- ⁵ См.: *Основы политологии / Под ред. Е.И. Рыбкина*. М., 1995.
- ⁶ См.: *Военная политология: Учеб. пособие / Под ред. В.М. Шевцова*. М., 1999.
- ⁷ См.: *Закон РФ «О статусе военнослужащих» // Сб. законодательных актов РФ*. М., 2000. С. 152.
- ⁸ См.: *Варталов В.Н.* Главное управление международного военного сотрудничества Министерства обороны РФ (1951–2001). М., 2001. С. 206.

Слово молодым политологам

УДК 316.42 (100)

РОСТ МНОГООБРАЗИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ И ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

А.В. Кузнецов

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: andreikuzz@mail.ru

В статье рассмотрено понятие многообразия общественных интересов как фактор, влияющий на качество государственного управления и уровень демократичности политической системы. Проанализированы различные варианты оптимизации системы органов государственного управления.

Ключевые слова: общественные интересы, государственное управление, информационное общество, демократия.

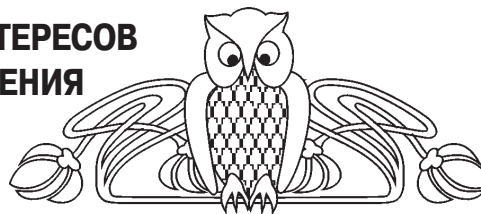
The Growth of the Diversity of Social Interests in and Problems of Governance in Information Society

A.V. Kuznetsov

The article examines the idea of diversity of social interests as a factor that influences on a quality of governance and a level of democracy in political system. Author analyzes different versions of reducing the system of governance to necessary level of complexity by the reason of complication of governance object.

Key words: public interest, governance, information society, democracy.

За прошедшие пятьдесят лет темпы мирового развития ускорились в десятки раз, что в свою очередь наложило отпечаток на все сферы общественной жизни. Государство, гражданское общество, бизнес и СМИ стоят перед лицом или уже находятся в состоянии перемен. Причина такого положения дел заключается в том, что процесс изменений проходит с неодинаковой скоростью в разных регионах мира. Это

позволяет утверждать, что информационное общество в полной мере проявило себя там, где индустриальное развитие достигло наивысших показателей. К таким государствам-лидерам следует отнести США, ряд стран Европейского союза, Японию, а также государства, демонстрирующие высокие темпы экономического роста. В указанных государствах, помимо перемен в секторе производства–потребления, стали актуализироваться тенденции, которые не имели места ранее, а именно плюрализация общественных структур, высокий уровень общественных потребностей и ожиданий, большой масштаб неопределённости и риска, информатизация общества, падение доверия населения к органам управления. Перечисленные тенденции можно объединить под одним общим знаменателем, таким как рост многообразия общества, а именно многообразия его интересов и потребностей. Исчерпывающую характеристику этому явлению можно будет дать только в будущем, но некоторые выводы можно сделать уже сегодня.

В конце прошлого столетия мир вошёл в эпоху административных реформ. Это было связано с кризисными симптомами в системе государственного управления, что выражалось в чрезмерном разрастании управленческого аппарата, в увеличении издержек на его содержание и низком качестве предоставляемых государством услуг. Всё перечисленное выражалось в росте недоверия к государственному сектору и его представителям.

Явление многообразия общества можно рассматривать по-разному, рост многообразия общественных интересов является одним из современных трендов развития общественной системы. Анализ социальных процессов даёт основание выделить ряд явлений, влияющих на усложнение общественной структуры в направлении роста плюрализации общественных установок и мнений.

Современные технологии, а именно средства коммуникации на их основе, стали ускорителем изменений. Возможность быстрого получения и обмена информацией влияет на сознание социума и каждой отдельной личности и способствует формированию множества мнений и взглядов. Объём информации даёт право выбора точки зрения или заставляет мыслить индивида самостоятельно, делать выводы и создавать свой образ реальности, ведь окружающий мир есть отражение нашего сознания. Для анализа влияния средств коммуникации на рост многообразия общественных интересов сосредоточим внимание на СМИ и Интернете.

СМИ – важный элемент социальной системы. Это не просто посредник между событием и аудиторией, средство массовой коммуникации. Это фабрика по производству образов и точек зрения. Общество осознанно или неосознанно принимает их.

В рамках индустриального экономического уклада посредством СМИ государство конструировало унифицированное общество, поскольку масс-медиа были мощным рычагом воздействия на массовое сознание. Унифицированное общество легко управляемо, контролируемо, массовость удобна для представительной системы демократии. Уже в 1960-х гг. в США и Западной Европе СМИ стали терять монополию на формирование общественного мнения. Вернее, она сохранилась, но утратила свой массовый характер. Об этом писал американский социолог Э. Тоффлер, который охарактеризовал данное явление как «демассификацию масс-медиа»¹. Она выражалась в том, что традиционные СМИ постепенно теряли аудиторию, чей интерес смещался в сторону телевидения и радио. Впоследствии в дома пришло кабельное телевидение и стало стремительно захватывать интерес аудитории. Господство таких американских медиа-магнатов, как NBC, было подорвано. Демассификация СМИ стала результатом демассификации общества, а, возможно, и наоборот, это подобно дилемме о курице и яйце.

Явления, изученные Э. Тоффлером ещё в 1980 г., имеют место быть и сегодня. Необходимо отметить, что наблюдается продолжение отмеченного выше процесса. Это выражается не только в «демассификации», но и в демократизации масс-медиа. Огромную роль здесь сыграл Интернет.

Дейл Пескин и Эндрю Начисон – руководители Медиа-центра Американского института

прессе в Рестоне (штат Вирджиния), ввели новое понятие: «мы-СМИ»². Оно используется для описания зарождающегося феномена глобального доступа к содержанию информации из бесконечного множества источников (мобильный телефон, ПК), содержанию, которое предполагает участие граждан в создании новостей и информации, оказывающих влияние на общество.

Прямое доказательство нового явления – поисковая система Google. Главная её задача состоит в том, как организовать мировую информацию, то есть дать возможность людям упорядочить мир, в котором они живут. Люди получают возможность искать, находить информацию, которая отражает их личные предпочтения, и действовать соответствующим образом.

Еще одним проявлением многообразия являются блоги. Эти виртуальные дневники позволяют формулировать идеи и соединять людей по всему миру. Такие сайты, как *Global Voices* <http://www.globalvoicesonline.org>, собирают истории и мнения рядовых граждан, которые рассказывают от первого лица об уникальных ситуациях, сохраняя самобытность своей культуры. Их сила столь убедительна, что в Интернете созданы такие сайты, как <http://www.technorati.com>, для отслеживания более 25 миллионов блогов, которые составляют только около четверти электронных журналов в «блогосфере». Глобальные сети позволяют людям размещать новости, мысли, идеи и изображения где угодно и когда угодно.

В новой цепочке передачи информации роль редактора выполняет Интернет посредством «блогосферы». В этом смысле цифровые СМИ, по своей сути, подрывают интересы любого института, основанного на власти и контроле. На смену традиционным СМИ в качестве главных хранителей информации приходят такие компании, как Google, MSN и Yahoo.

Другой процесс, который также может быть аргументом в защиту тезиса о росте многообразия общественных интересов, это стремительное развитие гражданского общества во всём цивилизованном мире. Наиболее активно этот процесс идёт в странах, выбравших демократический путь развития, а также в странах, причисленных к числу недемократических.

Необходимо при этом обратить особое внимание, что после Второй мировой войны усиливается движение к демократии. По мнению американского политолога С. Хантингтона, человеческая цивилизация стала свидетельницей трёх волн демократизации и двух периодов «отката» от демократии³. Хронологические рамки начала второй волны примерно соответствуют окончанию Второй мировой войны, если быть точными, то это период с 1943 по 1962 г. Далее следует этап свёртывания демократии. С 1975 г. начинается новая третья «волна демократизации», которая продолжается до сих пор.

По данным ежедневной газеты научных кругов США «The Christian Science Monitor», в последние 25 лет распространение демократии являлось одной из определяющих геополитических тенденций. В 1975 г. руководство избиралось населением в 30 государствах мира. К 2005 г. число таких государств резко возросло – до 119⁴. Несмотря на успех, западный истеблишмент обеспокоен тем, что указанный процесс приостановился и наблюдается довольно долгосрочный процесс стагнации.

Тенденции развития и укрепления институтов гражданского общества сигнализируют обратное: движение в сторону расширения демократии и открытого диалога всех сторон политического процесса.

Бывший генеральный секретарь ООН Кофи Аннан в докладе «Мы, народы: роль Организации Объединенных Наций в XXI веке», прозвучавшем на заседании Генеральной Ассамблеи ООН 27 марта 2000 г., особо отметил, что «сфера международных публичных отношений, включая ООН, должна быть еще шире открыта для участия многих субъектов, вклад которых имеет существенно важное значение для управления процессом глобализации. В зависимости от рассматриваемых вопросов они могут быть организациями гражданского общества, частного сектора, парламентариев, местных органов власти, научных объединений, учебных заведений и многих других видов организаций. Сегодня глобальные вопросы уже не являются исключительной прерогативой министерств иностранных дел, а государства перестали быть единственным инициатором решений для многочисленных проблем нашей небольшой планеты. Вместе с национальными механизмами принятия решений в творческой разработке новых форм глобального управления принимают участие многочисленные, разнообразные и все более влиятельные негосударственные субъекты. Чем сложнее проблема – будь то переговоры о введении запрета на наземные мины, введении ограничений на выбросы, которые способствуют глобальному потеплению, или учреждение Международного уголовного суда, – тем чаще мы видим, что в поиске консенсусных решений, вместе с государствами участвуют неправительственные организации, учреждения частного сектора и многосторонние агентства»⁵.

Действительно, с каждым годом все более определенно обозначает себя тенденция роста числа международных неправительственных организаций (НПО), выражающих интересы гражданского общества. По мнению руководителя Росзарубежцентра Э.В. Митрофановой, число НПО в мире увеличилось в 40 раз за последнее десятилетие⁶. Это новая реальность, которую нельзя игнорировать, поскольку она представляет собой возможность принимать решения и решать проблемы по-новому, то есть сообща. Это касается не только международной практики, но и внутригосударственной, так как в новых условиях

государство не способно обеспечить качественное и справедливое управление, не прибегая к помощи общественных структур.

Характеризуя особенности государственного управления на современном этапе развития, эксперты отмечают стремление добиться учета социальных аспектов в экономической политике и структурной перестройке. Это реакция на тенденцию к экономической либерализации, которой характеризовались 80-е и 90-е гг. прошлого столетия. Такая реакция в значительной степени является следствием обращений гражданского общества (ГО) и неправительственных организаций, количество и влияние которых, как уже отмечалось выше, за последнее десятилетие значительно возросло.

Многообразие НПО является следствием многообразия общественных интересов. В новых условиях у государства возникает радикальная потребность в дополнительных каналах получения информации от общества.

Правительства США, Европейского союза, России и всего цивилизованного мира уже столкнулись с проблемой качества управления. Возникла несовместимая с эффективностью диспропорция между архаичным государственным управлением и возросшей степенью многообразия сферы его ответственности. Возможны только два мыслимых пути решения проблемы соотношения многообразий⁷:

1) усложнение (повышение степени многообразия) субъекта управления (органов государственной власти);

2) упрощение (снижение степени многообразия) управляемого объекта (общественных структур).

Реализация второго варианта в современных условиях более чем утопична. Возможно лишь организационное упрощение общества путём сокращения числа партий, экономических и политических единиц. Но это не окажет ожидаемого эффекта, поскольку не затронет эволюционных процессов внутри общества. По-прежнему будет идти рост политического давления на властные структуры в обход традиционных систем политического представительства. Развитие НПО – внешнее выражение обозначенной тенденции.

Усложнение субъекта управления представляется, на наш взгляд, наиболее верным решением и требует детального рассмотрения.

Можно выделить три основных пути приведения системы органов государственного управления к необходимому уровню сложности.

1. Экстенсивный путь: расширение структуры органов государственного управления и увеличение числа чиновников.

2. Интенсивный путь: содержательное усложнение чиновников, то есть развитие человеческого капитала. Усложнение процесса рекрутирования бюрократии, ведомственные программы обучения и переподготовки кадров.

3. Сетевой подход: необходимо ввести понятие «менеджмент знания»⁸ (knowledge management), которое играет ключевую роль в раскрытии смысла данного подхода. Социальные сети предполагают перестройку системы вертикального администрирования, основанного на иерархиях, в систему горизонтального управления, предполагающего участие ГО при разработке политических решений, обмен знаниями и сотрудничество на основе диалога.

Первый путь наименее эффективный, поскольку ведёт к созданию громоздкой неповоротливой машины, требующей огромных финансовых затрат на поддержание жизнедеятельности и качественное выполнение функций. Современная практика показывает, что административные реформы отвергают экстенсивный путь, поскольку направлены на оптимизацию управленческих функций и сокращение финансовых издержек.

Попытка создания грамотного и ответственного чиновника заслуживает большего доверия, чем практика увеличения их численного количества. Но такой подход также не удовлетворителен, поскольку качественное улучшение содержания отнюдь не отменяет недостатков формы. Система разработки решений остаётся мало отзывчивой к сигналам из внешней среды. Вывод очевиден: проблему соотношения многообразий можно решить лишь одним путём, а именно путём преобразования как формы, так и содержания органов государственного управления.

По нашему мнению, первые два пути по созданию эффективной системы государственного управления необходимо рассматривать как меры, реализуемые в рамках одного общего подхода, который можно охарактеризовать как реформирование традиционной иерархической системы управления. При таком подходе стоит задача сохранения устоявшихся практик и имеющейся структуры государственного управления, основанной на принципах единоначалия, чёткой регламентации действий, оценке эффективности по объёму освоенных ресурсов. Инновации, внедряемые в старую структуру, не имеют перед собой цель её радикально трансформировать, а лишь модернизировать отдельные блоки системы, в том числе и за счёт реализуемых программ информатизации государственного сектора.

Необходимо отметить особую роль сетевой модели управления, реализация которой способна обеспечить создание новой системы органов государственного управления, а также дать дополнительные возможности для расширения демократической практики.

Многообразие, являясь следствием возросшего количества информации, само производит информацию, а именно многообразие общественных интересов и установок. Принятие политических решений предполагает накопление информации, её структурирование и анализ, что в итоге приводит к получению знания и применению его

для упорядочивания общественной жизни. Полученное знание оформляется в чёткие нормы или распоряжения, власть которых распространяется на всю территорию государства.

В упрощённом виде показан процесс принятия политических решений, который является фундаментальным в любой политической системе мира. Активные административные реформы двух последних десятилетий являются доказательством того, что в механизме разработки и принятия политических решений накопился огромный массив ошибок, и он требует капитального ремонта.

Возросший объём информации, производимой обществом, нередко ведёт к неосведомлённости властных структур при принятии решений, что отражается на качестве публичной политики. Ответ общества: недоверие, непонимание, социальная напряжённость. Итог плохого управления: нестабильность системы. Последствия могут быть непредсказуемыми для политической элиты. Она заинтересована в стабилизации ситуации на долгосрочный период. Соответственно в условиях многообразия общества политическая система должна быть способна, по нашему мнению, решать две основные задачи управления:

- 1) получение необходимого объёма информации об обществе,
- 2) качественная обработка информации и получение знания.

Ускорение времени – одна из особенностей информационного общества, где инновации как в экономике, так и в общественном секторе становятся решающим фактором в борьбе за конкурентоспособность. Главную силу приобретает знание, производящее инновации. Приходит понимание того, что инвестирование в образование, то есть в способности индивида – движущая сила развития. Несомненно, такой подход актуален и в сфере государственного управления. Менеджмент знания становится необходимым условием для успешного хода административных реформ, целью которых является приведение системы органов государственного управления к необходимому уровню сложности. Разработка и принятие политических решений уже немыслимы без учёта культурного, экономического и политического многообразия общества. Единственный способ достижения «хорошего управления» (good governance) – расширение демократической практики. Такую возможность даёт внедрение института электронного правительства (electronic government), которое может сыграть роль катализатора перемен в секторе государственного управления⁹.

Формирование электронных технологий осуществления правительственной деятельности может по-разному влиять на характер управления: от усиления устоявшихся управленческих практик до трансформации структуры управления в русле усиления горизонтальных транзакций. В условиях усложнения общественной структуры возникают предпосылки для качественно нового характера

взаимодействия государственного сектора и внешней среды. Ключевое значение в процессе сотрудничества приобретают согласие и договор, которые позволяют выработать решения по общим актуальным вопросам.

Многообразие общественных интересов вызывает к жизни именно сетевые типы организации и взаимодействия. Сетевая модель расширяет права «меньшинства» на участие в политике, что труднодостижимо при иерархических структурах.

Примечания

- ¹ См.: Тоффлер Э. Третья волна. М., 2004. С. 266.
- ² Начисон Э., Пескин Д. Новейшие СМИ меняют глобальное общество // <http://usinfo.state.gov/journals/itgic/0306/ijgr/peskin.htm>.
- ³ См.: Хантингтон С. Третья волна: Демократизация в конце XX века. М., 2003. 367 с.

УДК [327.7:349.6] (470+571)

ТНК КАК СУБЪЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

И.В. Бирюлин

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: Tussy2007@yandex.ru

В статье рассмотрены основные направления влияния ТНК в условиях глобализации мира на экологическую политику России. Акцент сделан на влиянии зарубежных и отечественных ТНК на формирование экологической политики и экологическую ситуацию в стране. Проанализированы позитивные и негативные стороны влияния, выделены перспективы развития экологической политики в России.

Ключевые слова: экологическая политика, глобализация, транснациональные корпорации.

Transnational Corporations (TNC) as Subject on Formation of the Ecological Policy of Russia Conditions of Globalization

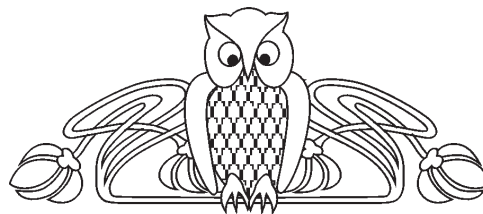
I.V. Birulin

The article deals with basic trends of influence of TNC on the ecological policy of Russia under conditions of the world globalization. The emphasis is made on the role of foreign and home TNC in the formation of the ecological policy and the ecological situation in Russia. The author analyses its positive and negative effects, points out perspective trends of the development of the ecological policy in Russia.

Key words: ecological policy, globalization, transnational corporations.

Сегодня становится очевидным, что в современном мире, активно интегрирующемся по всем направлениям развития человечества (экономика, политика, культура), национальные государства

- ⁴ The Christian Science Monitor. Global spread of democracy stalled // <http://www.csmonitor.com/2007/1121/p01s02-usgn.html>
- ⁵ Мы, народы: роль Организации Объединенных Наций в XXI веке // <http://www.un.org/russian/conferen/millennium/2000-6.htm>
- ⁶ Роль структур гражданского общества в диалоге Россия – ЕС // <http://www.rusintercenter.ru/?lang=ru&text=16>
- ⁷ Шабров О.Ф. Разнообразие как фактор эффективности государственного управления // <http://shabrov.info/Statji/raznoobr2.htm>
- ⁸ Сморгунов Л.В. Электронное правительство, менеджмент знания и административные реформы // <http://politex.info/content/view/59/40/>
- ⁹ См.: Сморгунов Л.В. Способности государства и критика концепции электронного правительства // Интернет и современное общество: Тр. X Всерос. объединённой конф. СПб., 2007. С. 38.

уже не являются единственными политическими субъектами, влияющими на формирование мировой политики. Наряду с традиционными политическими субъектами, такими как государство и политические партии, весомое влияние оказывают новые политические субъекты: ТНК, ВТО и МВФ, ООН, МНПО и МПО, Интернет, антиглобализм, возникшие в процессе глобализации и во многом повлиявшие на их формирование. Рассмотрим влияние экономических процессов глобализации на формирование экологической политики России, в частности, воздействие транснациональных корпораций (ТНК) как основных действующих лиц экономических процессов глобализации мира. На наш взгляд, процессы глобализации – мощный фактор влияния на мировые экологические проблемы. В этой связи ТНК как крупнейшие субъекты данных процессов, концентрирующие свои мощности преимущественно в странах периферии, являются ключевыми игроками, определяющими экологическую политику в различных регионах планеты.

Особенности положения России после 1991 г., заключающиеся в неготовности политической элиты¹ и экономики, которая грабительскими методами переделывалась из плановой в рыночную, а также общества в целом к процессам глобализации, определили все дальнейшее развитие экологической политики страны. В этих условиях ТНК, поначалу не доверявшие «новой» России, после нескольких лет изучения поняли, что наша страна готова стать «Новой землей» для западных

взаимодействия государственного сектора и внешней среды. Ключевое значение в процессе сотрудничества приобретают согласие и договор, которые позволяют выработать решения по общим актуальным вопросам.

Многообразие общественных интересов вызывает к жизни именно сетевые типы организации и взаимодействия. Сетевая модель расширяет права «меньшинства» на участие в политике, что труднодостижимо при иерархических структурах.

Примечания

- ¹ См.: Тоффлер Э. Третья волна. М., 2004. С. 266.
- ² Начисон Э., Пескин Д. Новейшие СМИ меняют глобальное общество // <http://usinfo.state.gov/journals/itgic/0306/ijgr/peskin.htm>.
- ³ См.: Хантингтон С. Третья волна: Демократизация в конце XX века. М., 2003. 367 с.

УДК [327.7:349.6] (470+571)

ТНК КАК СУБЪЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

И.В. Бирюлин

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: Tussy2007@yandex.ru

В статье рассмотрены основные направления влияния ТНК в условиях глобализации мира на экологическую политику России. Акцент сделан на влиянии зарубежных и отечественных ТНК на формирование экологической политики и экологическую ситуацию в стране. Проанализированы позитивные и негативные стороны влияния, выделены перспективы развития экологической политики в России.

Ключевые слова: экологическая политика, глобализация, транснациональные корпорации.

Transnational Corporations (TNC) as Subject on Formation of the Ecological Policy of Russia Conditions of Globalization

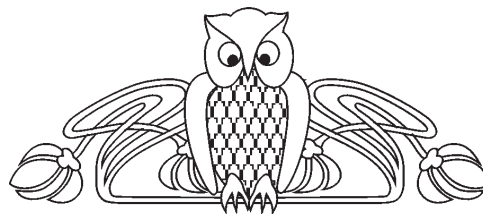
I.V. Birulin

The article deals with basic trends of influence of TNC on the ecological policy of Russia under conditions of the world globalization. The emphasis is made on the role of foreign and home TNC in the formation of the ecological policy and the ecological situation in Russia. The author analyses its positive and negative effects, points out perspective trends of the development of the ecological policy in Russia.

Key words: ecological policy, globalization, transnational corporations.

Сегодня становится очевидным, что в современном мире, активно интегрирующемся по всем направлениям развития человечества (экономика, политика, культура), национальные государства

- ⁴ The Christian Science Monitor. Global spread of democracy stalled // <http://www.csmonitor.com/2007/1121/p01s02-usgn.html>
- ⁵ Мы, народы: роль Организации Объединенных Наций в XXI веке // <http://www.un.org/russian/conferen/millennium/2000-6.htm>
- ⁶ Роль структур гражданского общества в диалоге Россия – ЕС // <http://www.rusintercenter.ru/?lang=ru&text=16>
- ⁷ Шабров О.Ф. Разнообразие как фактор эффективности государственного управления // <http://shabrov.info/Statji/raznoobr2.htm>
- ⁸ Сморгунов Л.В. Электронное правительство, менеджмент знания и административные реформы // <http://politex.info/content/view/59/40/>
- ⁹ См.: Сморгунов Л.В. Способности государства и критика концепции электронного правительства // Интернет и современное общество: Тр. X Всерос. объединённой конф. СПб., 2007. С. 38.

уже не являются единственными политическими субъектами, влияющими на формирование мировой политики. Наряду с традиционными политическими субъектами, такими как государство и политические партии, весомое влияние оказывают новые политические субъекты: ТНК, ВТО и МВФ, ООН, МНПО и МПО, Интернет, антиглобализм, возникшие в процессе глобализации и во многом повлиявшие на их формирование. Рассмотрим влияние экономических процессов глобализации на формирование экологической политики России, в частности, воздействие транснациональных корпораций (ТНК) как основных действующих лиц экономических процессов глобализации мира. На наш взгляд, процессы глобализации – мощный фактор влияния на мировые экологические проблемы. В этой связи ТНК как крупнейшие субъекты данных процессов, концентрирующие свои мощности преимущественно в странах периферии, являются ключевыми игроками, определяющими экологическую политику в различных регионах планеты.

Особенности положения России после 1991 г., заключающиеся в неготовности политической элиты¹ и экономики, которая грабительскими методами переделывалась из плановой в рыночную, а также общества в целом к процессам глобализации, определили все дальнейшее развитие экологической политики страны. В этих условиях ТНК, поначалу не доверявшие «новой» России, после нескольких лет изучения поняли, что наша страна готова стать «Новой землей» для западных

инвестиций. Во многом правительство времен Б.Н. Ельцина шло на уступки западным инвесторам, лишь бы привлечь иностранные капиталы. По сути, Россия встала на путь развивающихся государств. Естественно, в такой сложной политико-экономической обстановке экологическая тема отошла на второй план, во многом благодаря ТНК. На наш взгляд, на протяжении 90-х гг. и до сих пор экологическая политика России во многом зависит от экологической практики транснациональных корпораций. Наше предположение подтверждает экологическая политика государства на протяжении всего постсоветского периода, которая фактически проводилась, подстраиваясь под нужды становления новой экономики.

В период 1990-х гг. произошло дерегулирование экологических аспектов деятельности отечественных и зарубежных компаний. Независимое природоохранное ведомство, созданное в 1988 г., – Государственный комитет СССР по охране природы – неоднократно реформировалось и преобразовывалось, а его функции упразднились. В конечном итоге в мае 2000 г. Государственный комитет РФ по окружающей среде был упразднен, также был упразднен Федеральный экологический фонд. Часть функций бывшего Госкомэкологии перешла к Министерству природных ресурсов (МПР). Таким образом, функции экологического надзора были переданы органу власти, ответственному за лицензирование природопользования. Это создало в МПР определенный конфликт интересов, поскольку данное ведомство отвечает также и за лицензирование геологоразведки и добычи природных ресурсов. Лицензионные платежи за природопользование многократно превышают экологические, поэтому в целях исполнения бюджета отзыв лицензий на основании экологических нарушений может представляться МПР нецелесообразным. Еще 10 из 28 функций бывшего Госкомэкологии в ходе административной реформы не были закреплены ни за одним органом власти².

В России за последние годы регулирующая – стимулирующая функция практически сошла на нет. В 1990-е гг. «экологические платежи», вносимые компаниями, впоследствии перенаправлялись в экологические фонды и в значительной степени расходовались на решение экологических проблем предприятий. Однако в связи с вышеупомянутым упразднением экологических фондов в 2001 г. исчезла и экологическая направленность этих платежей, а их стимулирующая – регулирующая функция фактически была заменена фискальной. Поэтому местные власти зачастую рассматривают их как источник доходов. Вполне вероятно, что именно под воздействием частных компаний Федеральный закон «О плате за негативное воздействие на окружающую среду», который вновь призван вернуть платежам за загрязнение стимулирующую функцию, так и не был принят³. Однако даже в случае успешного межведом-

ственного согласования принятие экологического кодекса, скорее всего, будет происходить по частям и сильно растянется во времени, так как по большому счету оно не выгодно промышленным компаниям.

Ослабление экологического регулирования в России выразилось и в принятии в июне 2001 г. поправок к закону «Об охране окружающей природной среды», позволяющих ввозить в страну отработавшее ядерное топливо. Так, суда с урановыми «хвостами» из Европы в Россию можно назвать уже рейсовыми. С 1996 г. только по контрактам с германо-британо-нидерландской компанией «Urenco» к нам доставлено, по данным экспертов, около 100 тыс. т отвалного гексафторида, который образуется при обогащении урана. Срок контракта заканчивается в 2009 г. К этому времени, оценочно, в Санкт-Петербург и далее от этой компании придут еще не менее 20 тыс. т ядерных отходов. Контракт с французской компанией «Eurodif» заключен до 2014 г.⁴ Сегодня Россия единственная страна в мире, принимающая в промышленных масштабах зарубежные «хвосты» на свою территорию. Согласно контрактам с указанными компаниями обратно в дообогащенной форме им возвращается всего 10%, а 90% просто остается в России. Отдельного внимания заслуживает вопрос об экологическом регулировании в рамках соглашений о разделе продукции (СРП). Именно в этом формате прямые иностранные инвестиции приходят в развивающиеся государства и страны с переходной экономикой, имеющие сырьевые ресурсы в труднодоступных районах. В России в 2005 г. функционировало два из трех заключенных СРП – «Сахалин-1», и «Сахалин-2». Одним из пунктов СРП является то, что все условия проекта оговариваются государством и инвесторами только при заключении СРП и впоследствии режим хозяйствования на месторождении, прежде всего налоговый, не может быть изменен в худшую для инвестора сторону. На практике это означает, что при совершенствовании природоохранного законодательства и изменении системы экологического налогообложения новые положения сложно распространить на проекты СРП, которые, как правило, оказывают огромное негативное воздействие на окружающую среду⁵.

Тем не менее И.В. Герасимчук считает, что экологическое дерегулирование в России в конце 1990 – середине 2000-х гг. не являлось стимулом увеличения объемов прямых иностранных инвестиций⁶. Но не исключено, что под его воздействием иностранные инвесторы стали более склонны к выбору России в качестве объекта вложений в «экологически грязные» отрасли. Из крупных «зрелых» международных ТНК в Россию в 1990-х гг. пришли преимущественно компании нефтяной отрасли (Shell, ExxonMobil, Total, Hydro), пищевой промышленности (Coca cola и др.) и бытовой химии (Procter & Gampel). В 90-е гг. развитие деятельности для этих компаний

зачастую характеризовалось нарушением законодательства. Как правило, нарушения российского экологического законодательства, особенно в части получения заключения экологической экспертизы, характерны для иностранных компаний, замеченных в нарушениях природоохранных требований и в других странах, в том числе в странах происхождения. Это относится, например, к уже упоминавшимся нефтегазовым корпорациям Shell, ExxonMobil и Total, экологические иски к которым регулярно предъявляются в самых разных странах мира⁷. Нарушения экологического законодательства России иностранными инвесторами наблюдались и в 2000-е гг. Например, в октябре 2005 г. Росприроднадзор выдал предписание о приостановке строительства в Рузском районе Московской области завода корейской ТНК LG в связи с нарушениями природоохранного законодательства и об остановке работы фабрики кондитерского концерна Perfetti Van Melle в Истринском районе Подмосковья⁸.

Не стоит забывать и о российских ТНК, сформировавшихся за этот период и активно действующих как на внутреннем, так и на внешнем рынке. Среди отечественных компаний реальной международной конкурентоспособностью в настоящее время обладают лишь те компании, которые заняты в экспортно-ориентированном сырьевом секторе, производством военной техники и вооружений, выпуском уникального современного технологического оборудования, разработкой новых товаров и материалов. Однако их позиции на мировом рынке не столь прочны, как позиции ведущих транснациональных корпораций мира. В России процесс формирования ТНК, хотя и находится в начальной стадии, тем не менее протекает весьма динамично. Российские компании начали создаваться на базе финансово-промышленных групп (ФПГ) с целью более эффективного воспроизводства и обращения финансового, промышленного и торгового капитала, его накопления, концентрации и инвестирования в приоритетные отрасли российской экономики. Кроме того, отечественные компании призваны способствовать повышению конкурентоспособности основных отраслей экономики, восстановлению хозяйственных связей и развитию экспортного потенциала страны. В начале 2000 г. в государственный реестр ФПГ России было внесено 90 финансово-промышленных групп⁹. По мнению экспертов, при нынешнем уровне экономического развития оптимальным для России является существование около 130–150 финансово-промышленных групп.

Многие ФПГ уже сегодня по таким показателям, как объем продаж, стоимость рыночной капитализации и количество занятых, (около десятка компаний, к примеру Газпром, ЛУКОЙЛ, СИДАНКО, «Российский алюминий», Энергомашкорпорация, Связинвест, Ростелеком), могут быть отнесены к разряду транснациональных кор-

пораций. Нетрудно заметить, что большинство из этих корпораций заняты экспортом природных ресурсов, а не производством высокотехнологичных изделий. Тенденция превращения в крупнейший сырьевой придаток для западных стран весьма опасна для России. Кроме того, как было замечено выше, компании не очень заинтересованы в «экологизации» первичной переработки сырья.

В ходе анализа влияния иностранных ТНК и процессов глобализации на экологическую политику и экологию в целом нами была замечена схожесть политики отечественных и иностранных ТНК. Мы предлагаем выделить два периода развития как экономической, так экологической политики со стороны Правительства Российской Федерации и ТНК в целом. Первый период с 1991 по 2003 г. включает в себя общие черты политики отечественных и иностранных ТНК, выражающиеся в частых нарушениях экологического законодательства, нежелании модернизации своих мощностей, ориентации на добычу и вывоз сырья первичной обработки. Но существует коренное различие в причинах такой не экологичной политики. Импортерные корпорации, будучи не уверенны в долгосрочных перспективах развития своего бизнеса в России, с еще не устоявшимися политическими структурами, желали только одного – на как можно более выгодных условиях постараться урвать столько, сколько успеют. Тогда как перед нашими ФПГ (будущие ТНК) стояла задача выхода на мировой рынок, создания мощных корпораций внутри страны, способных конкурировать с мировыми лидерами. По сути, Россия шла по пути развивающихся стран, где развитые страны предпочитают размещать свои «грязные» производства, а собственным отраслям не хватает экономических мощностей для экологического развития. Второй период с 2003 г. по настоящее время характеризуется стабилизацией политико-экономической ситуации в стране, способствующей смене экологической политики ТНК как иностранных, так и отечественных. Примечательно, что причины, побудившие корпорации пойти на курс экологизации своих производств, различны. Так, иностранные корпорации, за это время окрепшие на российском рынке, стали рассматривать Россию как стратегического партнера. Кроме того, в нашу страну стали приходить ТНК более крупные и зрелые, чем в 90-е гг., уже со сформировавшейся экологической политикой, конкурентоспособные за счет более экологически чистых товаров. В этих условиях корпорациям приходится подтягивать свои производства до конкурентоспособной экологичной составляющей. Причины, побудившие отечественные ТНК встать на путь экологизации производства: во-первых, экологическая конкурентоспособность; а во-вторых, желание стать членами Всемирной торговой организации, раскрывающей возможности выхода на мировые торговые площадки, в свою очередь требующее прежде всего внедре-

ния в российское законодательство стабильных, предсказуемых правил игры и единых подходов в применении механизмов регулирования внешнеэкономической деятельности.

Приведем конкретные примеры. Так, после заключения сделки по образованию «ТНК-ВР» на охрану труда, промышленную безопасность и охрану окружающей среды по пятилетнему плану на 2003–2007 гг. было потрачено 1,7 млрд долл. США без учета экологической составляющей расходов на проекты, которые развиваются «с нуля» в соответствии с совершенно новыми природоохранными требованиями. «ТНК-ВР» осуществила разработку новых экологических корпоративных стандартов, которые приближают экологическую практику компании к практике ВР в других странах. Основными задачами компании на 2003–2005 гг. были борьба с утечками из трубопроводов, повышение уровня утилизации попутного газа и очистка месторождений от загрязнения, накопленного за прошлые десятилетия хозяйствования (то есть еще с советских времен)¹⁰. В некоторых сферах, например, по требованиям к фрахтуемым танкерам корпоративные экологические стандарты «ТНК ВР» оказываются жестче действующего российского законодательства.

Таким образом, глобализация мировых процессов неизбежно влияет на развитие Российской Федерации в целом и экологическую политику в частности. Мы выделяем позитивное и негативное влияние, первое проявляется в следующих тенденциях: во-первых, иностранные ТНК привносят свою экологическую практику, что вынуждает отечественные компании развивать свою экологическую политику для повышения конкурентоспособности; во-вторых, желание России вступить в ВТО также оказывает положительный эффект на экологическую политику России, в частности на пересмотр экологического законодательства в силу влияния на него международного экологического права, зачастую более качественного; в-третьих,

иностранные инвестиции, поступающие в российскую промышленность, требуют экологических страховок от пагубного воздействия промышленности и в случаях аварийных ситуаций, что в свою очередь отчасти страхует саму природу от бездействия в непредвиденных ситуациях; в-четвертых, процессы глобализации объединяют различные политики государств, в том числе и в вопросе защиты экологии планеты, это отражается на экологической политике, в том числе и России, стремящейся занять достойное место в мире. Негативное влияние выражается в том, что в кратко- и среднесрочной перспективе иностранные инвестиции в Россию будут по-прежнему связаны с увеличением нагрузки на окружающую среду. Сценарии развития ситуации в отношении экологических последствий деятельности ТНК в России в значительной степени зависят от действий отечественной законодательной и исполнительной власти в сфере природоохранного регулирования, а также от макроэкономической и политической обстановки в стране.

Примечания

- ¹ См.: Федоров Ю. // Pro et Contra. 1999. Т. 4, № 4. С. 22.
- ² См.: Панда Times. 2005. Октябрь.
- ³ См.: Экономическая политика Федерального Центра. 2002. № 399. 3–9 июня. С. 6.
- ⁴ См.: Ярошинская А. // Экология и жизнь. 2008. № 5. С. 22.
- ⁵ См.: Коммерсант Daily. 2005. 22 марта. С. 20.
- ⁶ См.: Герасимчук И.В. // Экологический вестник России. 2008. Май. С. 7.
- ⁷ Там же. С. 10.
- ⁸ См.: Коммерсант Daily. 2005. 26 окт.
- ⁹ См.: Бюллетень иностранной и коммерческой информации. 1998. № 143. С. 4.
- ¹⁰ См.: Панда Times. 2005. Июнь. С. 7.

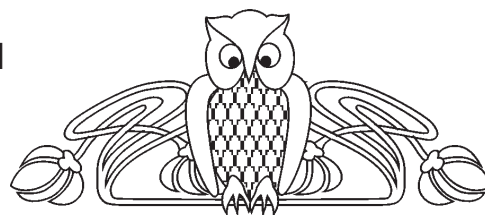
УДК 342.5

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕФОРМЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Н.Н. Юрченко

Кубанский государственный университет, Краснодар
кафедра госполитики и госуправления
E-mail: nnyurchenko@mail.ru

В статье идёт речь о проблемах и противоречиях реформирования административной системы в современной России. Анализируются плюсы и минусы различных концепций государственного управления в контексте административной реформы. Особое

внимание уделяется проблеме эффективности функционирования административного механизма и необходимости создания взаимодополняющих теоретических моделей государственного управления.

Ключевые слова: политология, государственное управление, административная реформа, модели эффективности государственного управления.

ния в российское законодательство стабильных, предсказуемых правил игры и единых подходов в применении механизмов регулирования внешнеэкономической деятельности.

Приведем конкретные примеры. Так, после заключения сделки по образованию «ТНК-ВР» на охрану труда, промышленную безопасность и охрану окружающей среды по пятилетнему плану на 2003–2007 гг. было потрачено 1,7 млрд долл. США без учета экологической составляющей расходов на проекты, которые развиваются «с нуля» в соответствии с совершенно новыми природоохранными требованиями. «ТНК-ВР» осуществила разработку новых экологических корпоративных стандартов, которые приближают экологическую практику компании к практике ВР в других странах. Основными задачами компании на 2003–2005 гг. были борьба с утечками из трубопроводов, повышение уровня утилизации попутного газа и очистка месторождений от загрязнения, накопленного за прошлые десятилетия хозяйствования (то есть еще с советских времен)¹⁰. В некоторых сферах, например, по требованиям к фрахтуемым танкерам корпоративные экологические стандарты «ТНК ВР» оказываются жестче действующего российского законодательства.

Таким образом, глобализация мировых процессов неизбежно влияет на развитие Российской Федерации в целом и экологическую политику в частности. Мы выделяем позитивное и негативное влияние, первое проявляется в следующих тенденциях: во-первых, иностранные ТНК привносят свою экологическую практику, что вынуждает отечественные компании развивать свою экологическую политику для повышения конкурентоспособности; во-вторых, желание России вступить в ВТО также оказывает положительный эффект на экологическую политику России, в частности на пересмотр экологического законодательства в силу влияния на него международного экологического права, зачастую более качественного; в-третьих,

иностранные инвестиции, поступающие в российскую промышленность, требуют экологических страховок от пагубного воздействия промышленности и в случаях аварийных ситуаций, что в свою очередь отчасти страхует саму природу от бездействия в непредвиденных ситуациях; в-четвертых, процессы глобализации объединяют различные политики государств, в том числе и в вопросе защиты экологии планеты, это отражается на экологической политике, в том числе и России, стремящейся занять достойное место в мире. Негативное влияние выражается в том, что в кратко- и среднесрочной перспективе иностранные инвестиции в Россию будут по-прежнему связаны с увеличением нагрузки на окружающую среду. Сценарии развития ситуации в отношении экологических последствий деятельности ТНК в России в значительной степени зависят от действий отечественной законодательной и исполнительной власти в сфере природоохранного регулирования, а также от макроэкономической и политической обстановки в стране.

Примечания

- ¹ См.: Федоров Ю. // Pro et Contra. 1999. Т. 4, № 4. С. 22.
- ² См.: Панда Times. 2005. Октябрь.
- ³ См.: Экономическая политика Федерального Центра. 2002. № 399. 3–9 июня. С. 6.
- ⁴ См.: Ярошинская А. // Экология и жизнь. 2008. № 5. С. 22.
- ⁵ См.: Коммерсант Daily. 2005. 22 марта. С. 20.
- ⁶ См.: Герасимчук И.В. // Экологический вестник России. 2008. Май. С. 7.
- ⁷ Там же. С. 10.
- ⁸ См.: Коммерсант Daily. 2005. 26 окт.
- ⁹ См.: Бюллетень иностранной и коммерческой информации. 1998. № 143. С. 4.
- ¹⁰ См.: Панда Times. 2005. Июнь. С. 7.

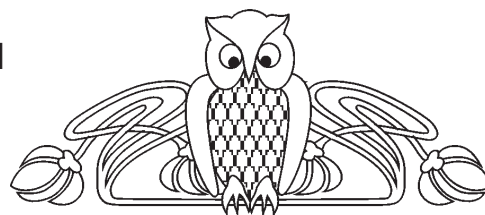
УДК 342.5

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕФОРМЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Н.Н. Юрченко

Кубанский государственный университет, Краснодар
кафедра госполитики и госуправления
E-mail: nnyurchenko@mail.ru

В статье идёт речь о проблемах и противоречиях реформирования административной системы в современной России. Анализируются плюсы и минусы различных концепций государственного управления в контексте административной реформы. Особое

внимание уделяется проблеме эффективности функционирования административного механизма и необходимости создания взаимодополняющих теоретических моделей государственного управления.

Ключевые слова: политология, государственное управление, административная реформа, модели эффективности государственного управления.

Theoretic-Methodological Aspects of Politological Research of Administrative Reform in Modern Russia

N.N. Yurchenko

The paper discusses the problems and contradictions of the reform of administrative system. The article analyses pluses and minuses of different concepts of public management. Special place takes problem of effectiveness of work of administrative mechanism and necessity of construction supplementing theoretical models of public management.

Key words: political science, public management, administrative reform, models of effectiveness of public management.

Наука о государственном управлении стала ещё одним достижением в комплексе политических наук. Долгое время внимание политических мыслителей было направлено на изучение природы государства, правильных и неправильных форм правления, устройства правительства, сути и места верховной и народной власти¹. Они рассуждали о величии смысла, лежащего в основе правления, и высоких задачах, которые ставятся человеческой природой и человеческими ценностями и целями и составляют предназначение правительства. Много внимания уделялось поиску идеального устройства государства, удовлетворяющего всем вызовам времени и привилегированного субъекта истории, чтобы возложить на него всю ответственность за происходящее перед нынешним и будущим поколениями. В теории и на практике противостояли друг другу монархия и демократия, олигархия и многопартийность. Главный вопрос заключался в том, кто будет писать закон и каким он будет. Для политической современности более актуальной стала проблема – как закон будет проводиться в жизнь научными методами, без проволочек и в кратчайшие сроки, что обеспечит эффективность государственного управления. Если ранее этот аспект считался практической деталью, которая может быть улажена рядовыми чиновниками, когда учёные договорятся об общих принципах управления, то теперь именно эта проблема стала активно изучаться, особенно в период современной административной реформы², которая в корне меняет не только практику государственно-административного управления, но и саму философию административной деятельности.

Реформирование государственного управления в период с середины 1980-х и по настоящее время охватило не только Россию, но и весь мир. Это обусловлено целым рядом причин, среди которых следует назвать, в первую очередь, глубинные сдвиги в системе социальных связей и технологической организации современного общества. Смена технологических парадигм, как правило, сопряжена с трансформациями инструментов управления, и прежде всего госуправления. Например, американские политологи выявили, что реформы госслужбы в США совпали по времени

с новыми технико-экономическими парадигмами и длинными экономическими волнами³. По сути, именно они являются первопричиной разработки новой модели отношений правительства с гражданским обществом. Формирование в последней четверти XX в. инфраструктуры информационного общества определило постепенный переход от иерархической системы управления к сетевому принципу. Актуальным стал вопрос о функциях государства. Известно, что в течение последних десятилетий XX в. сосуществовали различные концепции государства: государство благосостояния, предоставляющее обществу широкий спектр услуг, приоритет в производстве которых остаётся за ним; «малозатратное государство», предполагающее решение общественных проблем частным сектором и ограничивающее свою роль выполнением основных задач; «государство – партнёр по переговорам», которое выполняет роль посредника между бизнесом и обществом. Попыткой синтеза перечисленных подходов стала концепция «активизирующего государства», которая легла в основу философии реформ госуправления по модели Нового государственного управления (НГУ – New Public Management)⁴, согласно которой задачи государства определяются в ходе общественной дискуссии, а между обществом и государством развивается сотрудничество и разделяется ответственность. Государство инициирует процессы решения общественных проблем и выступает в роли посредника; устанавливает рамки ответственности граждан. Таким образом, важнейшими функциями государства становятся инициирование, активизация и стимулирование инновационного развития.

Реформирование по модели New Public Management предполагает делегирование ряда функций, ранее осуществлявшихся государством, рыночным структурам и приход в сферу государственного управления свойств рыночных принципов и категорий (расчёт затрат, издержки, конкуренция). Вместо гегелевского сосредоточения мирового разума и творца истории государство предстаёт как организация, регулирующая и обеспечивающая процесс оказания услуг гражданам. Проблема состоит в том, какие задачи должно выполнять само государство и какие могут и должны выполняться негосударственными институтами.

Модель «активизирующего государства» предполагает построение и изучение государства в четырёх измерениях:

- государство как гарант обеспечения производства и предоставления услуг;
- институт, определяющий рамки общественной активности и создающий условия гражданам для решения проблем;
- институт надзора за общественной и экономической деятельностью;
- производитель работ и услуг для общества, если это диктуют, например, вопросы безопасности или если государство может это сделать

с меньшими затратами, чем другие производители.

Анализ опыта реформ в Европе и США по модели *New Public Management* показывает, что были достигнуты следующие цели: сокращение госаппарата, снижение расходов на его содержание, обеспечение прозрачности, гибкости, эффективности функционирования системы управления, расширение сферы и качества использования меритократического принципа в карьерном продвижении управленцев⁵. Однако сопровождалась она целым рядом издержек. Так, в Великобритании и США выявились противоречия между нерыночной по своей природе государственной службой и попыткой её реорганизации на рыночной основе. В Германии отмечался рост бюрократизма, значительное сокращение кадров при одновременном сокращении государственных услуг, также имело место ослабление легитимности госслужбы, утечка квалифицированных кадров из госсектора и падение общего престижа государственной службы. По сути, речь идёт о разрушении идентичности института государственной службы и, прежде всего, этики: переход от ценностей гражданственности, равенства, представительства, ответственности и нейтральности к ориентации на потребителя, соревновательности, менеджеризму и фактическому неравенству граждан в качестве потребителей услуг. Утрачиваются традиционные принципы ориентации на интересы общества, что существенно понижает общественное доверие к госслужбе и может, в конечном счёте, инициировать кризис легитимности последней. Это заставляет вернуться к вопросу об эффективности, как одной из основных целей реформирования.

Эффективность в социальных системах – многосоставное и многоплановое явление. Учитывая постоянное расширение формулировок политического и государственного управления, критерии эффективности, как основного свойства управленческой системы и фактора осуществления этого процесса, формулируются весьма затруднительно. Можно ли в принципе создать такую универсальную модель эффективности с учетом того факта, что универсальное начало отсутствует в самом государственном порядке? Или же имеет смысл развивать методологию решения этого вопроса на уровне создания взаимодополняющих теоретических моделей.

Современная административная реформа в России включает в себя несколько моделей управления: формирование структур управления и чиновничества, подчинённых рациональному функционированию на основе права и регламентов, соответствует рационально-бюрократической модели; оценка деятельности по результатам, бюджетирование с учётом задач, ориентация на потребителя государственных услуг, элементы конкуренции и конкурсная система отбора кадров соответствуют концепции *New Public Manage-*

ment; принцип открытости и ответственность перед гражданским обществом соответствует модели демократического управления. Но этого недостаточно, чтобы обеспечить реализацию всех заявленных направлений административной реформы и встаёт новый вопрос о «способностях» государства к реформированию⁶. Проанализируем показатели, иллюстрирующие общие подходы к эффективности государственного управления, трансформирующиеся административной реформой на современном этапе. Формулировки задач указывают на дальнейшее построение строго иерархизированной системы управленческого аппарата, соизмеряющей решения с константными целевыми установками. Следовательно, разработчики руководствовались системой преемственности, однако в этой модели не хватает динамики принимаемых решений, не учитывается креативность управленцев, нет трансформации целевого и ценностного полагания в соответствии с изменяющимися условиями внешней среды. Эффективность инкорпорирована не как имманентно присущий системе фактор, а в качестве движущей силы для развития. Система мониторинга эффективности, основанная на западных моделях интегративных показателей, не соответствует жесткой системе управления, которая обеспечивает константность целевых и ценностных установок акторов системы государственного управления и должна быть пересмотрена, так как может показать прямо противоположные результаты⁷.

Взаимодополняющая модель эффективности государственного управления должна быть ориентирована на открытость; способность реализовать в рамках государственного управления публично заявленные цели и ценности, не исключая их трансформацию, а также динамику внутренних целевых и ценностных установок управленческих команд, которые разворачиваются в методиках расширенного понимания эффективности; наличие сетевых взаимодействий между различными уровнями внутри административной структуры и внешними по отношению к ней, адекватность и реалистичность оценки ситуации, что, по сути, представляет собой требования формирования и управления целевыми и ценностными установками; стабильность функционирования политической системы в динамике изменчивости политического процесса.

Рассмотренный подход к оценке эффективности государственного управления не является исчерпывающим, но он позволяет учитывать проблемы бюрократического типа управления и способствует обеспечению безопасности развития государства в целом.

Совершенство бюрократической модели в теории Вебера и несовершенство её на практике не позволяет найти стимулы для выхода за рамки рационализма внутри системы. Следовательно, закрытость оной ограничивает её эффективность и устойчивое развитие с учётом требований со-

временного общества. Проект административной реформы предполагает налаживание постоянного взаимодействия между органами государственной власти, местного самоуправления и институтами гражданского общества. Процесс реформирования всегда самый сложный для обеспечения безопасности системы, поэтому чем скорее административная реформа будет осуществлена, тем меньшее количество угроз сможет перейти из разряда возможных в реальные.

Проблемам становления российской государственности и, в частности, ценностной составляющей посвящены материалы постоянно действующего семинара «Миропознание и миростроительство (ценности, знание, действие: генезис и динамика форм)». В развернувшейся дискуссии прозвучали оценки роли России, которая экономически используется окружающим миром, но культурно им отторгается⁸, в связи с чем актуализируется проблема оригинального национального российского проекта в контексте модернизации Российского государства в условиях глобализации. Особенно остро ставится вопрос о ценностных ориентирах. Как известно, проблематика ценностей была внесена в политическую науку именно Максом Вебером. Согласно его теории, любой человеческий акт признаётся осмысленным в соответствии с ценностями, в русле которых устанавливаются нормы поведения людей и определяются их цели. Высшая ценность для государства – это сохранение нации, социокультурного уклада. Для России в данный момент проблемы и задачи самосохранения социума и упрочнения его положения в мире могут быть обеспечены выверенной политикой государства. Реализация этой функции обусловлена самосохранением самого государства – социального института, оказавшегося под угрозой распада в глобализирующемся мире. Таким образом, суть реформы заключается не только в изменении методов администрирования, но и в коренной перестройке стиля управления, в характере взаимоотношений элиты и общества. В поиске

эффективных форм взаимодействия субъектов и объектов госуправления заключается основная направленность социальных изменений, которые бы не разрушали политическую систему, а, напротив, скрепляли её элементами ценностными установками, признаваемыми гражданским обществом, что и будет способствовать обновлению российской государственности.

Примечание

- 1 См.: Платон. Государство // Соч.: В 3 т. М., 1971. Т. 3; Аристотель. Политика // Соч.: В 4 т. М., 1993. Т. 4; Макиавелли Н. Государь // Избранные произведения. М., 1982; Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные сочинения. М., 1990; Гоббс Т. Левиафан // Избранные произведения. М., 1991. Т. 2; Кистяковский Б.А. Государство правовое и социалистическое // Вопросы философии. 1990. № 6.
- 2 Концепция административной реформы в РФ в 2006–2008 гг. // www.government.ru. С. 8.
- 3 См.: Кил Л., Элиот И. Экономические циклы и реформа государственной службы в США // Реформы государственного управления накануне третьего тысячелетия. М., 1999. С. 58–59, 61.
- 4 См.: Райнхард К. Реформирование государственного управления. Концепция активизирующего государства // Реформы государственного управления. С. 8–94.
- 5 См.: Мэннинг Н., Паркинсон Н. Реформа государственного управления. Международный опыт. М., 2003. С. 88–89, 94.
- 6 См.: Сморгунов Л.С. Административная реформа в России: автономия государства и его способность к управлению. М., 2007.
- 7 См.: Добролюбова Е.И. Показатели эффективности реформ государственного управления в России // Политанализ.ru, <http://www.politanaliz.ru/articles_568.html>
- 8 См.: Миропознание и миростроительство (ценности, знание, действие: генезис и динамика форм). М., 2007.